

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

**Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»**

АЛЬМАНАХ

**Славяно-греко-латинского кабинета
Приволжского федерального округа**

**Thesaurus scientiarum et virtutum.
Сокровищница знаний и добродетелей**

Выпуск 8

**Нижний Новгород
2025**

УДК 304.2+009
ББК 60,63,71+84(0)
А571

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

А571 Альманах Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа. Thesaurus scientiarum et virtutum. Сокровищница знаний и добродетелей / Ред.-сост. М. П. Самойлова. Вып. 8. – Н. Новгород: НГЛУ, 2025. – 154 с.

ISBN 978-5-85839-475-4

Редакционная коллегия:

Авралев Н. В., ректор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

Жигалев Б. А., д-р пед. наук, профессор, советник ректора Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

Швецов М. Н., д-р экон. наук, канд. пед. наук, ректор Марийского государственного университета

Бараева О. Ю., канд. пед. наук, руководитель проектов и программ Благотворительного фонда преподобного Серафима Саровского, руководитель проекта «Ассоциация православных гимназий Приволжского федерального округа»

Устинкин С. В., д-р ист. наук, профессор, научный руководитель Высшей школы международных отношений и мировой политики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

Самойлова М. П., канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории и мировой политики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

Мошкина Е. Н., канд. филол. наук, доцент, директор Вятской православной гимназии во имя преподобного Трифона Вятского города Кирова

УДК 304.2+009
ББК 60,63,71+84(0)

ISBN 978-5-85839-475-4

© Авторы, 2025
© НГЛУ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

МЕНЕДЖМЕНТ В ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ВОСПИТАНИЯ

<i>Самойлова М. П.</i> Актуальные проблемы гражданского и патриотического воспитания студентов НГЛУ	5
<i>Устинкин С. В., Гайкович Е. К.</i> Сущность и структура понятия «лингвистическая безопасность», основные направления ее обеспечения в РФ	12
<i>Никитин А. В., Самойлова М. П., Устинкин С. В.</i> Государственный язык как ключевой инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности	26

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

<i>Полякова О. Ю.</i> Мультимедийный театрализованный концерт, посвящённый 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, как инструмент патриотического воспитания.....	34
<i>Краснов С. В., Стесикова С. Г.</i> Курс внеурочной деятельности «Кузница Победы. Арзамасский железнодорожный узел 1941–1945 гг.»	45

ИСТОРИЯ

<i>Сивкина Н. Ю., Колбасов М. Н.</i> Идеал гражданственности в двух древнегреческих трагедиях	57
<i>Лушин А. Н., Чудецкая К. А.</i> Полковой священник в Российской императорской армии: некоторые штрихи к портрету.....	64
<i>Солнцев Н. И.</i> Формирование патриотического образа Александра Невского в идеологической системе советского общества	70

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ОБЩЕСТВО: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

<i>Гвоздева И. А., Никишин В. О.</i> Институт семьи и проблема развода в античной традиции	77
<i>Гурина Е. П.</i> Православный воин Вадим Злобин.....	112

ФИЛОСОФИЯ

<i>Романов А. А.</i> Концепция русской истории в философской системе евразийцев	126
<i>Седаев П. В., Пиголицына У. В.</i> Идеи Л. А. Тихомирова в отношении различных форм монархического правления: самодержавия, абсолютизма и деспотии	133
<i>Багаева О. Н.</i> Опыт русской философии в осмыслении проблемы познания (на примере трудов Ивана Ильина и Николая Бердяева).....	139

ТВОРЧЕСТВО

<i>Лушин А. Н.</i> К 80-летию Великой Победы. Стихи	144
---	-----

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Сенюткина О. Н.</i> Татьяна Александровна Снегирева (1915–2012): личность в науке, образовании, служении Родине	148
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	152
---------------------------	-----

УДК 93
ГРНТИ 03.23

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ НГЛУ

М. П. Самойлова

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород
E-mail: marysom@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются современные проблемы гражданского и патриотического воспитания студентов вузов. Автор раскрывает взаимосвязь научного осмысления гражданственности в публикациях отечественных исследований с требованиями действующего законодательства и нормативных актов РФ. Обосновывается процесс личностного гражданского и патриотического развития студентов с точки зрения формирования универсальной компетенции «системное и критическое мышление». Автор аргументирует необходимость качественного обновления содержания и методики преподавания социально-гуманитарных дисциплин в вузах в соответствии с задачами воспитания гражданственности и патриотизма. В статье рассматривается роль учебной и внеучебной работы со студентами как методики оценки их гражданской и патриотической активности в контексте вовлеченности в социально значимые дела.

Ключевые слова: гражданственность, патриотизм, идентичность, традиционные ценности.

ACTUAL PROBLEMS OF STUDENTS' CIVIC AND PATRIOTIC EDUCATION

Maria P. Samoilova

Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod
E-mail: marysom@mail.ru

Abstract. The article analyzes modern problems of civic and patriotic education of university students. The author reveals the relationship between the scientific

understanding of citizenship in the publications of domestic research and the requirements of the current legislation and regulations of the Russian Federation. The article substantiates the development of personal civic and patriotic development of students from the point of view of the formation of the universal competence “systemic and critical thinking”. The author substantiates the need for a qualitative update of the content and methods of teaching social and humanitarian disciplines in universities in terms of compliance with the tasks of fostering citizenship and patriotism. The article analyzes the role of academic and extracurricular work with students as a methodology for assessing their civic and patriotic activity in terms of involvement in socially significant affairs.

Keywords: citizenship, patriotism, identity, traditional values.

Актуальность проблематики осмысления гражданского и патриотического воспитания определяется ее тесной связью с реально высокой ролью патриотизма в переживаемый нашей страной период. Патриотическое воспитание является одним из направлений государственной политики, что можно положить в основу научного анализа этой проблематики. Акцент на патриотическое воспитание в государственной политике объясняется сложностью общей современной геополитической ситуации, высокой нестабильностью международной обстановки, принципиальной значимостью современных событий для будущего нашей страны. События постсоветского периода, когда мы наивно верили, что отказ от советского прошлого, коммунистической идеологии и этики приведет к наступлению эпохи мирного сотрудничества и сосуществования со странами Запада, показали, что для Западного мира мы являемся цивилизационными соперниками вне зависимости от социалистического или капиталистического политического строя. Для стран Западного мира Россия и ее население видятся как зависимые, подчиненные, служащие сырьевой базой для их развития и процветания.

В условиях, когда проводится специальная военная операция на Украине, повседневное поведение человека, его ежедневные поступки, его выбор и его решения определяют ценностные установки. Значимость определенных объектов, к которым стремится человек, определяется ценностями реализация стремления к которым и приводит к определению человеком его жизненных целей, созданию социальных связей и отношений, созданию представлений о его профессиональном пути. Эти личные ценности должны соответствовать интересам государства, которое наиболее адекватно защищает интересы всех своих граждан, необходимо формировать ситуацию баланса между государственной политикой в области патриотического воспитания и личным патриотизмом

граждан, которые должны быть заинтересованы в том, чтобы совершать поступки, направленные на сохранение, развитие и процветание своего государства.

Формирование гражданственности и патриотизма в образовательных программах вузов относится к области универсальных компетенций, прежде всего компетенции системного и критического мышления во ФГОС 3++.

Вопросы воспитания духовных ценностей, гражданственности и патриотизма необходимо рассматривать только вместе, как взаимосвязанные и взаимозависимые понятия. В связи с этим технологии и факторы, влияющие на уровень гражданственности и патриотизма, рассматривали такие ученые, как А. О. Куракина [8], А. А. Айвазян [1], В. Ю. Гадаев [5, с. 98–157], А. К. Быков [3], Н. В. Гарашкина, А. А. Дружинина [6] и др. Следует обратить внимание на то, что вопросы гражданского и патриотического воспитания все более популярны в научной среде, все более расширяется круг вопросов, являющихся предметом таких исследований, расширяется и объект изучения, в качестве которого выступают и личность, и процессы, происходящие в обществе.

Некоторые ученые [2] посвящали свои публикации проблематике кризиса идентификации в России, связывали этот кризис с изменением политического строя в 90-е годы XX в. Разрушение институтов власти и общества привело к разрушению национальной идеи, кризису значимости для человека понятий «Родина», «государство», у людей усилилось недоверие к власти, неверие в будущее, готовность нарушить закон. Эти идеологические изменения привели к тенденциям сепаратизма, экстремизма, снижению социальной активности людей. Данная ситуация, как показали социологические опросы недавнего прошлого, существует и в последние годы [9, с. 90–95], когда в мире нарастают процессы неопределенности и изменчивости.

Рассмотрение вопросов формирования гражданственности и патриотизма связано с необходимостью определения этих понятий. Эти понятия имеют два аспекта – правовой и эмоциональный, как следует из публикации Ю. Н. Никифорова, А. Н. Скалиной [10]. Обычно к гражданским качествам человека относятся ответственность, социальная активность, осознание принадлежности к российскому обществу, наличие политически убеждений, уважение к традиционным ценностям. С точки зрения эмоциональной гражданственность может проявляться в таких психологических качествах, как радость от действий во благо государства и общества, желание действовать во благо своей семьи, Родины, государства, осознание своих моральных обязательств перед государством и обществом. Некоторые исследователи, в частности Е. В. Бондаревская [4], ростовский исследователь, разработавший концепцию воспитания человека и нравственности, а также другие, ученые выдвигают на первый план эмоциональный аспект гражданственности. С другой стороны, М. В. Чельцов

утверждает, что реально измеряемыми критериями гражданственности являются мотивы поступков и деятельности людей [13]. Обобщение содержания подобных исследований приводит к выводу о значимости таких критериев гражданственности, как ценности, мотивации и поведение.

При таком подходе методом измерения гражданственности является деятельность, а также мотивация человека для участия в какой-то конкретной деятельности. Современными формами гражданской деятельности являются активность на выборах, участие в общественных организациях, волонтерских движениях, политических и иных проектах, неучастие в незаконных организациях и отсутствие нарушений закона. Условия для всех этих форм деятельности существуют в Нижегородском государственном лингвистическом университете, на это направлено большое количество ежегодных мероприятий.

Как показывает анализ научных исследований в области гражданского и патриотического воспитания, путем повышения эффективности патриотического воспитания студентов является качественное обновление содержания и методик преподавания социальных, гуманитарных и экономических дисциплин, поскольку именно они ориентированы на формирование гражданского сознания и патриотического мировоззрения. Так же как и в других вузах, в НГЛУ изучается курс отечественной истории, в котором сделан акцент на непрерывности и единстве российской истории, наследии великих людей, подвигах и поступках российских граждан, на связи гражданственности и патриотизма населения с процветанием нашей страны. Методология преподавания истории предусматривает изъятие европоцентризма, западоцентризма, объективно рассматриваются достижения России, подробно рассматривается подвиг русского народа в Великой Отечественной войне. Преподавание русского языка и культуры речи также направлено на развитие гражданского и патриотического самосознания студентов посредством изучения особенностей речевого взаимодействия в отечественной культуре, через активизацию познавательной деятельности студентов в их ораторском искусстве. Преподавание политологии и социологии ориентировано на акцентирование места патриотизма и гражданственности в политической системе страны, влияние гражданского самосознания на социальный статус в обществе. В курсе философии также наличествует корреляция между вопросами о смысле человеческого бытия и его патриотической составляющей, раскрывается связь духовно-нравственных ценностей и их патриотического потенциала. В курсе правоведения изучаются основы государственной политики и нормативные акты в области патриотического воспитания, акцентируется связанность патриотической позиции и гражданских правоотношений, рассказывается о влиянии патриотизма населения на общественный правовой порядок.

Другим направлением гражданского и патриотического воспитания студентов является внеучебная работа, организация активности студентов в социально значимых делах, что также направлено на формирование российской гражданской идентичности.

Для развития гражданского самосознания в НГЛУ создаются условия для повышения уровня гражданской, правовой и общей культуры студентов, проводятся мероприятия, направленные на популяризацию знаний о культуре разных народностей Российской Федерации. Студенты знакомятся с политической системой страны, устройством законодательной, исполнительной и судебной власти в нашей стране, студенты имеют возможности получить знания о том, как им защищать свои права, опираясь на действующее законодательство, отличать незаконные действия от законных.

В этом направлении в НГЛУ активно развиваются различные студенческие объединения, проводятся открытые лектории и встречи со специалистами и экспертами в различных сферах, проводятся научные конференции, форумы, круглые столы по развитию гражданской культуры.

Патриотическое воспитание, по мнению исследователей, является частью гражданского. Согласно государственной программе патриотического воспитания граждан необходимо формировать чувство верности своему Отечеству, готовность выполнять гражданский долг, конституционные обязанности по защите интересов России [11]. Значимым шагом в совершенствовании технологий воспитания патриотизма стало утверждение федерального проекта «Патриотическое воспитание» [12], в рамках которого предусмотрено развитие общественных движений патриотической направленности (Ассоциация студенческих патриотических клубов, детско-юношеское движение «Юнармия», вовлечение молодежи в конкурсную деятельность). Упомянутая программа включает несколько уровней формирования патриотизма, основана на реализации потребностей молодых людей: от экологического уровня, направленного на реализацию физиологических потребностей, до уровней эстетических и культурных потребностей, в том числе потребности в самореализации. Уровни выстроены в виде пирамиды от более простых к более сложным. С нашей точки зрения, данная пирамида должна быть перевернута: в ее основе необходимо расположить потребности в самореализации, которые будут «подтягивать» все остальные, поскольку именно стремление к самореализации сможет мотивировать человека к участию в различных событиях и мероприятиях.

В процессе воспитательной деятельности в НГЛУ патриотическое воспитание реализуется по следующим направлениям.

Историко-культурное цикл включает мероприятия, направленные на формирование исторического сознания, национальной и культурной идентичности.

Это не только учебный курс «История Отечества», но и цикл научно-просветительских мероприятий, таких как ставшие уже традицией ежегодные студенческие «Рождественские чтения», секции научных конференций и форумов, направленных на формирование не только знаний по истории и культуре, но и научных компетенций студентов. Проводятся мероприятия, направленные на развитие корпоративной культуры: формирование определенной модели поведения обучающихся, сотрудников, выпускников по отношению к университету, сохранение академических традиций, символов, ценностей, разделяемых университетским сообществом. В этом направлении работа координируется и планируется Музеем НГЛУ и реализуется студенческим активом музея. Студентами проводятся исследования, архивные изыскания, связанные с биографиями выпускников и преподавателей НГЛУ в различные эпохи, исследуется роль НГЛУ в годы Великой Отечественной войны. Художественно-эстетическое воспитание, также способствующее патриотическому воспитанию, включает творческие коллективы студентов – академический хор НГЛУ, ансамбль «Синий лён», студенческий театр. Эти коллективы позволяют реализовать художественные таланты обучающихся. Сложилось в НГЛУ также и спортивно-патриотическое направление, способствующее развитию у молодых людей физических и духовных качеств, которые позволяют быть морально стойкими, дисциплинированным, готовыми к защите Отечества.

В условиях проведения специальной военной операции важным направлением гражданско-патриотического воспитания становится организация встреч с современными героями, участниками СВО, в частности встреча с генерал-лейтенантом Т. Джумаевым¹, также посещение студентами НГЛУ Нижегородского музея специальной военной операции².

В целом технологии гражданского и патриотического воспитания студентов, применяемые в НГЛУ, опираются на междисциплинарный подход, государственные нормативные документы, научные исследования в этой области. Дальнейшее совершенствование теоретической и практической работы в области гражданского и патриотического воспитания требует, как представляется, дифференциации исследований по направлениям развития патриотического сознания, патриотического поведения.

Литература:

1. Айвазян А. А. Смартфон и его роль в нашей повседневности // Вестник МГУКИ. 2021. № 6 (104). С. 74–81.

¹ URL: <https://lunn.ru/news/15834> (дата обращения: 23.04.2025).

² URL: <https://pravda-nn.ru/news/studenty-nglu-posetili-nizhegorodskij-muzej-spetsialnoj-voennoj-operatsii/> (дата обращения: 23.04.2025).

2. Амиантов А. А. Современные политические партии в России: цели их создания и деятельности // Вопросы политологии. 2017. № 4 (28). С. 88–98.
3. Быков А. К. Социально-педагогические условия эффективного развития осознанного патриотизма у студентов вузов // Педагогическое образование и наука. 2022. № 5. С. 49–53.
4. Воспитание как возрождение гражданина, человека культуры и нравственности: (Основные положения концепции воспитания в изменяющихся социал. условиях): На базе школы № 77 / Е. В. Бондаревская; Ростовский гос. пед. ун-т. Р. н/Д: РГПУ, 1995. 32 с.
5. Гадаев В. Ю., Гадаев Р. В. Патриотизм и молодежь. Махачкала: АЛЕФ, 2019. 184 с.
6. Гарашкина Н. В., Дружинина А. А. Включение студентов вуза в социальные проекты по гражданско-патриотическому воспитанию детей и молодежи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26. № 193. С. 134–140.
7. Коряковцева О. А., Бугайчук Т. В. Кризис идентичности молодежи и становление Гражданина // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 2 (132). С. 91–98.
8. Куракина А. О. Роль оценочной деятельности в учебно-воспитательном процессе // Человек культуры: Статьи, тезисы сообщений по актуальным проблемам гуманитарных исследований. Бийск: НИЦ БиГПИ, 2000. С. 290–293.
9. Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов грядущего (по материалам VIII этапа мониторинга динамики социокультурного развития Уральского студенчества 1995–2020 гг.): Монография / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2021. 372 с.
10. Никифоров Ю. Н., Скалина А. Н. О понятии «гражданственность» // Вестник Башкирского ун-та. 2007. № 4. С. 248–252.
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2015 № 1493 «О государственной программе “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 гг.”». URL: <https://base.garant.ru/71296398/> (дата обращения: 23.04.2025).
12. Федеральный проект «Патриотическое воспитание» // Министерство просвещения Российской Федерации [сайт]. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (дата обращения: 23.04.2025).
13. Чельцов М. В. Проблемы определения критериев сформированности гражданственности и патриотизма молодежи // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2016. № 2. С. 12–19.

**СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА ПОНЯТИЯ
«ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»,
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РФ**

С. В. Устинкин

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород
E-mail: ustin@lunn.ru

Е. К. Гайкович

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород
E-mail: gk80@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются основные методологические подходы к определению содержания понятия «лингвистическая безопасность». Определяются его структура и основные направления обеспечения. Важное место занимает определение критериев, оценки эффективности политики «лингвистической безопасности» и ее важной составляющей части «языковой политики» в многонациональном, поликонфессиональном российском обществе.

Ключевые слова: лингвистическая безопасность, языковая политика, русская цивилизация, цивилизационный реализм, традиционалистская рефлексия.

**C THE ESSENCE AND STRUCTURE OF THE CONCEPT
OF “LINGUISTIC SECURITY”, THE MAIN DIRECTIONS
OF ITS PROVISION IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Sergei V. Ustinkin

Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod
E-mail: ustin@lunn.ru

Ekaterina K. Gaikovich

Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod
E-mail: gk80@mail.ru

Abstract. The article analyzes the main methodological approaches to defining the content of the concept of “linguistic security”. Its structure and main areas of support

are determined. An important place is occupied by defining criteria for evaluating the effectiveness of the “linguistic security” policy and its important component of the “language policy” in a multinational, multi-confessional Russian society.

Keywords: linguistic security, language policy, Russian civilization, civilizational realism, traditionalist reflection.

В настоящее время резко актуализировались поиски углубленного понимания сущности и содержания гуманитарной, в т. ч. лингвистической, безопасности, координации усилий по методическому и интеллектуальному обеспечению, поддержке и развитию национальных культур, языковой политике, философии жизни человека [11. С. 10–17].

Государства БРИКС, ОДКБ, ШОС, Евразийского союза объединяет общее видение основных угроз в сфере гуманитарной безопасности:

- возведение в абсолют индивидуальных, эгоистических ценностей, утрата чувства национальной самоидентификации и гражданской ответственности;
- навязывание демократии, как консолидированной власти меньшинств над сторонниками традиционных, религиозных и коллективных ценностей;
- пропаганда образа жизни, в основе которого вседозволенность, насилие, национальная и религиозная нетерпимость;
- размывание культурных границ, разрушение языка как базового элемента культуры, вызванные глобализацией и неконтролируемой миграцией;
- ослабление семьи, как фундаментальной ячейки общества, снижение духовного, нравственного и творческого потенциала населения;
- усиленная активность разнообразных общественных и религиозных организаций экстремистского и националистического толка [16].

В условиях ментальной, гибридной, прокси-войны, развязанной Западом против России и наших союзников с целью подрыва самоидентификации и исторической памяти, широко используются технологии информационно-сетевого воздействия для попыток скрытого управления культурно-мировоззренческой средой [17, с. 3–10], реформатирования цивилизационного кода, ментальности населения и добровольного приятия гражданами государств-союзников «чужих» враждебных ценностей, идея о превосходстве западной цивилизации [7].

Под цивилизацией в нашем исследовании понимаются предельно крупные социокультурные общности, геостратегическая система, включающая в себя языковое, этнокультурное, религиозное, политическое разнообразие и экономические

подсистемы, в том числе моментально выходящие за географические и правовые границы, непосредственно связанные с институтами данной цивилизации [7]. При этом качественными характеристиками русской цивилизации являются следующие ее структурные составляющие:

- это евразийская цивилизация в геокультурном плане;
- это поликультурный мир со стержневым, доминирующим положением в нем русской культуры;
- это поликонфессиональная цивилизация с православно-христианским ценностным ядром и многовековыми традициями веротерпимости;
- это многоязыковое общество с русским языком как средством межнационального общения, языком – носителем мирового опыта, высочайшей культурой перевода со многих языков;
- это государственная традиция, исторически сменившая несколько различных образований «имперского» типа;
- это государство-цивилизация, препятствующее установлению мирового господства и выступающее катализатором многополярного мироустройства;
- наконец, это многоукладная геозекополитическая и хозяйственно-правовая система [12].

Российская цивилизация с нашими ценностями, такими как духовный и политический суверенитет, оригинальная модель социума и государства, своя система исторических, культурных и духовных координат, уникальный опыт строительства справедливых и мирных межнациональных и межконфессиональных отношений, идеи человеческой солидарности, многополярного и многоукладного бытия, традиции самоограничения, которые являются базисом общенациональной российской идентичности, никогда не вписывались в парадигму бытия Запада.

По отношению к другим современным мировым цивилизациям – китайской, индийской, исламской, буддийской и др. – является союзником в отстаивании политического и экономического, культурно-духовного суверенитета, важным фактором обеспечения более справедливого миропорядка. Переход к многополярности в международных отношениях требует признания и принятия самоценности любой существующей культуры и защиты их от информационно-психологической, лингвистической агрессии. В условиях глобальной трансформации необходимы любые формы и виды культурного взаимодействия. Наиболее перспективным является межкультурный и межкультурный диалог с его имманентной установкой на взаимодействие и партнёрство, обеспечение справедливого миропорядка, культурной стабильности.

Как видим, лингвистическая безопасность, как важная составная часть структуры русского государства-цивилизации, одно из основных направлений ее обеспечения, принцип взаимодействия с другими цивилизациями в многополярном мире, требует серьезного изучения представителями разных социально-гуманитарных наук [8, с. 33].

Мы разделяем точку зрения В. И. Толстых о том, что сегодня необходима «новая идеология» и технологии диалога, которые могут быть выработаны путем консенсуса двух господствующих ныне мировоззрений и типов мышления – антропоцентричного (западного) и космоцентричного (восточного). Первый строится на логике обладания и господства, подавления и подчинения, второй – на логике мудрости [14]. Поэтому достижение консенсуса и равноправного партнерства невозможно без сохранения и защиты, развития несилловых государственных скреп (культуры, языка, религии, идеологии, традиций, ценностей) [5, с. 12–15].

Мы разделяем гипотезу лингвистической относительности Сепира – Уорфа, согласно которой структура того или иного языка определяет особенности мышления и способ познания и восприятия реальности его носителями. Следовательно, люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают мир, а роль и значение обеспечения лингвистической безопасности и проведения суверенными государствами эффективной языковой политики в современных условиях глобальных и локальных трансформаций трудно переоценить [15, с. 158]. Диалог между представителями разных культур, цивилизаций, который, казалось бы, должен вести к взаимопониманию, подчас дает обратный результат. Ибо достижение действительного понимания требует поправки на национально-историческую систему понятий и ценностей, требует учитывать, что представитель другого народа может видеть мир несколько иначе, чем мы. В общем виде решение проблемы взаимоотношения национальных мировоззрений очевидно: интернациональное и национальное находятся в единстве, определяемом единством мирового исторического процесса. Хотя значительное количество ученых подвергает такое единство, прежде всего культурное, сомнению и критике.

Вильгельм фон Гумбольдт утверждал, что «язык народов есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное». Один из наиболее значительных последователей Гумбольдта Лео Вайсгербер полагал, что каждый язык уникален и в каждом языке заложена своя культурно-специфическая модель, «картина мира» [13, с. 131].

Мы разделяем мнение С. Г. Воркачева о том, что «взаимодействие и взаимовлияние языка и культуры происходит в самых разнообразных формах

и, соответственно, столь же многоаспектен предмет лингвокультурологии, куда входит языковая и национальная картина мира, языковое сознание, языковая личность, ментальность, (этнический) менталитет, культурный код и пр. Основной же эвристической единицей лингвокультурологии является концепт, который при любом толковании сводится к понятию как совокупности собственных признаков предмета, погруженному в культуру и язык. Совокупность концептов составляет национальную картину мира, представляет языковое сознание, формирует этнический менталитет, определяет тип языковой личности» [4, с. 65–66].

Однако в условиях глобализации в связи с набирающим силу смещением различных мировых этносов цивилизации сталкиваются с беспрецедентной экспансией английского языка, что может привести к доминированию культуры английских стран. Англоязычное влияние испытывают почти все страны. Это во многом объективная тенденция, охватывающая мир.

Оппоненты процесса становления английского языка как глобального, вестернизации мировой культуры считают его распространение «лингвистической агрессией», языковой колонизацией, глобанглизацией и ставят вопрос о том, как сохранить национальную идентичность в эпоху глобализации.

Глобализация порождает естественное сопротивление, народы мира задумываются о балансе между разумным использованием английского языка и сохранением своих национальных языков и традиционных культур.

В работах по лингвистике глобализации дается оценка лингвистическим действиям, которые способствуют глобальному распространению определенных языков и вытеснению других [6]. Ставится вопрос о том, могут ли и должны ли страны, а если да, то как, защищать свои лингвистические ресурсы, противостоять глобалистскому неолиберальному дискурсу.

Т. Скутнабб-Кангас и Р. Филлипсон анализируют проявления «лингвистического неоимпериализма»; «лингвистического геноцида»; преступления против человечности в области образования [18].

Я. Бломберт вводит понятие «лингвицида» (*linguicide*) – уничтожение языка [19, р. 13]. В эколингвистике широко используется термин *killer language* (язык убийца) в применении к глобальному английскому, вытесняющему местные языки.

А. Стиббе указывает на опасность преобладания лишь позитивно окрашенных дискурсов о глобализации и приводит аргументы в пользу создания экологической модели социолингвистики, призванной показать, что отдельные способы использования языка представляют собой потенциальную угрозу для планеты [20, р. 406].

Английский язык не может не ассоциироваться с политикой США и навязываемой этим государством системой ценностей, что вызывает у миллионов людей разных стран чувство недовольства [2, с. 304].

Значительное количество работ в российской историографии посвящено изучению сущности и содержания понятия «лингвистическая безопасность». Одними из первых начали дискуссию по изученной проблеме И. И. Халеева, А. А. Бартош, Б. А. Жигалев, С. В. Устинкин, Е. П. Савруцкая, И. И. Кувакова и другие исследователи [9, с. 117].

Общепринято считать, что термин «лингвистическая безопасность» – это, с одной стороны, содержательная ценность, ответственность за произнесенное, высказанное или написанное слово, с другой стороны, те сигналы, которые рассматриваются как исходя из национальных интересов отдельной страны, мира в целом, так и в рамках корпоративной этики. С третьей стороны, лингвистическая безопасность – один из мощных социально-политических факторов движения, который может и должен рассматриваться как инструмент достижения не только морального, ценностного, мировоззренческого консенсуса, но и гражданского доверия между народами в более широких государственных рамках, имея основу в управлении и юридическо-правовой сфере.

Многие ученые при обсуждении термина «лингвистическая безопасность» обращают внимание на изучение естественных и искусственных управляемых изменений языка и речи, современного волеизъявления и словоупотребления (Ю. А. Гильчаков, И. Д. Голев, Г. М. Трофимова), смыслоценного и содержательного контекстов, которые часто формируются как «нарушения». Значительная часть исследователей трактует «лингвистическую безопасность» как необходимость соблюдения правил и норм цивилизационной атмосферы транспарентности – личности, объективности, доступности, прозрачности публичной информации; культурно-речевого – разговорного, диалогового и дискуссионного; официального и электронного, дипломатического, научного, профессионального, кино- и литературного, социально-политического, образовательного, СМИ-, ТВ- и интернет-коммуникационного контента, представленного в мультикультурном пространстве.

Дискуссия не закончена и является отражением актуальности и востребованности дальнейшего изучения сущности и содержания «лингвистической безопасности».

Что же из себя представляет, на наш взгляд, сущность «лингвистической безопасности»?

Наше понимание лингвистической безопасности многомерно. В широком смысле слова мы имеем в виду исследование лингвистическими методами

актуальных проблем сохранения геополитического кода государства-цивилизации как исторически сложившейся системы политических отношений с внешним миром, обеспечивающей определенный государственный статус на мировом, региональном и локальном уровнях. Структура геополитического кода включает в себя национальные интересы и ценности, принятую шкалу идентификации опасностей, рисков, вызовов и угроз, возможные способы их нейтрализации, обеспечения социально-политической стабильности, равноправного стратегического партнерства с ведущими мировыми державами, а также приоритеты обеспечения национальной безопасности (личности, общества и государства), в т. ч. информационно-психологической и лингвистической [18, р. 77].

Каковы же коды российского государства-цивилизации?

Глубинное содержание российской цивилизации, меняя свои внешние формы, оставалось неизменным в своей сокровенной сущности. Это была мечта об идеальном бытии, божественной гармонии, создающих справедливое царство, где нет насилия, попирающего сильным слабого, богатым бедного.

Русская мечта о справедливом государстве есть драгоценное достояние Русского мира. К достижению этого идеала, построению этого царства ведут русские коды – ступени, по которым поднимается народ, преодолевая трудности и поражения [1, с. 24].

Важнейшими среди них являются:

1. Код взыскания – непрерывного стремления к этому государству.
2. Код священного труда, коим не только добывается хлеб насущный, но и строится само государство, обретается Царство Небесное.
3. Код воскрешения, позволяющий России подниматься вновь после страшных исторических поражений.
4. Код русского чуда, который спасает Россию, когда, казалось бы, нет спасения и бездна охватывает страну и народ.
5. Код общего дела, превращающего народ в гигантскую трудовую артель, в огромный непобедимый батальон.
6. Код оборонного сознания, когда свою мечту, свой идеал народ защищает, принося для его сбережения колоссальные жертвы.
7. Код Россия – душа мира. Ибо Россия приглашает в свой исторический поход весь род людской, желает духовной победы не только себе, но и всему человечеству.

Мы разделяем эту точку зрения председателя Изборского клуба Александра Андреевича Проханова.

Вот почему в геополитическом плане одной из основополагающих задач России является организация и поддержание диалога цивилизаций. Такой межкультурный диалог в течение многих веков воплощался и в культурно-языковом взаимодействии народов России. Понятие «советский народ» и, по сути, идентичный термин «россияне» отражают сформировавшийся фундамент общероссийской культуры, сохранению и развитию которой способствует общегосударственный русский язык. При этом не следует забывать, что в России как этническом государстве лингвистическая безопасность имеет диалектическую, двойственную природу, сложную иерархию и структуру, поскольку главной проблемой ее реализации является сохранение и развитие общегосударственного русского языка во взаимодействии с другими этнонациональными языками РФ. При этом такие понятия, связанные с политикой лингвистической безопасности, как «языковое планирование», «языковой ренессанс», «языковое разнообразие», «экология языка», «языковые права человека», отражают позитивные процессы и тенденции в развитии и взаимодействии языков российских этносов. И наоборот, термины «языковая глобализация», «языковая гомогенизация», «этноязыкоцентризм», «лингвистический национализм», «лингвистический этношовинизм», «лингвистический расизм», «лингвистический сепаратизм», «культурно-лингвистическая экспансия», «лингвистический терроризм», «языковая война» являются свидетельствами конфликтогенной лингвистической обстановки, способной вылиться в серьезные внутри- и межгосударственные осложнения, соответствующие, требующие внесения коррективов в осуществляемую языковую политику.

Таким образом, в широком смысле слова лингвистическая безопасность РФ, с одной стороны, связана с попытками осуществления управления взаимоотношениями между цивилизациями и этносами в современных условиях глобализации, иначе говоря, с исследованием различных аспектов межнациональных и этноконфессиональных отношений и разрешением связанных с ними проблем в их мировом, региональном и федеративном измерениях. С другой – с повышением эффективности этноконфессиональной политики и решением проблем национально-государственного строительства России, укреплением позиций русского языка как мирового, межнационального и государственного языка Российской Федерации [12].

В узком понимании лингвистическая безопасность представляет собой систему мероприятий в рамках государственной языковой политики РФ, обеспечивающую защиту языка от разного рода опасных воздействий, а также совокупность технологий и редакционных действий в юриспруденции, электронном

документообороте, стиле СМИ и речевой коммуникации; включает в себя предотвращение правонарушений или преступных посягательств, совершаемых посредством языка и речи; пресечение бесконтрольного использования многочисленных лингвopsихологических приемов информационного воздействия на индивидуальное и массовое сознание, начиная от обычных форм, средств и методов политической и коммерческой рекламы и заканчивая технологиями манипулирования подсознанием человека.

Таким образом, понятие «лингвистическая безопасность» имеет сложную многоуровневую структуру, иерархию целей и задач, взаимосвязанных направлений. При этом главной целью политики лингвистической безопасности, на наш взгляд, является сохранение геополитического кода государства и генетического кода общества, обеспечивающих на глобальном уровне защиту национальных интересов и ценностей; на федеральном – поддержание такого состояния экономических, политических, социокультурных и духовно-нравственных отношений в государстве и обществе, при котором в максимальной степени достигается безопасное существование, равноправное развитие и взаимодействие государственного и национального языков и культур, нейтрализуются причины и условия, способствующие возникновению этноконфессионального экстремизма и этносепаратизма, ксенофобии, терроризма; на личном – эффективную реализацию конституционных прав и свобод, связанных с обеспечением социокультурного, духовно-нравственного и интеллектуального развития человека и гражданина. В социолингвистическом измерении воплощается в жизнь комплекс мер по поддержке позитивных лингвистических процессов, нейтрализации угрожающих, предотвращению и минимизации опасных последствий лингвистических процессов.

В плане ментальной реализация политики лингвистической безопасности «означает изучение индивидуального и массового сознания и подсознания, выраженного лингвокультурой и национально-психологически окрашенными единицами знания» [8, с. 35], воздействие на коллективно-бессознательное различных культурно-исторических, социальных и этнических общностей.

И наконец, с юридической точки зрения должно обеспечиваться взаимодействие языкового права с законами, обеспечивающими охрану культурно-исторических ценностей, экологию языка, защиту общества и личности от негативных информационно-психологических воздействий.

Сегодня одной из главных задач и, соответственно, одним из главных направлений политики лингвистической безопасности РФ на федеральном уровне является обеспечение устойчивого развития общегосударственного языка

во взаимодействии с другими языками народов России. Политико-правовой основой решения этой задачи является Конституция РФ, Закон о государственном языке РФ (2005 г.), определяющий социальный и правовой статус государственного языка РФ как системообразующего фактора сохранения целостности государства и национального символа в международных правоотношениях. Как известно, на русском языке говорят 96 % граждан России. Всего же у нас говорят на 300 языках и диалектах представители 193 национальностей РФ.

В условиях сегодняшнего дня центральным вопросом, несмотря на внешнюю устойчивость современного российского общества, является вопрос о способах интеграции внутренне неоднородного в языковом, культурном и конфессиональном отношении общества в консолидированное сообщество. В этом вопросе особая роль отводится языковой политике, поскольку языковая политика регулирует такие важные моменты, как предотвращение межэтнических конфликтов, способствует установлению взаимопонимания, толерантности в обществе, восстановлению и сохранению миноритарных и малоиспользуемых языков и т. д. Такая объемная тематика языковой политики имеет разные подходы к ее трактовке [3].

Как правило, языковая политика понимается как совокупность мер, принимаемых государством для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков и языковых подсистем, для выделения новых или сохранения употребляющихся языковых норм, являющихся частью общей политики и соответствующих ее целям. Реализация языковой политики происходит посредством определенных программ, концепций, стратегий, которые составляются для определенного национального образования с учетом этапов развития структуры социально-коммуникативной системы в регионе, генетических, ареальных связей языка, социально-экономической ситуации.

В многонациональных странах языковой вопрос всегда оказывается достаточно противоречивым, Россия не составляет исключения. Как отмечают исследователи, один из нерешаемых вопросов – это национально-языковой вопрос.

По мнению исследователей, тенденции языковой политики СССР включают четыре направления: плюрализм, или языковой федерализм; развитие национально-русского двуязычия; одноязычие, или лингвистическая русификация; языковая демократия.

В советское время языковые проблемы решались преимущественно с точки зрения интеграционных процессов и тенденции развития многонационального общества. Решение национально-языковых проблем увязывалось с национально-государственным устройством страны: языки делились на языки союзных республик, языки автономных республик, языки автономных областей. Согласно

этому делению, соответственно со статусом языка в большинстве случаев определялись и параметры применения этих языков в разных сферах организованного общения. Юридическое регулирование языковых процессов не проводилось. Решение языковых проблем в юридическом контексте соблюдения языковых прав как отдельного индивида, так и целого этноса в России берет начало с 1980-х гг. XX в. Это было вызвано кардинальными изменениями в российском обществе, сопровождалось ростом политической деятельности этносов, направленной на повышение их социально-политического статуса. Стал актуальным вопрос выбора нового курса языковой политики страны.

С одной стороны, усложнившаяся политическая ситуация в мире, новые вызовы России со стороны мирового сообщества сделали актуальным вопрос внутренней консолидации российского этноса, усиления роли русского языка как языка единения государства. С другой стороны, наблюдается значительное изменение социальной структуры российского общества, связанное с увеличением мигрантов, присоединением новых территорий – Крыма, ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей, есть тенденция к изменению административного деления страны по административным образованиям (округам) по образцу дореволюционной России.

В последнее время среди исследователей ведутся дискуссии по поводу законодательного статуса русского языка в национальных республиках. Эти дискуссии отражают тенденцию последних лет в стране – усиление роли русского языка как государствообразующего языка, языка единения народов страны, закрепление в этом статусе на законодательном уровне. Этим процессам способствовало принятие основополагающего для стратегического развития страны документа – «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации», утвержденной указом президента РФ 19 декабря 2012 года. Основная цель Стратегии – определение путей и механизмов, которые ведут к формированию в России общества, скрепленного целостным самосознанием, ощущающим свою солидарность, чувствующим и осознающим единство своего прошлого, настоящего и будущего, т. е. единой гражданской нации.

Только один государственный язык РФ – русский язык успешно выполняет свою функцию в полной мере, оставаясь при этом единственным языком межнационального общения в многонациональном обществе РФ, выполняющим государствообразующую, консолидирующую роль. Во всех республиках РФ в качестве государственных объявлен русский язык и титульный или титульные языки регионов. На сегодня угрозы в отношении функционирования русского языка нет, знание русского языка носит почти тотальный характер, владение русским языком означает возможность получить образование, социальное

продвижение, мобильность в масштабах страны. Часто свободное владение русским языком, наряду со знанием иностранных языков, рассматривается как критерий образованности и интеллигентности. Престиж русского языка не требует, чтобы его освоение достигалось за счет забвения родного языка. Выход видится в создании оптимальных условий функционирования языков, развития билингвизма в республиках, установления оптимального сочетания функций государственных национальных языков и русского языка как языка общегосударственного значения.

Демократическая по направленности языковая политика в РФ и сложная социально-коммуникативная система в регионах дает нам возможность предложить следующую типологию языковой политики применительно к России. Как уже говорилось, языковая политика в РФ предполагает сочетание общегосударственной функциональной доминанты – русского языка – и республиканских функциональных доминант регионального значения. Исходя из особенностей языкового законодательства, наличия в территориально-государственных образованиях функциональных доминант в регионах, языковую политику в РФ можно разделить на подтипы:

- 1) однокомпонентная модель языковой политики – языковая политика с разными формами существования русского языка,
- 2) двухкомпонентная модель языковой политики – языковая политика с двумя доминантами (русский язык + республиканский государственный язык),
- 3) трехкомпонентная модель языковой политики – языковая политика с тремя доминантами (русский язык + два республиканских государственных языка),
- 4) многокомпонентная модель языковой политики – языковая политика с четырьмя, пятью и более доминантами (например, русский язык + 14 языков Дагестана),
- 5) дифференциальная модель языковой политики – языковая политика в области функционирования языков малочисленных народов [10, с. 210].

Языки народов РФ неоднородны в социолингвистическом плане. Почти половина языков народов России находятся в депрессивном состоянии. Поэтому различны формы взаимодействия национальных языков с языком государственным. До сих пор не во всех субъектах РФ урегулированы отношения между русским языком и титульными языками. При этом целый ряд негативных факторов, таких как сокращение численности населения РФ, в первую очередь русского, диспропорция в его распределении по территории страны, проживание значительного числа русских за пределами России, наличие тенденции к снижению образовательного уровня молодежи, усиливающееся деструктивное воздействие на культуру со стороны экстремистских внешних и внутренних сил,

развернутая странами Запада и их сателлитами информационно-психологическая война против России, политика дискриминационных санкций, незаконная миграция, сохранение очагов межнациональной напряженности и конфликтов, ошибки в реализации языковой политики в отдельных субъектах РФ, действия псевдорелигиозных сект, рост религиозного радикализма и ксенофобии затрудняют реализацию последовательной языковой политики государства и образующих его национальных образований.

При этом органам власти как на федеральном уровне, так и в субъектах РФ приходится жестко противодействовать негативным тенденциям. Недооценка значения государственного языка ведет к неизбежному снижению роли государства как основного регулятора социально-экономической, политической, духовно-нравственной жизнедеятельности людей. В национальных субъектах РФ попытки вытеснить русский язык из внутренней культурной жизни провоцируют изоляционизм и ослабляют суверенную роль федеральной власти.

Литература:

1. Аверьянова В. Русская традиция-цивилизация на новом перевале. Поиск модели самопознания // Изборский клуб. Русские стратегии. 2024. № 7-8 (125-126). С. 22–47.
2. Алпатов В. М. Американизация японского и русского общества по языковым данным // Российское востоковедение в память о М. С. Капице. Очерки, исследования, разработки. М.: Муравей, 2001. С. 304–315.
3. Биткеева А. Н. Национальная языковая политика России: новые вызовы, последние тенденции // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М.: Тезаурус, 2014. С. 80–88.
4. Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 5. С. 64–74.
5. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 544 с.
6. Гриценко Е. С., Лалетина А. О. Дискурсы глобализации в зарубежной лингвистике // Вестник МГЛУ. 2012. № 5 (638). С. 255–266.
7. Дугин А. Р. Мир цивилизаций. Соборность в многополярном мире // Завтра. 2025 № 8 (1622). URL: https://zavtra.ru/blogs/mir_tcivilizatcij (дата обращения: 17.04.2025).
8. Жигалев Б. А., Устинкин С. В. Лингвистическая безопасность как фактор обеспечения устойчивого развития РФ // Власть. 2015 № 10. С. 32–41.

9. Кувакова И. М., Устинкин С. В., Рудакова Е. К. Лингвистическая безопасность как социально-политический фактор и инструмент доверия или дискриминации // *Власть*. 2019. № 4. С. 117–122.
10. Михальченко В. Ю. Языковой конфликт в полиэтническом государстве // *Языковая политика и языковые конфликты в современном мире*. М.: Тезаурус, 2014. С. 209–214.
11. Новые вызовы и угрозы безопасности РФ в условиях глобальных и локальных трансформаций: Монография / Под общ. ред. С. В. Устинкина, А. В. Никитина. М.: Русайнс, 2023. 388 с.
12. Панарин А. С. Похищение России // *Москва*. 1977. № 1. С. 150.
13. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // *Языки как образ мира*. М.: Terra Fantastica, 2003. С. 127–138.
14. Толстых В. И. Будущее цивилизации в контексте диалога культур // *Диалог культур в глобализирующемся мире. мировоззренческие аспекты* / Отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов. М.: Наука, 2005. С. 151–169.
15. Уорф Б. Отношения норм поведения и отношения к языку // *Языки как образ мира*. М.: Наука, 2003. С. 157–201.
16. Устинкин С. В., Данилова Н. М. Историческая память как фактор обеспечения стабильности российского государства и общества // *Власть в XXI веке. Социокультурные аспекты политических процессов: Монография* / Под общ. ред. М. И. Рыхтика, А. Н. Фортунатова. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020. С. 59–78.
17. Устинкин С. В. Культурный код России // *Культурно-историческое наследие как фактор устойчивого развития территории*. Соликамск: Соликамский гос. педагогический институт, 2025. С. 3–10.
18. Skutnabb-Kangas T., Phillipson R. The Global Politics of Language: Markets, Maintenance, Marginalization, on Murder? // *The Handbook of Language and Globalization* / Ed. By N. Coupland. London: Kiley-Blackwell, 2010. P. 77–100.
19. Blommaert J. *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 213 p.
20. Stibbe A. *Ecolinguistics and Globalization* // *The Handbook of Language and Globalization* / Ed. by N. Coupland. London: Kiley-Blackwell, 2010. P. 406–425.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК КАК КЛЮЧЕВОЙ ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ *

А. В. Никитин

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород
E-mail: anikit@lunn.ru

М. П. Самойлова

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород
E-mail: marysom@mail.ru

С. В. Устинкин

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород
E-mail: sv.ustinkin@gmail.com

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ роли государственного языка как системообразующего фактора в процессе формирования и укрепления общероссийской гражданской идентичности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью консолидации российского общества перед лицом современных геополитических вызовов, включая специальную военную операцию, интеграцию новых территорий и идеологическое противостояние. Авторы исходят из гипотезы, что государственный язык представляет собой не только лингвистический феномен, но и важнейший социально-политический институт, выполняющий ключевую интегративную функцию. На основе междисциплинарного подхода, сочетающего методы социолингвистики, политологии и права, доказывается, что единое языковое пространство является необходимым

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема «Проблема доверия молодежи к общественным и государственным институтам в контексте обеспечения национальной безопасности в условиях проведения специальной военной операции (региональный аспект)») (FSWZ-2023-0031).

условием для создания «воображаемого сообщества» нации, формирования доверия к институтам власти и обеспечения национальной безопасности. Особое внимание уделяется соотношению понятий «государственный язык», «национальный язык» и «официальный язык», а также анализу проблем в правовом регулировании и образовательной практике. В заключении формулируются конкретные предложения по совершенствованию государственной языковой политики, направленные на укрепление роли русского языка как фундаментальной ценности и основы гражданского единства.

Ключевые слова: гражданская идентичность, общероссийская гражданская идентичность, государственный язык, национальный язык, интегративная функция, языковая политика, доверие, национальная безопасность, социальная коммуникация.

THE STATE LANGUAGE AS A KEY TOOL FOR THE FORMATION OF THE ALL-RUSSIAN CIVIC IDENTITY

Alexander V. Nikitin

Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod
E-mail: anikit@lunn.ru

Maria P. Samoylova

Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod
E-mail: marysom@mail.ru

Sergei V. Ustinkin

Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod
E-mail: sv.ustinkin@gmail.com

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the role of the state language as a system-forming factor in the process of forming and strengthening the all-Russian civic identity. The relevance of the research is determined by the need to consolidate Russian society in the face of modern geopolitical challenges, including a special military operation, the integration of new territories and ideological confrontation. The authors proceed from the hypothesis that the state language is not only a linguistic phenomenon, but also an important socio-political institution that performs a key integrative function. Based on an interdisciplinary approach combining methods

of sociolinguistics, political science and law, it is proved that a single linguistic space is a necessary condition for creating an “imaginary community” of a nation, building trust in government institutions and ensuring national security. Special attention is paid to the relationship between the concepts of “state language”, “national language” and “official language”, as well as to the analysis of problems in legal regulation and educational practice. In conclusion, specific proposals are formulated to improve the state language policy aimed at strengthening the role of the Russian language as a fundamental value and the basis of civic unity.

Keywords: civic identity, all-Russian civic identity, state language, national language, integrative function, language policy, trust, national security, social communication.

Современный этап развития Российской Федерации характеризуется повышенной значимостью задач по консолидации полиэтнического и многоконфессионального общества вокруг единой системы ценностей и формирования устойчивой, осознанной общероссийской гражданской идентичности. Специальная военная операция, процессы интеграции новых территорий, а также идеологическое и цивилизационное противостояние с коллективным Западом актуализировали вопросы национального единства, суверенитета и легитимности государственной власти. В этих условиях доверие граждан к институтам власти становится критически важным ресурсом национальной безопасности.

В последние годы вопросами языка и гражданско-государственной идентичности в России занимаются не только отдельные исследователи, но, скорее, научные коллективы и школы при ведущих академических институтах и университетах России. Например, институт языкознания РАН, среди исследователей которого можно выделить В. А. Плунгяна [11], А. Н. Биткеевой [3; 4], которые исследуют проблемы статуса и роли русского языка как государствообразующего, а также занимаются вопросами языковой политики и идентичности. Также большую ценность представляют труды ученых института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, среди которых можно выделить исследования В. А. Тишкова [13] и В. Ю. Зорина [8]. Также и ряд других современных исследователей признает, что взаимосвязь языка и гражданской идентичности в России является одной из ключевых в современной социолингвистике, политологии и социологии [1; 2; 6; 9; 12 и др.].

Как показывают исследования, доверие возникает и поддерживается в рамках общности людей, разделяющих единые социальные нормы, историческую память, культурные традиции и язык. Таким образом, проблема доверия неразрывно связана с проблемой идентичности. Осознание принадлежности к политической нации (гражданской идентичности) позволяет индивиду чувствовать

сопричастность к государству как к «своему», что формирует основу для лояльности и доверия. В этом контексте государственный язык выступает не просто инструментом повседневной коммуникации, но и мощным символическим и практическим инструментом гражданской идентификации, способствующим созданию единого коммуникативного, культурного и ценностного пространства [6, с. 467].

Целью данной статьи является многоаспектный анализ роли государственного языка как ключевого элемента формирования общероссийской гражданской идентичности, а также выявление связанных с этим актуальных проблем и перспектив в области правового регулирования и образовательной политики.

Теоретические основы взаимосвязи языка и гражданской идентичности

Понятие идентичности, являясь центральным для социально-гуманитарных наук, трактуется большинством современных исследователей как осознание индивидом или группой своей принадлежности к определенной общности через набор устойчивых характеристик, ценностей и моделей поведения. В структуре социальной идентичности гражданская идентичность занимает особое место, поскольку основана на принадлежности к государству и проявляется в чувстве солидарности, ответственности за судьбу страны и приверженности ее базовым ценностям.

Формирование гражданской идентичности – это сложный процесс, в котором язык выполняет ряд ключевых функций, а именно:

- коммуникативная (унифицирующая) функция. Язык обеспечивает возможность беспрепятственного общения и взаимопонимания между всеми гражданами, независимо от их этнического происхождения, социального статуса или региона проживания. Это создает техническую основу для существования единого общества;

- когнитивно-интегративная функция. Язык является не просто нейтральным проводником информации, но и носителем определенной картины мира. Усваивая язык, индивид невольно усваивает закодированные в нем культурные смыслы, ценностные ориентации и исторические нарративы, общие для данной политической нации. В терминах теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа, язык во многом предопределяет восприятие реальности;

- символическая (идентификационная) функция. Государственный язык служит мощным символом национального единства и государственного суверенитета. Владение им становится маркером принадлежности к гражданскому

коллективу, отличающим «своих» от «чужих». Это способствует формированию «воображаемого сообщества» (Б. Андерсон), члены которого, не зная лично друг друга, ощущают общую связь;

– функция легитимации власти. Эффективная коммуникация между государством и гражданами, осуществляемая на понятном и доступном языке, является условием прозрачности управления, обеспечения прав граждан и, как следствие, укрепления доверия к институтам власти.

Такая классификация функций языка является устоявшейся в современных социально-гуманитарных исследованиях. Таким образом, общность языка является не просто удобным атрибутом, а одним из фундаментальных условий существования политической нации и формирования устойчивой гражданской идентичности.

Важным аспектом роли государственного языка в формировании гражданской идентичности является правовой статус языка, на что обращали внимание многие исследователи. В российском законодательстве статус государственного языка закреплён в Конституции РФ (ст. 68) [10] и детализирован в федеральных законах «О государственном языке Российской Федерации» (2005) [14] и «О языках народов Российской Федерации» (1991) [7]. Анализ этих документов позволяет сделать важный вывод: государственный язык – это прежде всего правовая, а не лингвистическая категория. Это юридический статус, присваиваемый конкретному языку для выполнения специфических публичных функций, направленных на обеспечение единства страны.

Ключевые функции государственного языка в России:

- Обеспечение единства правового и управленческого пространства. Весь массив законодательства, официальное делопроизводство, деятельность органов государственной власти и судопроизводства осуществляются на государственном языке. Это гарантирует единообразие применения законов, их общеобязательность и понятность для всех граждан.

- Создание общего культурно-информационного поля. Использование государственного языка в системе образования, средствах массовой информации, науке и рекламе способствует формированию единой системы смыслов, ценностных ориентаций и культурных кодов, доступных для всего населения [5].

- Интеграция полиэтнического населения. В таком многонациональном государстве, как Россия, государственный язык выполняет роль языка межнационального общения, нейтрального по отношению к отдельным этносам, но объединяющего их в рамках единого гражданского сообщества [4, с. 51].

В научной дискуссии часто возникает вопрос о соотношении понятий «государственный язык», «национальный язык» и «официальный язык».

- «Государственный язык» и «национальный язык» в контексте России являются синонимичными и обозначают язык, выполняющий интегративную функцию для всей политической нации (согражданства) [3, с. 11].

- «Официальный язык» – более узкое понятие, обозначающее язык, используемый в сфере официального делопроизводства и управления. Таким образом, официальный язык является частью, подмножеством государственного языка.

Важно отметить, что государственный язык в его практическом применении опирается на нормы литературного языка, что обеспечивает эффективность коммуникации, социальное равенство и преемственность культурной традиции.

В свете вышеизложенного существуют актуальные проблемы и пути укрепления роли государственного языка. Несмотря на прочную законодательную базу, существует ряд проблем, ослабляющих роль государственного языка как инструмента консолидации и идентификации. Назовем их:

1. Проблема языковых норм. До сих пор отсутствует современный, официально утвержденный и полный свод правил орфографии и пунктуации русского языка. Действующие правила 1956 года устарели и не отражают изменений в языке, а новые словари и справочники зачастую содержат противоречивые рекомендации. Это создает правовую неопределенность и затрудняет поддержание высокого стандарта языковой культуры, особенно в официальной и медийной сферах.

2. Вызовы образовательной политики. В ряде субъектов Федерации, особенно в национальных республиках, существует дисбаланс в изучении государственного языка и родных (национальных) языков. Хотя поддержка языкового многообразия является важной задачей, она не должна осуществляться в ущерб качественному освоению государственного языка как ключа к полноценному участию в общественно-политической и экономической жизни всей страны. Необходимо обеспечить безусловный приоритет изучения русского языка в рамках основных образовательных программ.

3. Институт двойного гражданства. Наличие у граждан России второго гражданства создает конфликт идентичностей и может ослаблять чувство лояльности к российскому государству, особенно в периоды кризисов. Укрепление общероссийской идентичности требует пересмотра этого института.

4. Снижение общей языковой культуры. Широкое распространение в публичном пространстве (особенно в интернете и социальных сетях) неграмотной, упрощенной и засоренной жаргонизмами речи подрывает авторитет государственного языка как носителя высокой культуры и негативно сказывается на его восприятии как ценности.

В сложившейся языковой ситуации и языковой политике авторы настоящей статьи считают целесообразным внести следующие предложения по совершенствованию языковой политики:

- В правовой сфере: разработать и законодательно утвердить современный, исчерпывающий свод правил русского языка, обязательный для использования во всех официальных сферах. Четко регламентировать использование государственного языка в цифровой среде.
- В образовательной сфере: укрепить федеральный компонент в образовательных стандартах, гарантирующий повсеместное и глубокое изучение государственного языка. Повысить качество преподавания русского языка и литературы, акцентируя их роль в формировании гражданского самосознания.
- В общественно-культурной сфере: реализовать государственные программы, направленные на популяризацию русского языка как национального достояния и основы культурного кода. Активно продвигать ценности грамотной речи и уважительного отношения к языку в СМИ и публичном дискурсе.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что государственный язык является не просто формальным атрибутом государственности, но и важнейшим социально-политическим институтом, выполняющим ключевую роль в конструировании и поддержании общероссийской гражданской идентичности. В условиях современных внешних и внутренних вызовов его интегративная, символическая и коммуникативная функции приобретают стратегическое значение.

Эффективная и последовательная государственная языковая политика, направленная на укрепление статуса, нормирование и качество владения русским языком, напрямую связана с решением фундаментальных задач: укрепления национального единства, повышения уровня доверия граждан к институтам власти, обеспечения национальной безопасности и культурного суверенитета. Дальнейшее устойчивое развитие России как единой и сильной политической нации невозможно без осознания роли государственного языка как фундаментальной ценности, скрепляющей граждан в их стремлении к общему будущему. Инвестиции в язык – это инвестиции в идентичность, а значит, и в будущее страны.

Литература:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 288 с.

2. Белов С. А., Кропачев Н. М. Понятие государственного языка // Вестник Санкт-Петербургского университета языка и литературы. 2020. Т. 17. Вып. 1. С. 4–21.
3. Биткеева А. Н. Динамика, реализация и перспективы развития языковой ситуации и языковой политики в РФ // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. М.: РАН, 2019. С. 9–22.
4. Биткеева А. Н. Языковая политика в контексте современных языковых процессов / Отв. ред. А. Н. Биткеева. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2015. 472 с.
5. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социолингвистика и социология языка. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. 336 с.
6. Губогло М. Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.
7. Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 15.04.2025).
8. Зорин В. Ю. Государственная национальная политика и современность. Вып. 225. М.: ИЭА РАН, 2011. 33 с.
9. Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Формирование идентичности в российской провинции. М.; Ярославль: Ин-т психологии РАН, 2001. 152 с.
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ).
11. Плунгян В. А. Почему языки такие разные. М.: Русистика, 2017. 272 с.
12. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 654 с.
13. Тишков В. А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М.: ИЭА РАН, 2023. 69 с.
14. Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/12140387/> (дата обращения: 18.04.2025).

УДК 008(470)"1941/1945":379.85

ГРНТИ 14.07.07

**МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ТЕАТРАЛИЗОВАННЫЙ КОНЦЕРТ,
ПОСВЯЩЁННЫЙ 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ, КАК ИНСТРУМЕНТ
ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ**

О. Ю. Полякова

Нижегородская государственная
консерватория им. М. И. Глинки,
Нижний Новгород
E-mail: olenka-polykova@mail.ru

Аннотация. В публикации представлен опыт воспитательной работы кафедры музыкального театра Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки. К юбилейным торжествам, посвященным 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, студенты кафедры музыкального театра подготовили мультимедийный театрализованный концерт-спектакль под названием «Великие о войне». В его основе воспоминания о войне известных советских артистов, по чьим судьбам прошла война. Зрителям рассказывают истории, наполненные отвагой, мужеством и надеждой, звучат знакомые военные песни, придающие величие и значимость теме памяти исторического подвига народа.

Ключевые слова: патриотический мультимедийный концерт, сценарий театрализованного представления, патриотический концерт, 80-летие Победы в Великой Отечественной войне.

**MULTIMEDIA THEATRICAL CONCERT DEDICATED TO THE 80TH
ANNIVERSARY OF VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR
AS A TOOL FOR PATRIOTIC EDUCATION**

Olga Yu. Polyakova

Nizhny Novgorod State Conservatory
named after M. I. Glinka,
Nizhny Novgorod
E-mail: olenka-polykova@mail.ru

Abstract. The publication presents the experience of the educational work of the Musical Theater Department of the Nizhny Novgorod State Conservatory named after

M. I. Glinka. For the jubilee celebrations dedicated to the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War, students have prepared a multimedia theatrical concert performance called “The Great Ones about the War”. It is based on the memories of the war of famous Soviet artists, whose fates led to the war. The audience is told stories filled with bravery, courage and hope, familiar military songs are played, giving greatness and significance to the theme of the memory of the historical feat of the people.

Keywords: patriotic multimedia concert, theatrical performance scenario, patriotic concert, 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War.

Указом президента Российской Федерации 2025 год объявлен Годом защитника Отечества. 80-летие Победы в Великой Отечественной войне – значимая историческая дата, символизирующая мужество, героизм и самоотверженность миллионов людей, защищавших свою Родину от фашизма.

К юбилейным торжествам студенты кафедры музыкального театра Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки (ННГК) выпустили мультимедийный театрализованный концерт под названием «Великие о войне». Режиссер-постановщик – старший преподаватель кафедры музыкального театра ННГК Ольга Юрьевна Полякова.

Спектакль построен на воспоминаниях известных советских артистов, переживших войну в юном возрасте. Зрителям рассказывают истории, наполненные отвагой, мужеством и надеждой, истории о людях, в чьих судьбах война оставила тяжелый, незабываемый след – расставание с родными, потеря друзей. На наших глазах оживают трогательные истории Людмилы Гурченко, Галины Вишневской, Юрия Никулина, Юлии Друниной, Клавдии Шульженко, Любви Орловой, Анатолия Папанова, а всем известные песни «Синий платочек», «Катюша», «Темная ночь», «На безымянной высоте» и «День Победы» добавили величия и значимости теме, связанной с историческим подвигом народа, и стали мостом, соединяющим разные поколения, их общей памятью.

Правовой основой обоснования концепции мероприятия стали следующие документы: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, в которой сделан акцент на роли культуры и патриотизма в обеспечении национальной безопасности [6]; Основы государственной культурной политики [7], где подчеркивается значение исторической памяти и культурного наследия; федеральный закон «О днях воинской славы (победных днях) России» [8].

В качестве теоретико-методологической базы мы руководствовались классической работой по тематике патриотизма В. И. Лутовинова [4], социально-философским анализом патриотизма и патриотического воспитания

А. В. Вырщикова [2], ценными методическими подходами, адаптируемыми для культурных мероприятий, И. А. Агаповой, М. А. Давыдовой [1] и др. источниками.

При подготовке сценария и постановки была проделана огромная работа по сбору материала – воспоминаний из писем, автобиографий артистов – для создания содержательной и эмоционально насыщенной программы. Собранные по крупицам из разных источников воспоминания представлены неискаженно и с уважением к их авторам и героям. Они стали не просто фактом для констатации, а основой для живого и глубокого повествования.

Ценность подобного мероприятия неоспорима:

1. Сохранение памяти и исторической правды.

Концерт помогает актуализировать память о Великой Отечественной войне, передать исторические факты, подвиги и трагедии поколений. Использование мультимедийных технологий – видеоматериалов, архивных хроник, звуковых эффектов – способствует погружению в эпоху, делая воспоминания живыми и правдоподобными.

2. Воспитание патриотизма и гражданской ответственности.

Патриотический концерт напоминает молодежи о значении Победы, о цене свободы и мире, за которые сражались их предки. Яркое, эмоциональное представление формирует гордость за страну и её прошлое, мотивирует к уважению национальных традиций и активной гражданской позиции.

3. Объединение разных поколений.

80-летний юбилей Победы – событие, объединяющее ветеранов и их потомков, в том числе молодые поколения. Мультимедийный театрализованный концерт становится площадкой для общения и передачи опыта, поддерживающей преемственность и уважение между людьми разного возраста. А реальные рассказы известных личностей придают концерту историческую точность и правдивость, усиливая доверие и уважение к исторической памяти.

4. Привлечение внимания молодежи через современные формы подачи.

Современная молодежь лучше воспринимает информацию в интерактивных и визуальных форматах. Мультимедийный формат концерта с использованием современных технологий делает историческую тему более доступной, интересной и эмоционально насыщенной, что повышает вовлечённость аудитории.

5. Поддержка национальной идентичности и культурного единства.

Победа в Великой Отечественной войне – ключевой элемент исторической идентичности России и многих стран СНГ. Концерт способствует формированию чувства принадлежности к общей истории и культуре, укреплению национального единства в современном многообразном обществе.

6. Противостояние забвению и искажению исторических фактов.

В условиях быстрого распространения информации и размывания исторических ценностей подобные мероприятия работают против искажения истории, поддерживая объективность и уважение к подвигам предков.

СЦЕНАРИЙ КОНЦЕРТА

Историческая запись: *Звучит голос Левитана с сообщением о начале войны (на сцену выходят студенты в исторических костюмах 40-х годов), все замирают.*

Р. Шуман «Грезы»

Чтец: Товарищи минувших дней

Ровесники, прожившие так мало!

Наверное, остался я в живых,

Чтоб память на земле не умирала.

На поле боя павшие друзья –

Вас было много, страстно жизнь любивших.

Я ведаю: в живых остался я,

Чтоб рассказать о вас, так мало живших... (Р. Гамзатов)

артисты остаются на сцене, оставляя авансцену для главных героев

ЛЮДМИЛА ГУРЧЕНКО

Актриса: Было так весело и празднично. Было лето. Наш детский сад на лето переехал в Ольшаны, под Харьковом. На всех праздниках в садике я пела,

на Новый год была Снегурочкой. Воспитательница говорила: «Люся Гурченко должна стать актрисой». – «Да! Ета уж обязательном пырядке. Так и будить! Так и будить!» – заверял ее папа. И вдруг родители срочно увозят нас в Харьков, еще утром мы были в лесу на прогулке. Нарвали ромашек и сиреневых колокольчиков. А вечером уже оказались дома, и увядший букет лежал на диване... Все оборвалось мгновенно, неожиданно. Всего пять с половиной лет я прожила «до войны»... Так мало! «Война, война, война... Сталин, Россия... фашизм, Гитлер... СССР, Родина...» – слышалось отовсюду. Что такое война? Почему они ее боятся? Маме было двадцать четыре года. Она ничего не умела без папы, всего боялась. Когда папа уходил на войну, она была совсем потерянной и все время плакала. Папа ушел и унес с собой баян. А вместе с ним унес самые прекрасные песни, самый светлый праздник – Первое мая, самое лучшее в жизни время. Время – «до войны». Зима сорок пятого года опять была холодной и голодной. Зарплату в училище мама получала небольшую, зато в те дни, когда были занятия кружка, мы обедали и ужинали. Я высчитывала: вторник, четверг, суббота! Во-первых, поедим, а во-вторых, я присутствовала при разучивании новых песен. Большинство этих песен мы получали от папы с фронта. Он вкладывал в письмо нотную строчку и слова песни. Одну песню папа просил выделить особо: «Лель! Ета песня на фронте иметь первоклассный успех! Смотри, не проворонь вещь, преподнеси, як следуить быть». Называлась она «Два Максима» и припев я напевала с утра до вечера.

Песня «Два Максима» (после песни актриса уходит, освобождая сцену следующим героям)

КЛАВДИЯ ШУЛЬЖЕНКО

Актриса 1: Зима 1943 13 декабря. В Москве мороз, холод в студиях. Когда я вошла в аппаратную, не узнала ее: Дом звукозаписи не отапливался, и чтобы отогреть станки, над ними соорудили нечто напоминающее шатры. Здесь больше не записывают пластинок – их негде печатать. Апрельский и Ногинский заводы были переданы Наркомату боеприпасов и перешли на выпуск военной продукции. Но оказалось, что фронту нужны и пластинки.

Актриса 2: Тогда меня пригласили сделать одну-единственную запись – «Синий платочек». Не снимая пальто, прошла в студию, и мы начали записывать. Микрофон покрывался инеем, я старалась согреть его своим дыханием и пела так, как никогда раньше, – ведь «Синий платочек», как мне сказали, ждали на всех фронтах.

Актриса 3: Кончила петь и была уверена, что лучше не смогу, что этот первый вариант должен быть и последним. Но когда я прошла в аппаратную,

ко мне навстречу кинулась молоденькая женщина, вся в слезах – оператор Галя Журавлева:

Актриса 4: «Клавдия Ивановна, я испортила вам запись! Когда вы пели, я вспомнила, как провожала на фронт своего мужа, как он поцеловал в последний раз нашу дочурку, и не могла сдержать слез. Я и сама не заметила, как они попали на воск и растопили его».

Актриса 5: Как могла я успокоила Галю, а сама подумала: «Таким “браком” можно гордиться...»

«Синий платочек» (все вместе поют синий платочек на три голоса)

ЛЮБОВЬ ОРЛОВА

Актриса: После фильма «Цирк» комсомолец орденосец Быков, садясь в самолет, напевал:

Актёр: В небо прыгнуть нелегко, Небо очень высоко.

Актриса: А, возвращаясь с задания, шутил:

Актёр: Небо-то высоко для фрица, а не для нас. Им в него было прыгнуть труднее, чем обратно, на штыки нашей пехоты....

**Сцена из мюзикла
Норд-Ост «Лет-
чики» (вокально-
хореографический
номер)**

Вокализ Лизы Бричкиной из оперы «А зори здесь тихие»

(текст звучит на музыке)

Актриса 1: О другом офицере, погибшем летчике Орлова узнала из письма его товарищей:

Актриса 2: «Дорогая Любовь Петровна! Мы летчики Н-ского полка, пишем Вам в тяжелую минуту (с каждым новым предложением присоединяется еще один чтец, в конце все читают хором). Сегодня в бесстрашной схватке

с врагом погиб наш боевой товарищ. В его документах вместе с простреленным партбилетом мы нашли это ваше фото... Пусть вдохновляет оно Вас на новые творческие свершения в честь нашего народа, ведущего бессмертную битву с врагом. С боевым приветом! Летчики Н-ского полка».

Актриса 1: На этот снимок я не могла смотреть без слез: весь отряд, который я провожала с 17-ой пристани Астрахани на Сталинградский фронт, погиб поголовно. *(уходят)*

ЮРИЙ НИКУЛИН

Актер 1: Охота за медом прошла удачно. Дело было темной ночью, ульи стояли в низинке, пчелы спали, и мы набрали по целому котелку душистого густого меда. Уходя из долинки, мы увидели стоящих на противоположном ее краю людей. То были немцы. Они тоже шли за медом и вежливо ждали, когда мы уйдем. Ночью начальство спало, и солдаты, которым осточертела бойня, заключили импровизированное перемирие. Наутро же опять стали рвать друг другу глотки.

Актер 2: Война постепенно и легко подавляла в человеке извечные принципы добра, морали, справедливости. Когда выдавался свободный час, я закрывал глаза в тёмной землянке и вспоминал...

Актер 3: Дом, солнечное лето, цветы, Эрмитаж, знакомые книги, знакомые мелодии, и это был как маленький, едва тлеющий, но согревавший меня огонёк надежды среди мрачного ледяного мира, среди жестокости, голода и смерти.

«Темная ночь» (песня разложена на четыре голоса студентами ННГК им. М. И. Глинки, на последнем куплете все девочки уходят, остаются только мальчики)

Актер 1: Не могу забыть расцвет перед боем. Было часов пять утра. По открытому месту мы подтягивались к передовой. Едва брезжила заря, фронт просыпался. Стали бить пушки, далекий горизонт загорелся разрывами, за клубился дым. Огненные зигзаги чертили реактивные снаряды Катюш. Громко икала

немецкая «корова». Шум, грохот, скрежет, вой, бабаханье, уханье – адский концерт.

Актер 2: А по дороге, в серой мгле рассвета, бредет на передовую пехота. Ряд за рядом, полк за полком. Безликие, увешанные оружием, укрытые горбатыми плащ-палатками фигуры. Медленно, но неотвратимо шагали они вперед, к собственной гибели.

Актер 3: Поколение, уходящее в вечность. В этой картине было столько обобщающего смысла, столько апокалиптического ужаса, что мы остро ощутили непрочность бытия, безжалостную поступь истории. Мы почувствовали себя жалкими мотыльками, которым суждено сгореть без следа в адском огне войны. *(на сцене остается 1 актер)*

АНАТОЛИЙ ПАПАНОВ

Актер: Я помню свой первый бой, в котором из нас, сорока двух человек, осталось в живых четырнадцать. Я ясно вижу, как падал, убитый наповал, мой друг Алик Рафаевич. Он учился во ВГИКе, хотел стать кинооператором, но не стал...

Мы бежали недалеко друг от друга и перекликались – проверяли, живы ли. И вдруг:

– То-о-о-ли-ик (Папанов)!

Обернулся. Алик падает...

Рядом кто-то кричал:

– Чего уставился? Беги со всеми, а то и самому достанется, если на месте-то...

Я бежал, не помня себя, а в голове стучало: нет Алика, нет Алика... Помню эту первую потерю как сейчас... Из оставшихся в живых сформировали новый полк – и в те же места. И снова нас с кем-то соединили, и снова – огненная коловерт... Командиром нашего взвода назначили совсем молоденького, только что из военшколы, лейтенанта. Еще вчера он отдавал команды высоким, от юношеского смущения срывающимся голосом, а сегодня... я увидел его лежащим с запрокинутой головой и остановившимся взглядом.

Я видел, как люди возвращались из боя совершенно неузнаваемыми. Видел, как седили за одну ночь. Раньше я думал, что это просто литературный прием, оказалось – нет. Это прием войны...

«На безымянной высоте ...»

Но: там же я видел и познал другое. Огромную силу духа, предельную самоотверженность, великую солдатскую дружбу. *(уходит)*

ЮЛИЯ ДРУНИНА

Актриса: Я – Юлия Друнина оказалась в расположении пехотного полка. Случались на фронте и минуты отчаяния, безразличия, отупения, но чаще для этого просто не было времени. Мне, конечно, помогала вера в комбата, помогала моя детская влюбленность.

Наш комбат, молодой учитель из Минска, действительно оказался человеком незаурядным. Такого самообладания, понимания людей и таланта молниеносно выбрать в самой безнадежной ситуации оптимальный вариант я больше не встречала ни у кого. С ним солдаты чувствовали себя как за каменной стеной, хотя какие «стены» могли быть в нашем положении?

К «дырке» в немецком переднем крае комбат привел только девять окруженцев. Она оказалась... минным полем. Конечно, мы приуныли. Куда теперь деваться..?

В легких сумерках комбат некоторое время внимательно разглядывал запорошенную первым ранним снежком землю, потом решительно шагнул вперед. Мы замерли. Комбат сделал еще два осторожных шага, потом вдруг... стал приплясывать на месте. У меня оборвалось сердце – свихнулся человек. Все замерли, ожидая взрыва. А комбат сказал вполголоса, очень буднично: «Все в порядке, ребята. Мины-то противотанковые. Для них вес человека – что вес мыши... Подождем еще полчаса, пока стемнеет, и айда к нашим».

Мы отдохнули немножко, договорились о порядке перехода через нейтралку. Я должна была идти посередине, комбат замыкающим.

Все было спокойно, мы пошли в полный рост. Сначала спотыкались о мины, потом минное поле кончилось, земля стала гладкой.

И когда мы считали себя уже в полной безопасности, немец бросил мину.

Она разорвалась почти посередине нашей цепочки. Те, что шли впереди, остались без единой царапины. А три человека, в их числе комбат, были убиты наповал...

Мина, убившая комбата, надолго оглушила меня. А потом, через годы, в стихах моих часто будут появляться Комбаты...

Я только раз видала рукопашный, Раз – наяву и тысячи – во сне. Кто говорит, что на войне не страшно, Тот ничего не знает о войне.

«Дороженька» (вокально-хореографический номер)

ГАЛИНА ВИШНЕВСКАЯ

Актриса 1: Вот, здесь теперь ты будешь работать. Только представь – на сцене Галина Вишневская! *(выходят две актрисы)*

Актриса 2: В Ленинградский областной театр оперетты привела меня знакомая девушка, так 1 сентября 1944 года я поступила в театр оперетты и началась моя артистическая карьера.

Актриса 3: Театр разъездной, поэтому мы всегда в дороге. Разъезжаем по воинским частям Ленинградской области. По едва остывшим пожарищам движется вслед за армией наш театр. Спим вповалку, где придется. Умывальных, уборных нет – всё на улице в тридцатиградусный мороз. Декорации – самые примитивные, чтобы можно было играть на любой площадке. Играем в промерзлых клубах: на стенах снег, солдаты и матросы – в шинелях, в шапках. Мы – с голыми плечами, пляшем, поем, играя то «Сильву», то «Веселую вдову».

Актриса 4: Работая в таких страшных условиях, какие сегодня и вообразить нельзя, артисты бережно охраняли искусство в себе, не делая никаких скидок на усталость, на болезни, – а играли-то каждый день. В какой бы прокопченной землянке или убогом, разбитом клубе мы ни выступали – всегда за полтора часа до начала спектакля артисты начинали гримироваться и одеваться столь же тщательным образом, как если бы им предстояло выходить на самую блистательную из сцен.

Актриса 5: В труппе было несколько старых опереточных актеров – они и создавали эту атмосферу самоотверженности, они и несли с собой великие сценические традиции – а мы, молодые, учились у них. Я видела, с какой отдачей эти старики выходят на сцену, ни при каких обстоятельствах не позволяя себе играть «вполноги».

Актриса 6: Здесь я поняла, что искусство – не кринолины, не сказочно-счастливые короли и королевы, а тяжелый, изнурительный труд. И если хочешь быть большой актрисой, надо быть готовой ко многим жертвам.

Вальс «Воспоминание»

Минута молчания: все артисты выходят на сцену (на ней исполняется *a`capella* на четыре голоса «На Мамаевом кургане» А. Пахмутовой)

«День Победы» муз. Д. Тухманова

Патриотический мультимедийный театрализованный концерт «Великие о войне» был неоднократно показан в рамках юбилейных мероприятий весной 2025 года и радушно принят зрителями – школьниками и студентами различных образовательных учреждений города Нижнего Новгорода и области, а также стал лауреатом областного фестиваля-конкурса театрализованных программ в рамках регионального фестиваля народного творчества «Салют Победы», посвященного 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Литература

1. Агапова И. А., Давыдова М. А. Патриотическое воспитание в школе. М.: Айрис-пресс, 2002. 212 с.
2. Вырщиков А. В., Кусанцев В. Б. Патриотическое воспитание молодёжи в современном российском обществе: Монография. Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2006. 172 с.
3. Генкин Д. М. Массовые праздники. М.: Просвещение, 1975. 140 с.
4. Лутовинов В. И. Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления // Studia Humanitatis. 2013. № 2. URL: <https://st-hum.ru/content/lutovinov-vi-sovremenny-rossiyskiy-patriotizm-sushchnost-osobennosti-osnovnye-napravleniya> (дата обращения: 15.04.2025).
5. Туманов И. М. Режиссура массового праздника и театрализованного концерта. М.: Просвещение, 1976. 88 с.
6. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 20.05.2025).
7. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 20.05.2025).
8. Федеральный закон от 13.03.1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы (победных днях) России». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7640> (дата обращения: 20.05.2025).
9. Чечётин А. И. Основы драматургии театрализованных представлений: История и теория. Учебник для студентов институтов культуры. М.: Просвещение, 1981. 192 с.
10. Шубина И. Б. Драматургия и режиссура зрелища: игра, сопровождающая жизнь: учебно-методическое пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 284 с.

КУРС ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «КУЗНИЦА ПОБЕДЫ. АРЗАМАССКИЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ УЗЕЛ 1941–1945 ГГ.»

С. В. Краснов

Средняя школа № 58,
Арзамас
E-mail: krasich777@yandex.ru

С. Г. Стесикова

Средняя школа № 58,
Арзамас
E-mail: stsvetulya@mail.ru

Аннотация. В статье описан опыт организации внеурочной деятельности для учащихся 10-го класса в арзамасской школе № 58, где разработан и внедрен курс «Кузница Победы. Арзамасский железнодорожный узел 1941–1945 гг.» на основе краеведческого материала. Ценность практики курса заключается в интеграции пяти смыслообразующих аспектов (развитие бережливого мышления, профессионального самоопределения у школьника, проектной и исследовательской компетенции, воспитание чувства патриотизма через трудовой и фронтовой подвиг земляков), ориентированных на развитие личности ребенка.

Ключевые слова: внеурочная деятельность, краеведение, патриотизм, бережливое мышление, профессиональное самоопределение, проектная деятельность.

EXTRACURRICULAR COURSE “FORGE OF VICTORY. ARZAMAS RAILWAY JUNCTION IN 1941–1945”

Sergej V. Krasnov

Secondary School № 58, Arzamas
Email: krasich777@yandex.ru

Svetlana G. Stesikova

Secondary School № 58, Arzamas
Email: stsvetulya@mail.ru

Abstract. The article presents the experience of organizing extracurricular activities for 10th grade students at Arzamas school No. 58, where the course “Forge of Victory. Arzamas railway junction 1941–1945” based on local history material. The value

of this practice lies in integration of five semantic aspects (development lean thinking, professional self-determination among students, project-based and research competencies, fostering patriotism through the labor and military exploits of fellow citizens), aimed at personal development of children.

Keywords: extracurricular activity, local history, patriotism, lean thinking, professional self-determination, project work.

Современный мир стремительно меняется, эволюционируют система отношений и человеческие ценности. В обстановке политических и геополитических вызовов важной целью дальнейшего прогресса остается формирование высокоразвитой личности, что подразумевает совершенствование образовательной системы, процессов обучения и воспитания подрастающего поколения. Сформировать нравственную основу ребенка и помочь ему успешно войти в современный мир, занять достойное место в системе отношений с окружающими невозможно без воспитания любви к близким и своему Отечеству, уважения к традициям и ценностям своего народа, доброты и милосердия.

Традиционные российские ценности играют ключевую роль в формировании патриотического сознания граждан России [4]. Воспитание патриота своей страны остается важнейшей задачей государства на все времена. В связи с этим проблематика патриотического воспитания становится одной из наиболее актуальных.

В данной статье предлагается рассмотреть, как происходит воспитание патриотов своей малой родины в процессе внеурочной деятельности учащихся.

Во внеурочной практике используются разнообразные методы организации и осуществления учебно-познавательной деятельности (словесные, наглядные и практические методы передачи информации); методы стимулирования и мотивации учебно-познавательной деятельности; активные формы проведения занятий: ситуационный анализ, тестирование, проектная деятельность. Нами разработан курс внеурочной деятельности «Кузница Победы. Арзамасский железнодорожный узел, 1941–1945 гг.» для учащихся 10-х классов и представляет собой систему внеурочных занятий на основе краеведческого материала. Ценность краеведения заключается в том, что оно, расширяя и обогащая знания школьников, прививает им любовь и уважение к Родине, к истории, культуре родного края.

Вышеназванный курс имеет научно-познавательную (общеинтеллектуальную) направленность, разнообразен по содержанию, составлен с учетом интересов и возрастных особенностей обучающихся, способствует организации целостного воспитательного пространства школы и социума, совместной деятельности.

Цель курса – создание условий для патриотического воспитания, профессионального самоопределения школьников, формирования бережливого сознания через систему занятий о героической истории нашей страны, родного края, о подвиге русского народа, арзамасцев-железнодорожников в годы Великой Отечественной войны.

Задачи курса:

- сформировать у школьников представление о работе Арзамасского железнодорожного узла в годы Великой Отечественной войны;
- создать условия для развития интереса к поисково-исследовательской деятельности;
- приобщить школьников к общечеловеческим ценностям, воспитывать патриотизм и формировать гражданственность;
- способствовать развитию профессионального самоопределения школьников через проектную деятельность и бережливые технологии;
- воспитывать чувство гордости за Отечество, свой народ, свою семью, уважение к памяти погибших.

Программа «Кузница Победы...» рассчитана на 17 занятий (1 занятие раз в две недели в течение учебного года). Продолжительность одного занятия – 30 минут.

В рамках курса учащиеся получают возможность познакомиться с историей Арзамасского железнодорожного узла времен Великой Отечественной войны, изучить роль и вклад железнодорожников в обеспечение Великой Победы, а также познакомиться с героическими подвигами, совершенными в военные годы.

Курс разбит на три тематических модуля:

Модуль I – «Важнейшая стратегическая железнодорожная артерия страны» – даёт возможность школьникам узнать о роли Горьковской железной дороги и Арзамасского железнодорожного узла в годы Великой Отечественной войны. Ученики получают представление о стратегическом значении Арзамасского железнодорожного узла в годы войны, изучают деятельность Арзамасского железнодорожного пункта по обеспечению безопасности населения и промышленности.

Изучая модуль II «Бережливые технологии на Арзамасском железнодорожном узле в прошлом и настоящем», школьники знакомятся с изобретениями арзамасских железнодорожников, которые способствовали повышению производительности труда в годы Великой Отечественной войны. Применяя бережливые технологии, ребята учатся определять проблемы, возникавшие в работе железнодорожных служб Арзамасского узла и находить способы их разрешения.

Модуль III – «История Арзамасского железнодорожного узла. Герои-железнодорожники» – дает возможность погрузиться в историю Арзамасского железнодорожного узла. Учащиеся знакомятся с деятельностью фронтовых бригад на Арзамасском железнодорожном узле в годы Великой Отечественной войны. Ребята вспоминают и обсуждают подвиги работников железной дороги, роль женщин в деятельности железнодорожного узла в годы Великой Отечественной войны. В интерактивной форме они изучают интересные факты из жизни известных железнодорожников и разрабатывают свои проекты.

Система заданий и упражнений соотносится с реализацией заявленной цели курса. Сценарии занятий состоят из трех частей: мотивационной, основной и заключения. Занятия включают в себя игры, интерактивные задания, работу с дополнительными материалами. В конце каждого занятия предполагается рефлексия – дети могут высказаться о том, что их заинтересовало, удивило, какие выводы они сделали, а также предлагаются упражнения, направленные на обобщение полученных знаний и проектную деятельность.

События, связанные с историей Арзамасского железнодорожного узла, проиллюстрированы схемами, картами, красочными фотографиями, кроссвордами, которые наглядно показывают и рассказывают об исторической значимости Арзамасского железнодорожного узла. Ребята учатся работать в группах, вести совместную учебно-творческую деятельность по сопоставлению, анализу и систематизации исторических фактов; развивают умение работать с дополнительной информацией, обобщать и систематизировать изученную и ранее известную информацию, самостоятельно находить необходимую информацию и представлять её в виде проектов, индивидуальных и групповых.

Занятия имеют функциональную направленность и развивают практический навык презентации краеведческого материала.

Приведем план проведения занятия курса.

Тема: Изобретения арзамасских железнодорожников. «Горючая» проблема

Цель: изучить изобретения арзамасских железнодорожников в годы Великой Отечественной войны.

Задачи:

– образовательные: рассказать об изобретениях арзамасских железнодорожников, которые способствовали улучшению качества работы на железной дороге в годы Великой Отечественной войны;

– развивающие: развивать логическое мышление детей, любознательность, побуждать их к изучению роли железнодорожных предприятий в истории города, страны;

– воспитательные: воспитывать уважение к труду, пробудить чувство патриотизма, гордости за героическое прошлое своего народа и города.

Формирующиеся ценности: патриотическое сознание, культура межпоколенческих отношений.

Основные смыслы: развивать представления детей о жизни людей в годы Великой Отечественной войны.

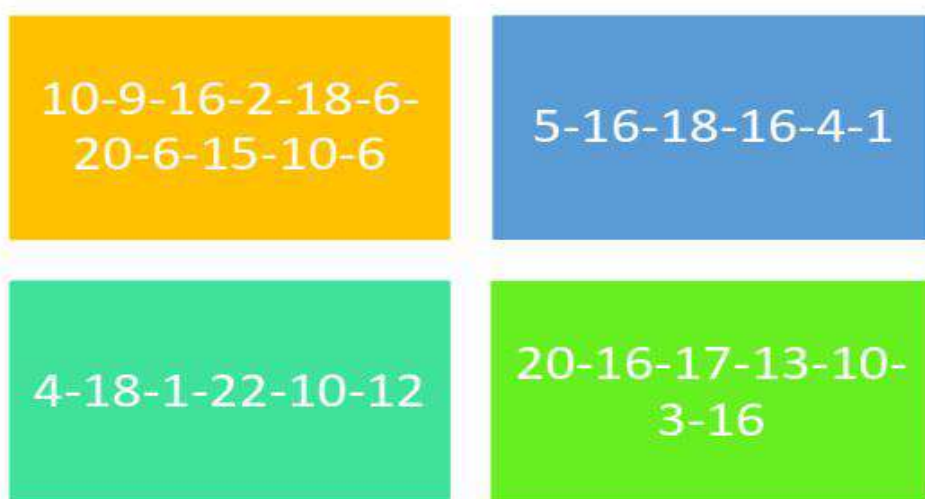
Продолжительность занятия: 30 минут.

Рекомендуемая форма занятия: беседа.

Сценарий мероприятия

Часть 1. Мотивационная

Учитель: Ребята, посмотрите на карточки, что находятся у вас на столах. Это зашифрованный код. Только разгадав его, мы сможем узнать, о чем пойдет речь на сегодняшнем занятии, для этого используйте карточку-ключ.

А 1	Б 2	В 3	Г 4	Д 5	Е 6	Ё 7
Ж 8	З 9	И 10	Й 11	К 12	Л 13	М 14
Н 15	О 16	П 17	Р 18	С 19	Т 20	У 21
Ф 22	Х 23	Ц 24	Ч 25	Ш 26	Щ 27	Ъ 28
Ы 29	Ь 30	Э 31	Ю 32	Я 33		

Учитель: Какие слова у вас получились? (*изобретение, дорога, график, топливо*). Как они связаны между собой? Какую тему занятия можно сформулировать на их основе?

Ответы учеников

Часть 2. Основная

Учитель: Как вы уже поняли, ребята, тема нашего урока: «Изобретения арзамасских железнодорожников. “Горячая» проблема”».

Учитель: На железнодорожном транспорте движение поездов осуществляется по графику. Что такое график движения поездов?

Ответы учеников

График движения отражает план всей эксплуатационной работы железных дорог и является основой организации перевозок. Движение поездов строго по графику достигается точным соблюдением технологических процессов. Объединяя и координируя работу всех подразделений, график движения позволяет им действовать согласованно [1].

Задание 1. Давайте подумаем, какие факторы негативно влияли на график движения поездов на арзамасском узле железной дороги в период Великой Отечественной войны? Как их можно было избежать? Заполним таблицу.

График - это ...	Какие факторы негативно влияли на график движения поездов?	Как можно было избежать влияния негативных факторов?

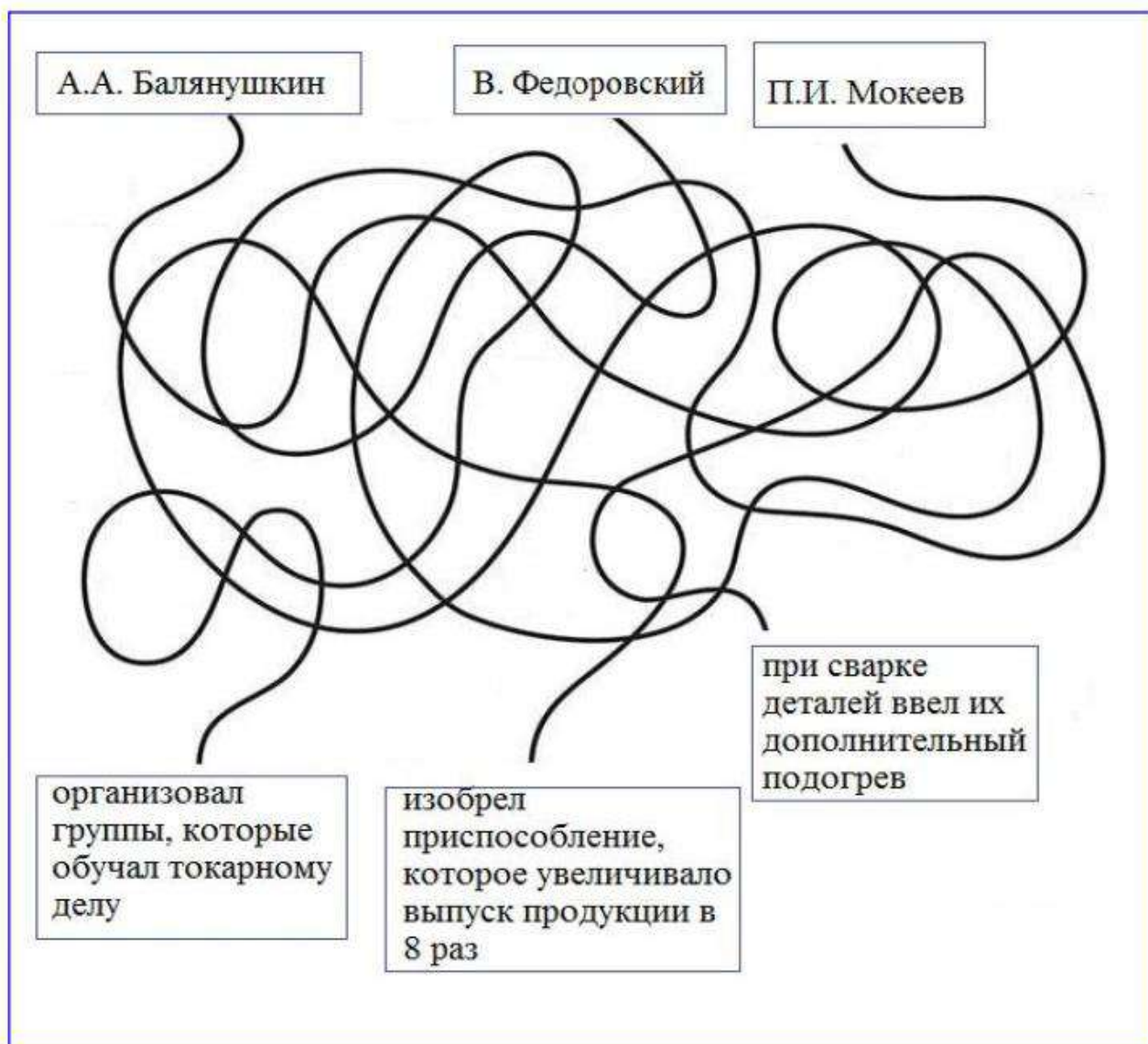
Обсуждение

Учитель: В годы Великой Отечественной войны арзамасские железнодорожники работали под девизом «Быстрее, надежнее!». Ребята, а что для вас значит этот девиз? Как вы соединяете понятия «быстро» и «надежно»? Подберите синонимы к этим понятиям.

А можно, работая быстро, работать еще и качественно? А наоборот, может ли качественная работа быть быстрой? Что для этого требуется от работника?

Для оптимизации работы арзамасские железнодорожники увеличили количество рабочих часов, уменьшили время выполнения задач, совмещали профессии. Однако этого было мало, в это время приветствовались рационализаторские предложения и изобретательство [2].

Задание 2. Пройдя лабиринт, вы узнаете Кто? и Как? усовершенствовал процесс работы.

Задание 3. На основе задания 2 заполните таблицу. Как вы считаете, какой был положительный результат от этих усовершенствований?

Положительный результат от изобретения А.А. Белянушкина	Положительный результат от изобретения В.Фелоповского	Положительный результат от изобретения П.И. Мокеева
<ul style="list-style-type: none">	<ul style="list-style-type: none">	<ul style="list-style-type: none">

Учитель: Какой драгоценный ресурс стали экономить арзамасские железнодорожники? (*время*)

Учитель: Мы с вами убедились, что у арзамасских железнодорожников существовали свои приемы для экономии времени, одного из важнейших ресурсов в годы Великой Отечественной войны. Именно от него зависела работа и тыла, и фронта. Однако эти нововведения не решили самой острой проблемы железнодорожников. Чем топили паровозы в годы войны? (*углем*)

Ответы учеников

Учитель: Рассмотрим карту. Где велась добыча угля? А где находится наша область? Откуда удобнее привозить уголь в нашу область? Как вы думаете, почему возникла проблема с добычей и поставками угля?

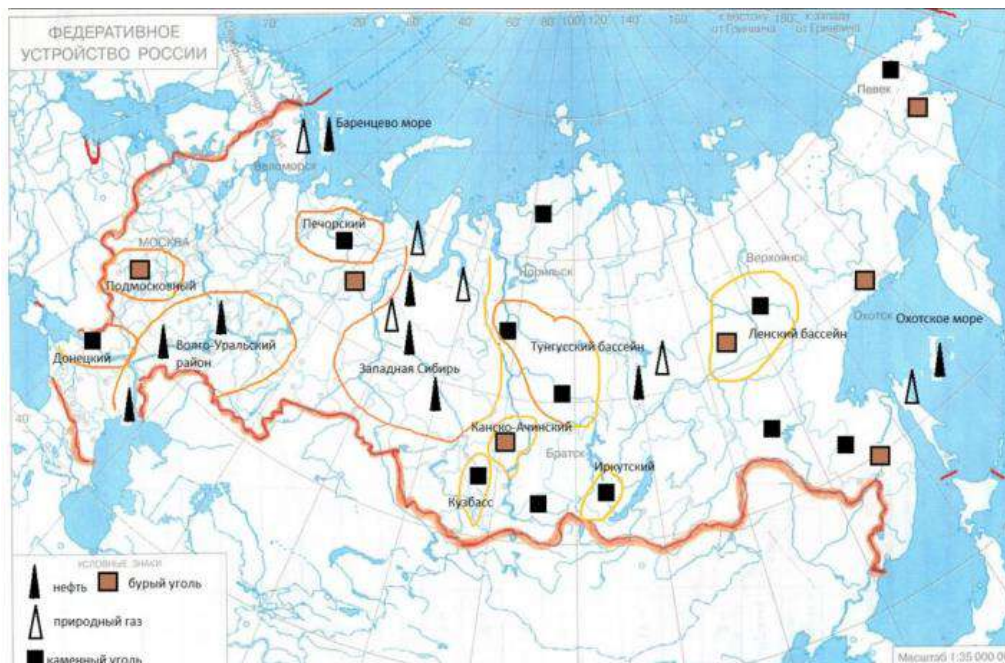
Ответы учеников

Учитель: А есть ли альтернатива углю?

Ответы учеников

Учитель: Решением государственного комитета обороны от 21 февраля 1942 года отопление всех паровозов было переведено на дровяное. За одну поездку до г. Горького на паровозе сжигалась 25–30 кубометров дров, а в паровоз умещалось только 8–10 кубометров, поэтому их загружали практически на каждой станции, чтобы обеспечить дальнейшее движение поезда. В связи с таким

большим расходом дров деревянные склады были организованы не только на станциях, но и на всех разъездах. Составу приходилось делать частые остановки, чтобы запастись дровами. Если все-таки поступал уголь, то паровозники берегли его как золотой запас [3].

Задание 4. Инсерт-чтение. Ребята, вам необходимо прочитать текст, маркируя его специальными значками: ★, ~~~~~ — значение изобретения / находки / альтернативы.

Чтобы как-то обеспечить парообразование котла паровоза, на всех станциях около водозаборных колонок паровозники разрывали снег и ведрами набирали шлак, оставшийся от угля и от чистки паровозных топок с довоенного времени. Шлаком они засыпали в топках живое сечение колосниковой решетки, создавали подушку, через которую холодный воздух поступал к дровам более равномерно и уменьшал охлаждение топки. Так добивались парообразования.

Основной склад топлива на станции Арзамас-2 принимал огромное количество вагонов с дровами. Для своевременной выгрузки привлекалось местное население, и городские организации тоже направляли своих работников. Чтобы облегчить труд рабочим склада, инженер депо Кожеватов В. Ф. изобрёл электроколун для раскалывания наиболее крупных дров.

(«Арзамасские новости», 29 июля 2021)

Обсуждение результатов

Задание 5. Определите, какие проблемы удалось разрешить в результате изобретения / находки / альтернативы.

Изобретение / находка / альтернатива	Разрешенные проблемы
Засыпка шлаком колосниковой решетки	
Электроколун В. Ф. Кожеватова	

Обсуждение

Учитель: Нам, людям этого времени, остается лишь восхищаться находчивостью и смекалкой наших соотечественников. Давайте представим, что было бы, если бы не случилось этих изобретений.

Задание 6. «Что, если...»

Изобретение	• Предположение

Обсуждение

Часть 3. Заключение

Учитель: Наше занятие подошло к концу. Сегодня мы обсудили очень важную тему. Чтобы собрать весь материал воедино, создадим «Синквейн» по теме.

Задание 7. «Синквейн»

Правило	Синквейн
<p>Первая строка – одно слово, обычно существительное, отражающее главную идею;</p> <p>Вторая строка – два слова, прилагательные, описывающие основную мысль;</p> <p>Третья строка – три слова, глаголы, описывающие действия в рамках темы;</p> <p>Четвертая строка – фраза из нескольких слов, показывающая отношение к теме;</p> <p>Пятая строка – одно слово, связанное с первым, отражающее сущность темы.</p>	

Курс внеурочной деятельности «Кузница Победы. Арзамасский железнодорожный узел, 1941–1945 гг.» для 10 класса обеспечивает развитие интеллектуальных умений, творческих способностей у учащихся, необходимых для дальнейшей самореализации. Различные задания и мероприятия в рамках курса позволяют учащимся проявить себя, свой творческий потенциал и отношение к будущей профессии. Необходимо отметить, что учащиеся школы принимали участие в разработке данного курса, собирали материал о своих родственниках – дедушках, бабушках, работавших на железной дороге. Таким образом, в процессе подготовки и участия в мероприятиях курса у ребят формируется преемственный подход и интерес к трудовой жизни своей семьи.

Воспитательная практика – курс внеурочной деятельности «Кузница Победы. Арзамасский железнодорожный узел 1941–1945 гг.» – является просветительским проектом, который способствует изучению исторического наследия нашего города, подвига железнодорожников через социокультурную и профессиональную преемственность поколений.

Курс направлен на достижение личностных результатов (осмысление социально-нравственного опыта предшествующих поколений; осознанное отношение к выбору будущей профессии; ценностные ориентиры, основанные на идеях патриотизма, любви и уважения к Отечеству), метапредметных результатов (умение анализировать проблему и определять цель ее разрешения, используя средства бережливых технологий; формирование российской и гражданской идентичности на основе принятия учащимися демократических ценностей, воспитания патриотических убеждений; умение вести диалог со сверстниками и учителем, предлагать идеи); предметных результатов (способность соотносить историческое время и историческое пространство, действия и поступки личностей во времени и пространстве; поиск необходимой информации в одном

или нескольких источниках (материальных, текстовых, изобразительных и т. д.); расширение опыта оценочной деятельности на основе осмысления жизни и деяний личностей и народов в истории своей страны и человечества в целом; умение раскрывать смысл, значение важнейших исторических понятий.

Основной акцент в рамках воспитательной практики делается на активном участии в различных мероприятиях, таких как виртуальные экскурсии, квесты исторических событий, разработка и защита проектов. Учащиеся имеют возможность, сочетая бережливые технологии и метод проектов, применить теоретические знания на практике, стать активными субъектами образовательного курса.

Воспитательная практика «Кузница Победы» также помогает ученикам проявить себя в качестве лидеров и организаторов, развивает умение работать в команде и принимать ответственные решения. Важным аспектом данной практики является профессиональное самоопределение, поскольку учащиеся имеют возможность оценить свои навыки и интересы применительно к железнодорожной отрасли.

Всего лишь несколько недель, проведенных в рамках практики «Кузница Победы. Арзамасский железнодорожный узел 1941–1945 гг.», позволяют участникам получить ценный опыт, расширить свои знания и гордиться историческим наследием своего родного края. Этот проект активно участвует в формировании патриотической основы у школьника, воспитывая гражданские качества и уважение к истории, к труду, к миру будущего профессионального сообщества.

Литература:

1. Китов О. А. Арзамасский железнодорожный узел в годы войны, 1941–1945 гг. // Комната трудовой и боевой славы: материалы архива. – На правах рукописи.
2. Книга Почета передовиков социалистического соревнования. Паровозное депо Арзамас-2 Казанской железной дороги // Комната трудовой и боевой славы: материалы архива. – На правах рукописи.
3. Спирина Н. А. Железная дорога в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Арзамасские новости. 29 июля 2021. С. 8.
4. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

УДК 94
ГРНТИ 03.09.23

ИДЕАЛ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В ДВУХ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ТРАГЕДИЯХ

Н. Ю. Сивкина

Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород
E-mail: sivkina@imomi.unn.ru

М. Н. Колбасов

Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород
E-mail: makcimkolbasov@yandex.ru

Аннотация. Традиционно в отечественной и зарубежной историографии между древнегреческими трагедиями «Царь Эдип» Софокла и «Ипполит» Еврипида не проводится связи как в художественной интерпретации, так и в историческом подтексте. Однако авторы статьи в ходе анализа условий создания трагедий выделяют их общие закономерности. Обе трагедии служили идее формирования патриотизма и идеала гражданственности для афинян. По мнению авторов, драматурги в образе главных героев трагедий отразили судьбу политического деятеля Афин, который в условиях Пелопоннесской войны должен был стать примером лидера – защитника государства.

Ключевые слова: Софокл, Эдип, Еврипид, Ипполит, Перикл, трагедия, Пелопоннесская война, полис, Афины.

THE IDEAL OF CITIZENSHIP IN TWO ANCIENT GREEK TRAGEDIES

Nataliya Y. Sivkina

Lobachevsky University, Nizhny Novgorod
E-mail: sivkina@imomi.unn.ru

Maksim N. Kolbasov

Lobachevsky University, Nizhny Novgorod
E-mail: makcimkolbasov@yandex.ru

Abstract. Traditionally, in Russian and foreign historiography, there is no connection between the ancient Greek tragedies “Oedipus the King” by Sophocles and “Hippolytus”

by Euripides, both in artistic interpretation and in historical overtones. However, the authors of the article, in the course of analyzing the conditions for creating tragedies, identify their general patterns. Both tragedies served the idea of forming patriotism and the ideal of citizenship for Athenians. According to the authors, the playwrights in the image of the main characters of the tragedies reflected the fate of the politician of Athens, who in the conditions of the Peloponnesian War was supposed to become an example of a leader-defender of the state.

Keyword: Sophocles, Oedipus, Euripides, Hippolytus, Pericles, tragedy? The Peloponnesian War, policy, Athens.

Древнегреческая трагедия, равно как и древнегреческий театр, славились не только своим высоким духовным предназначением, воспитательной ролью в жизни греков, но и высокой политизированностью. В наше время в отечественной историографии найдется немало исследований трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида как исторических источников. Действительно, как известно, драматурги не раз искажали знакомые зрителям мифологические сюжеты, добавляя в них нечто своё или изменяя акценты и детали мифа. Для чего они это делали? Не только и не столько для развития драмы как жанра, сколько для придания древним легендам современного, актуального для зрителей подтекста. Драматурги предлагали зрителям задуматься о ценностях жизни, о том, что такое добродетель, совершенство, патриотизм. Педагогическая составляющая их произведений очевидна: для большинства горожан театр был местом, где их учили [4, с. 45]. С другой стороны, граждане полиса легче и с большим восторгом воспринимали постановку, в которой их поражал красивый слог, захватывающая сюжетная канва, а также находили отражение знакомые и понятные им реалии общественной жизни полиса.

В этом особенно преуспели такие великие драматурги V века до н. э., как Софокл и Еврипид. В своих трагедиях они обнажали те проблемы Афинского полиса, которые волновали граждан в данный момент, т. е. во время создания трагедии [3; 7]. Особенно талантливо им удавалось через разных мифологических героев передать представления граждан о врагах и друзьях города, «своих» и «чужих». И в роли этих «своих» и «чужих» могли выступать как отдельные люди, так и целые города-государства.

В данной работе остановимся на двух трагедиях – это «Царь Эдип» Софокла и «Ипполит» Еврипида. Оба произведения, по нашему мнению, формируют у зрителя / читателя идеальный образ гражданственности, образ заботящегося о полисе правителя, имеющего высокие духовные ценности. Естественно, этот герой выступает как защитник города, как лидер, ответственный за свою Родину, подчиняющийся законам государства. Главный герой

в обеих трагедиях имеет сходные черты, и это дает основания предполагать, что за мифологическими образами в обеих постановках подразумевается Перикл.

Обратимся к сюжетам этих трагедий. В них также заметны некоторые общие закономерности, позволяющие говорить о сходстве не только художественных приёмов построения сюжета, но и об общности замысла драматургов. «Царь Эдип» Софокла повествует о страшной болезни в городе Фивы, которая стала карой богов за убийство царя Лая. Новый правитель Эдип хочет найти убийцу и изгнать его из города. Он не подозревает, что волею судьбы именно он причастен к смерти прежнего царя, своего отца, который некогда велел избавиться от своего ребёнка, получив предсказание, что тот убьёт его. Но ребёнок чудом остался жив и предсказание исполнилось. В награду за освобождение Фив от чудовища Сфинкса Эдип, опять же по неведению, женится на вдовствующей царице, которая является его настоящей матерью, и у них рождаются дети. Ближе к финалу трагедии герой узнает правду и всю чудовищность своей судьбы. Его мать (она же и жена) кончает жизнь самоубийством, а Эдип выкалывает себе глаза, проклинает свой род и отправляется в изгнание.

Сюжет трагедии «Ипполит» связан с судьбой сына Тесея и его мачехи Федры. По воле богов Федра влюбляется в Ипполита, но вынуждена скрывать это чувство от всех. Когда же её кормилица узнаёт обо всём и рассказывает Ипполиту, тот отвергает мачеху. Чтобы избежать позора, Федра лишает себя жизни и оставляет записку для мужа, что якобы его сын посягал на её честь. Тесей, поверив этому, проклинает сына, не давая ему оправдаться. Кара богов свершилась, проклятье осуществилось, и только перед самой смертью Ипполита Тесей узнаёт от богов правду.

Таким образом, сюжет обеих трагедий несет в себе родовое проклятье, перипетии обманов и запоздалое выяснение правды, объединяет их также трагическая судьба главных героев. В этих сюжетных мотивах видятся намёки на судьбу Перикла.

Интерес представляет и время создания трагедий, т.к. именно оно позволяет судить о главенствующих событиях полиса и наиболее животрепещущих темах, которых стараются коснуться драматурги в своих произведениях.

Традиционно обе трагедии датируются первой половиной 420-х годов до н. э. По классической датировке Тронского [8, с. 140] и ряда других исследователей [2, с. 107; 9, с. 153], который соотносит начальное событие трагедии (мор в Фивах) с исторической чумной болезнью в Афинах. «Царь Эдип» относится к 429–425 гг. до н. э. «Ипполит» же Еврипида имеет точную датировку – март 428 года до н. э. [1, с. 149]. Это также позволяет утверждать об одном историческом контексте, в котором создавались трагедии, и единстве идейного замысла.

К концу 430-х годов до н. э., когда приближалась Пелопоннесская война и начались события Архидамовой войны, связанные с оборонительной тактикой Афин в борьбе со Спартой, в центре событий был, конечно, Перикл. Афинский олимпиец, блистательный стратег, отец демократии, «первый гражданин» Афин..., и именно его считают виновником в развязывании войны и разработчиком такой неудачной тактики, которая приведёт к эпидемии в городе [5, с. 183], за что он поплатится своей должностью. Под давлением врагов Перикла народ припишет ему вину за все свои беды и осудит. Однако спустя некоторое время, не найдя достойной замены, Перикла попросят вернуться на пост стратега, но вскоре после этого знаменитый лидер Афин скончался.

Исходя из вышеперечисленных фактов, можно предположить, что именно образ Перикла зашифрован в обеих трагедиях, об этом говорит и дата его кончины – 429 год до н. э.

Аргументами, подтверждающими эту гипотезу, могут служить и цитаты из трагедий, легко сопоставляемые со свидетельствами историков о биографии Перикла.

Так, в образе Эдипа видят Перикла, который по воле судьбы оказывается в затруднительном положении. Его авторитет среди народа падает, что позволяет врагам усилить своё влияние на граждан и привести события к трагическому финалу с судом над лидером полиса и лишением должности стратега [6, с. 233–234].

Об этом сходстве судеб Эдипа и Перикла говорит множество цитат из трагедии и описаний событий падения Перикла у Фукидида. Сравним эпизод из трагедии, когда Эдип говорит: «Я город спас, о прочем не забочусь», а прорицатель Тиресий отвечает: «Но твой успех тебе же на погибель» (Soph. Oedipus Tyrannus, 434–435), с описанием осады Афин Архидамом у Плутарха: «Афиняне выслушали Перикла и приняли его предложение: стали переселять с полей в город женщин и детей и перевозить остальную движимость... Возбуждение охватило весь город; граждане негодовали на Перикла, не вспоминали его прежних внушений, но все бранили его за то, что, будучи стратегом, он не ведет их в битву, и считали его виновником всего того, что им приходилось терпеть» (Thuc. II. 14, 21); или еще у Софокла: «Тут стали гнать меня, и гнал весь город» (Soph. Oedipous epi Colonoï, 91-93), «Тот, на чей удел, бывало, всякий с завистью глядел, он низвергнут в море бедствий, в бездну страшную упал» (Soph. Oedipus Tyrannus, 1486-1487), а у Фукидида видим описание: «И всеобщее раздражение афинян против Перикла не утихло до тех пор, пока они не покарали его... Вскоре после того (так обыкновенно поступает толпа) они, однако, снова выбрали его в стратеги, доверили ему все государственные

дела: каждый был уже менее чувствителен к личному горю, а для нужд общегосударственных Перикл считался самым драгоценным человеком» (Thuc. II. 65). Заметно, как у обоих авторов совпадают описания не только внешних событийных моментов, но и настроений народа, его отношения к происходящим событиям и Периклу в частности.

Таким образом, трагедией «Царь Эдип», приуроченной к гибели великого гражданина Афин, блестящего стратега, которому не нашлось равных (Plut. Pericles, 37), Софокл предрекает беду для афинского полиса, лишившегося в разгар войны со Спартой лучшего лидера. Он словно ставит вопрос, кто же теперь сможет возглавить полис, стать таким же защитником Афин, чтобы добиться их процветания и первенства в Греции и снискать за это всеобщую любовь народа.

Сходными с «Царём Эдипом» концепцией построения сюжета и трагическим финалом обладает постановка «Ипполит» Еврипида. На театральных состязаниях она также заняла первое место, что не так часто случалось у этого драматурга. Зачастую его трагедии не понимали или не одобряли. Еврипид в своих трагедиях стремился отразить наиболее болезненные недостатки современного ему афинского общества [9, р. 3], и некоторые сюжеты попадали точно в цель и имели успех у большей части зрителей.

Успех «Ипполита», как нам представляется, обусловлен сюжетной линией трагедии, где угадываются те же трагические события жизни Перикла, что происходили незадолго до первого показа трагедии.

В традиционной трактовке Д. П. Каллистова [2, с. 123] Ипполит представляет собой типичный образ афинской молодёжи времён Еврипида. Эта молодёжь устала от общественно-политической жизни с её интригами и от кризисов, порождённых Пелопоннесской войной. Такие настроения породили разочарование в идеях демократии и общественно-политическом устройстве общества и заставили молодых людей обратиться к частной жизни, личной, направленной на достижение своего внутреннего духовного роста и самосовершенствования.

Подобные черты, действительно, проявляются в поведении, поступках и в словах Ипполита («Я первым быть меж эллинов горел на играх лишь, а в государстве, право ж, и на втором нам месте хорошо...» (Eur. Hipp., 1015–1017).

Сходные настроения были свойственны и Периклу на ранних этапах жизни, когда он ещё боялся заниматься политикой, опасаясь ostracism за свой знатный род и богатство (Plut. Pericles, 7), и в период его отстранения от должности, после которого он погрузился в личные проблемы и не желал вновь возвращаться к государственным делам (Plut. Pericles, 37–39).

Сопоставляя биографические факты, связанные с клеветой и осуждением Перикла, с сюжетной канвой «Ипполита» Еврипида, можно отметить, что главный герой трагедии, так же, как и Перикл, был оклеветан и несправедливо подвергнут наказанию за то, чего не совершал. Его смерть является олицетворением политического падения Перикла. В подтверждение этой гипотезы звучат слова Ипполита о проклятии отца, в которых слышится намёк на проклятье рода Алкмеонидов для Перикла: «О, злое проклятье отца! Запятнанных предков, старинных, но крови единой – грехи, грехи меня губят... Возмездье растёт их, покоя не зная... Но отчего ж надо мной разразился гнев этот старый? Над чистым, невинным зачем он так тешится злобно? Увы мне!» (Eur. Hipp., 1379–1387).

Если же Ипполита воплощает в себе образ Перикла, то Тесей, легендарный царь, основатель Афин, в данной трагедии олицетворяет весь полис с его народом, который поверил клевете и подверг наказанию своего лучшего правителя («И из страны его я изгоню... Пусть жалобу мою пучины царь услышит и сегодня ж его сошлет в Аид, иль, осужден, до вечера, как нищий, он скитанья свои начнет велением моим...» (Eur. Hipp., 893–899).

И финальный плач Тесея о гибели сына означает плач всего афинского народа о несправедливом осуждении и гибели Перикла, осознание потери одного из лучших своих граждан. Поэтому отражение в трагедии недавнего горя всего афинского народа и её посвящение памяти некогда всеобщего любимца возымело такой большой успех постановки Еврипида на театральных состязаниях.

Таким образом, сопоставление исторического контекста двух трагедий позволяет нам раскрыть за мифологическими образами героев трагедий личность Перикла. Причём описанные драматургами сюжеты формируют у зрителей образ правителя, воплощавшего идеал гражданственности, беспрекословно радеющего за свой город. Такой замысел у Софокла и Еврипида был вызван историческим контекстом – шла Пелопоннесская война, Афины уже испытали тяжкие последствия разрушений и болезней. При таких тяжёлых испытаниях полису однозначно нужно было обращение к идеям гражданственности и патриотизма, к поиску героя, на которого можно положиться и быть спокойным за своё будущее. Именно таким идеалом гражданственности и стал для граждан Перикл, который вобрал в себя все лучшие качества политического лидера, защитника полиса, горячо переживающего за афинских граждан. Драматурги, опираясь на старые мифологические сюжеты, фактически ввели новый образ, создали новый исторический миф о Перикле.

Литература:

1. Головня В. В. История античного театра. Учебное пособие для высших и средних театральных заведений, институтов культуры и хореографических училищ М.: Искусство, 1972. 399 с.
2. Каллистов Д. П. Античный театр. Ленинград: Искусство, 1970. 174 с.
3. Колбасов М. Н., Сивкина Н. Ю. Исторический контекст в драматическом произведении: на примере трагедии Эсхила «Семеро против Фив» // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике. Чебоксары: ООО Издательский дом «Среда», 2024. С. 374–378.
4. Пичугина В. К. Древнегреческий театр как школа для города. Почему Сократ не был театралом // *Nyurothekai*. 2024. № 8. С. 36–54.
5. Суриков И. Е. Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. 256 с.
6. Суриков И. Е. Солнце Эллады. История афинской демократии. М.: Вече, 2023. 448 с.
7. Теперик Т. Ф. Мотивы власти в древнегреческой трагедии («Электра» Софокла) // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 3 (51). С. 154–170.
8. Тронский И. М. История античной литературы. Ленинград: Учпедгиз. Ленинградское отделение, 1951. 508 с.
9. Porter J. R. Euripidean Tragedy and the Hippolytus (428 BC). Saskatchewan, 2020. URL: https://www.academia.edu/43664135/Euripidean_Tragedy_and_the_Hippolytus_428_BC_ (дата обращения: 13.04.2025).
10. The plague of Thebes, a historical epidemic in Sophocles' Oedipus Rex / Kousoulis A. A., Economopoulos K. P., Poulakou-Rebelakou E., Androutsos G., Tsiodras S. // *Emerging Infectious Diseases*. 2012 № 18 (1). P. 153–157.

ПОЛКОВОЙ СВЯЩЕННИК В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ: НЕКОТОРЫЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

А. Н. Лушин

Нижегородская академия МВД России,
Нижний Новгород
E-mail: aleksr.lushin@mail.ru

К. А. Чудецкая

Нижегородская академия МВД России,
Нижний Новгород
E-mail: lushina_ksen@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности служения военного духовенства Российской императорской армии, связанные с некоторыми сословными и социальными проблемами в осуществлении духовно-нравственного и героико-патриотического воспитания военнослужащих. Особое внимание обращается на необходимый образовательный и культурный ценз полковых священников при проведении ими системной и комплексной духовной и воспитательной работы в воинских подразделениях, на определение их особого статуса соответственно традиционному офицерскому и дворянскому положению в Российской армии.

Ключевые слова: полковой священник, военное духовенство, Святейший Правительствующий Синод, духовное и нравственное окормление, офицерский корпус, семинарское образование, церковно-военное ведомство, просветительская деятельность.

REGIMENTAL PRIEST IN THE RUSSIAN IMPERIAL ARMY: FEATURES OF THE PORTRAIT

Aleksandr N. Lushin

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Nizhny Novgorod
E-mail: aleksr.lushin@mail.ru

Kseniya A. Chudetskaya

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Nizhny Novgorod
E-mail: lushina_ksen@mail.ru

Abstract. The article examines the features of the ministry of the military clergy in the Russian Imperial army, associated with certain class and social problems

in the implementation of moral and patriotic education of personnel. Particular attention is paid to the necessary educational and cultural qualifications of regimental priests when they carry out systematic and comprehensive educational activity in military units, to determine their special status according to the traditional officer and noble position in the Russian army.

Keywords: regimental priest, military clergy, the Holy Governing Synod, spiritual and moral guidance, officer corps, seminary education, church and military department, educational activities.

В настоящее время, когда институт военного духовенства в современной Российской армии в соответствии с действующим законодательством и ведомственными нормативно-правовыми актами всемерно участвует в духовно-нравственном и героико-патриотическом воспитании личного состава военнослужащих, в том числе в зоне проведения специальной военной операции, представляется вполне обоснованным интерес к деятельности полкового духовенства Российской императорской армии. В официально объявленный Год защитника Отечества и год 80-летия Великой Победы следует с благодарностью вспомнить военных пастырей, деливших с российским воинством поистине героические события в истории нашей страны. Полковые священники в армии Российской империи законодательно закрепляются в XVIII веке, на них возлагалось значительное количество обязанностей, связанных с трудностями и лишениями военных походов и боевых действий, так как Россия пребывала в непрестанных войнах. Следует вспомнить, что и XIX век начался с грозных военных кампаний, и начало XX века станет для нашего Отечества тяжким испытанием в жестокой Первой мировой войне 1914–1918 годов. Полковые священники на протяжении более двух столетий достойно выполняли особую, исключительно важную роль в отечественной армии, неустанно поддерживая высокий патриотический настрой и духовно-нравственные основы российского воинства.

Авторы данной статьи обращают внимание на такой серьезный факт, как социально значимые особенности включения в новые, порой весьма экстремальные условия жизни и многосторонней деятельности полковых священников в военной среде. К рубежу XVIII–XIX веков русский офицерский корпус был сформирован на последовательно сложившихся и свято сохраняемых общепризнанных нравственных традициях дворянской чести и воинского долга в верном служении Отечеству. Необходимо особо отметить, что высокий уровень образования, знание нескольких иностранных языков и даже участие многих представителей офицерства в активной научной и литературной сферах не являлись

исключением в Российской империи, а были явлением скорее обыденным. Более того, существовали известные дворянские династии, в которых воинскую службу искренне считали неизменной родовой или семейной обязанностью, особенно в привилегированных гвардейских войсках, где служили представители наиболее родовитой аристократии в нескольких поколениях. Офицерский корпус был крепко сплоченным, и офицерство каждого полка представляло собой сообщество с твердыми моральными устоями, служебным этикетом, высокой исполнительской дисциплиной и строгой субординацией.

В такие необычные и незнакомые для людей мирного образа жизни условия попадал сразу полковой священник, назначенный Святейшим Правительствующим Синодом для несения службы по военно-церковному ведомству. С этого времени его жизнь обретала новые черты, вместе с полком он был обязан стойко преодолевать все немалые трудности воинского быта, а порой вместе с воинами подвергать свою жизнь реальной опасности в боевой обстановке. Круг служебного общения и исполнения многочисленных обязанностей полкового священника был четко и последовательно установлен различными правовыми и инструктивными документами, поэтому мы обращаем должное внимание на определенные необходимые требования к военному духовенству, которые объективно сложились в результате приобретенного многолетнего практического опыта.

Полковой священник должен был обязательно иметь специальное образование, полученное в духовной семинарии, то есть обладать всеми гуманитарными знаниями, которые позволят ему достойно выполнять свои служебные функции по духовно-нравственному окормлению личного состава полка. Священники с семинарским образованием знали не только древние языки, но в достаточном объеме владели принятым в обществе иностранным языком. Приобретенное в семинарии особо важное умение писать и произносить прочувствованные проповеди, вызывавшие у прихожан неподдельное умиление, имело также большое значение при определении кандидатом на должность военного пастыря. Правящий архиерей (управляющий епархией) всемерно учитывал личные способности будущего полкового священника, сознавая, что тому придется постоянно вращаться в кругу образованного и культурного офицерства. Нормативно-правовые акты, регулировавшие церковно-военную службу полкового священника, свидетельствуют, что по занимаемой должности он соотносился с армейским или гвардейским офицерским либо чиновным военным статусом. Как правило, полковые священники происходили по рождению из духовного звания, поэтому их вхождение в дворянский круг налагало на них особые требования в рамках сложившейся офицерской профессиональной корпоративной воинской этики.

В XIX – начале XX века полковыми священниками в большинстве случаев назначались зрелого возраста протоиереи, имевшие значительный опыт в духовно-просветительской деятельности, известные своими богословскими и проповедническими трудами. Так, в 1821 году на должность священника привилегированного Кавалергардского полка был назначен протоиерей Николай Иванович Цветницкий [4]. Следует отметить, что назначение священнослужителей в гвардейские элитарные полки, офицерский состав которых состоял из представителей знатных аристократических родов, согласовывалось непосредственно с императором. Названный священник был известен в Святейшем Синоде как даровитый проповедник, обладающий хорошим художественным слогом, автор изданной в синодальной типографии в 1812 году прочувствованной патриотической проповеди. Кроме всего прочего, он был знаком с графом С. А. Строгановым, камергером В. А. Всеволожским, известен князю А. Н. Голицыну, то есть имел опыт общения с представителями высшего дворянского света. В «Месяцесловах» первой трети XIX века и иных источниках указывалось, что о. Николай Иванович Цветницкий был награжден за достойную церковно-военную службу орденом Святой Анны 2-й степени, фиолетовой бархатной скуфьей, бронзовым наперсным крестом 1812 года на владимирской ленте и золотым наперсным крестом с украшениями из кабинета Его Императорского Величества. Можно с уверенностью предполагать, что в элитном офицерском полковом сообществе названный священник пользовался заслуженным уважением и признанием, участвовал в офицерских собраниях.

Назначая полковых священников в армейские части, Святейший Синод всемерно учитывал именно то, что кроме положенных богослужений и постоянной духовной пастырской работы среди нижних чинов пастырь будет постоянно пребывать согласно нормативно-правовым актам на определенном ему месте в командном составе воинского подразделения. По установленному статусу полковому священнику, как и офицеру, полагался в услужение денщик из нижних чинов. Следует признать, что многие полковые священники, как люди хорошо образованные и культурные, обладали художественным вкусом, читали книги не только религиозного духовного содержания, но и труды по истории, литературные произведения. Например, военный священник 3-го пехотного земского ополчения о. Александр полка Нижегородского Васильев, в 1812–1814 годах участник Отечественной войны и заграничного похода Русской армии, был не только любителем чтения, но и собрал немалую личную библиотеку [3]. До ополченской службы названный священник служил в самом начале XIX века на Кавказе военным пастырем в Казанском мушкетерском полку, участвовал в опасных походах против немирных горских племен, «подвергался опасности наравне с полковыми чинами, с целью воодушевить воинов к геройскому

выполнению своего долга» [1]. Примечательно, что осенью 1813 года о. Александр Васильев был прикомандирован к походной церкви саксонского военного губернатора генерал-адъютанта князя Н. Г. Репина-Волконского, то есть с этого времени постоянно общался в кругу высокопоставленных образованных российских офицеров. За службу по церковно-военному ведомству в период русско-французской кампании он был награжден бронзовым наперсным крестом за 1812 год на владимирской ленте. Несомненный интерес вызывает собранная этим полковым священником библиотека, в которой наряду с чисто религиозной христианской литературой были представлены светские книги по истории, юриспруденции, естественным наукам, как то: «Новый и полный всеобщий стряпчий или Судебный обрядник», «Учебная книга по истории государства Российского с присовокуплением леточислительных таблиц к каждому периоду» или «Созерцание природы». Не исключено, что в беседах офицерского сообщества обсуждались самые известные книжные новинки.

Отношение российских монархов к военному духовенству, как, безусловно, высоко патриотичному слою общества, выразилось в том, что полковые священники, принимавшие участие в военных походах и боевых действиях, наряду с командным составом императорской армии награждались не только установленными по церковно-военному ведомству наградами, но и светскими орденами и медалями. Данное обстоятельство красноречиво подчеркивало особый статус военных священников, тем более что степени некоторых орденов причисляли награжденных к дворянскому состоянию, что устанавливало пастырей в офицерской среде косвенно равными с командным составом. Следует отметить, что уважение военнослужащих к полковому священнику проявлялось в том, что при встрече с ним полагалось отдавать воинскую честь, как и офицеру, но при этом пастырь ответно прикладывал руку к наперсному кресту. В конце XIX века полковой священник становится полноправным, но все-таки временным членом офицерского собрания своей воинской части, что повышало его социальный и служебный статус.

На рубеже XIX–XX веков полковые священники в армейских частях перед назначением на службу по церковно-военному ведомству проходили очень тщательный отбор: должны были обязательно иметь семинарское образование и положительный опыт проповеднической и просветительской работы с паствой, являть собой добропорядочный образ жизни, иметь высокое уважение со стороны прихожан. Что касалось гвардейских полков, в которых традиционно офицерский состав состоял из представителей родовитой и богатой дворянской аристократии, жестко не допускавших в свои ряды разночинцев, в полковые священники назначались протоиереи, выпускники духовных академий с учеными степенями магистров или кандидатов богословия, имевшие стаж не менее

шести лет священнического служения. Ранее мы упоминали о том, что общение полковых священников с офицерским корпусом подразумевало не только добротное образование, но и хорошее знание светского этикета и, соответственно, при необходимости следование последнему.

Значительный образовательный, культурный и служебный ценз был востребован для полковых священников, которых в 1916 году в период Первой мировой войны направили во Францию, где союзнический долг в войне с Германской империей стал исполнять Русский экспедиционный корпус. По указанию монарха и Святейшего Синода наиболее достойные, образованные военные пастыри, владеющие иностранными языками, имеющие большой опыт служения именно на фронте в рядах действующей армии, отмеченные боевыми наградами, хорошо знакомые с этикетом, отправились для духовного и нравственного окормления офицерского корпуса и нижних чинов. Так, протоиерей 270-го пехотного Гатчинского полка, кавалер орденов Святого равноапостольного князя Владимира 3-й степени и Святой Анны 2-й и 3-й степеней, за личное мужество удостоенный награждения золотым крестом на георгиевской ленте Николай Иванович Цветаев был определен священником 1-й особой пехотной бригады Русского экспедиционного корпуса [2]. Известно, что в одном из жесточайших сражений весной 1918 года под городом Суассоном протоиерей Николай Цветаев повел в штыковую атаку поредевший русский батальон на германские позиции. Этот высокообразованный священник даже во Франции имел библиотеку духовной литературы и любил дарить офицерам и нижним чинам книги патриотического и духовного содержания. Часть его книг с дарственными надписями попала каким-то образом в Русскую Тургеневскую библиотеку в Париже. Следует отметить, что в Русском экспедиционном корпусе названный священник служил вместе с сыном – прапорщиком Николаем Цветаевым, командиром пехотного взвода, которого по-отечески благословил на воинское служение Отечеству.

Таким образом, можно констатировать, что военное полковое духовенство в целом соответствовало образовательному и культурному уровню офицерской среды Российской императорской армии и воспринималось в офицерских кругах как носитель высокого патриотического духа и традиционных духовно-нравственных устоев. К мнению полковых пастырей по вопросам духовно-нравственного окормления личного состава военного начальство всегда прислушивалось и оказывало им необходимую поддержку.

Литература:

1. Копарев Е. Военное духовенство на Кавказе // Русская линия (Православное информационное агентство). 2.04.2011. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=47648> (дата обращения: 10.06.2025).
2. Лушин А. Н. Нижегородская семья Цветаевых в горниле Первой Мировой (Великой) войны (1914–1920 годы) // Нижегородская старина. 2020. № 3-4 (№ 65-66). С. 62–66.
3. Лушин А. Н. Отважный военный пастырь и любознательный книжник // Нижегородская старина. 2016. № 49–50. С. 75–76.
4. Лушин А. Н., Чудецкая К. А. Нижегородский священник Николай Иванович Цветницкий (1767–1831): перипетии судьбы и след в истории // Нижегородская старина. 2022. № 3–4 (№ 73–74). С. 57–66.

УДК 930.1

ГРНТИ 03.23.25

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ОБРАЗА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Н. И. Солнцев

Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород
E-mail: sochin3@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена формированию образа Александра Невского в советской историографии 30–70-х годов XX века и созданию на его основе исторического портрета личности, образца патриотизма в системе воспитания советских людей. Личность князя входит в комплекс советской историографии как фигура борца за свободу и независимость Руси от угрозы с запада, выступая примером для формирования образа защитника Советского государства.

Ключевые слова: патриотизм, историческая память, культурная традиция, историческая личность, формирование исторических образов.

FORMATION OF THE PATRIOTIC IMAGE OF ALEXANDER NEVSKY IN THE IDEOLOGICAL SYSTEM OF SOVIET SOCIETY

Nikolaj I. Solntsev

Lobachevsky University,

Nizhny Novgorod

E-mail: sochin3@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the creation of the image of Alexander Nevsky in Soviet historiography of the 30–70s of the XX century and the creation on its basis of a historical portrait of a person, a symbol of the patriotic education of Soviet people. The personality of the prince is included in the complex of Soviet historiography as a figure of a fighter for the freedom and independence of Russia from the threat from the West, forming the image of the defender of the Soviet state.

Keywords: patriotism, historical memory, cultural tradition, historical personality, formation of historical images.

В начале 30-х годов XX столетия в условиях нарастающей международной напряженности и скатывания мира к военному конфликту стало очевидно, что Советскому Союзу еще долго предстоит существовать в изоляции. Это выводило на первый план создание идеологических конструкций, обосновывающих, с одной стороны, исключительность, с другой – историческую закономерность существования Советского государства. Возникла насущная необходимость в создании средств, направленных на патриотическое воспитание нового поколения советских людей. На повестке дня встал вопрос о формировании советского патриотизма как образа мысли советского человека. Сложность данной задачи усугублялась тем, что революционное мировоззрение до этого основывалось на убеждении в тождественности патриотизма и буржуазного национализма. Предстояло создать конструкт, объединяющий в себе как принципы пролетарского интернационализма, незыблемую часть советского мировоззрения, так и принципы национальной гордости как основу воспитания патриота. Для реализации этой цели пришлось вернуться к сюжетам отечественной истории, образы которой оказались как нельзя кстати.

В 1934 году, после постановления Совнаркома «О преподавании гражданской истории в школах СССР», происходит возврат к истории. С 1 сентября 1934 года исторические факультеты Московского и Ленинградского университетов начинают набор студентов-историков. Данное явление стало знаком того, что в руководстве СССР возобладало понимание факта, что мировая революция

если и случится, то в весьма отдаленной исторической перспективе, а защита социалистического Отечества от возможных посягательств извне выходит на первый план. Последнее заставляло временно отступить от принципиальных установок наднационального пролетарского интернационализма, ярко сформулированных В. И. Лениным [2]. Все это приводит к оживлению отечественных исторических образов как в литературе, так и в набирающем силу советском кинематографе.

После успеха вышедшего в 1937–1938 году фильма-эпопеи «Петр Первый» киностудия «Мосфильм» выпускает в прокат исторический фильм «Александр Невский», премьера которого состоялась 1 декабря 1938 года. В следующем году на экраны выходят «Степан Разин» (19 сентября), «Минин и Пожарский» (3 ноября).

Столь масштабное обращение к истории не могло не обойтись без утверждения политическим руководством страны. Впервые на советском экране был представлен положительный образ русского князя, поэтому данное предприятие требовало подготовки. В апреле 1937 года в «Историческом журнале» выходит статья профессора Всесоюзного коммунистического института журналистики А. И. Кзаченко «“Ледовое побоище” и Невская битва» [1]. Автор публикации проводит параллель между пришедшими к власти в Германии нацистами и действиями рыцарских орденов в средневековой Прибалтике. Советскому народу следует, опираясь на исторический опыт, быть готовым дать отпор зарвавшимся агрессорам. Неудивительно, что уже в декабре того же года в журнале «Знамя» под названием «Русь» был напечатан совместный сценарий П. А. Павленко и С. М. Эйзенштейна к будущему фильму об Александре Невском [4]. Художественное осмысление темы не обошлось без критики. В марте 1938 года в журнале «Историк-марксист» была опубликована рецензия на это произведение за авторством М. Н. Тихомирова [11]. Общие впечатления о литературном сценарии читались уже в названии рецензии «Издевка над историей». Так как М. Н. Тихомиров высказывал не столько свое, сколько общее мнение исторического сообщества, можно предположить, что ученые-историки не собирались возвращать фигуру Александра Невского на пьедестал. Не обошлось и без критики со стороны советской творческой интеллигенции, высказанной как по поводу сценария, так и по поводу готового фильма.

Однако зритель фильм принял восторженно. Из забвения была извлечена личность, интерес к которой был утерян, но о существовании которой знали практически все. Произошло повторное открытие образа великого князя, уже в новом времени, смысле, при совершенно новых обстоятельствах. Роль же, ярко сыгранная Н. К. Черкасовым, раз и навсегда определила облик героя, вписав его в картину русского Средневековья, а последующие испытания, выпавшие

на долю страны, сделали персону Александра Невского символом сопротивления захватчикам. Кинематографический портрет Черкасова лег в основу ордена Александра Невского, статут вручения которого предполагал инициативное командование, стремительное нападение на врага, нанесение ему максимального ущерба при сохранении своих сил. Последнее определило новое содержание образа. Если в историографии XVIII–XIX веков победы князя определялись Божьим промыслом и помощью святых, то теперь Невский прочно вошел в плеяду великих полководцев, а награждение орденом его имени офицеров, отличившихся в войне, сделало критику данного положения просто неуместной.

Окончание Великой Отечественной войны и вступление в мирную жизнь не избавило СССР от внешнеполитических вызовов. Угроза с запада, направленная на Советское государство, актуализировала все приемы идеологической борьбы. В свете этих событий образ Александра Невского был переосмыслен и дополнен. Теперь князю предстояло стать не просто символом отпора немецким захватчикам, но и примером верности принципам русской культуры, национальной идеологии, защитником чести и достоинства государства.

Не отошли на второй план и полководческие таланты князя. Их определяли высокая боевая активность, быстрота наступательных действий, широкое применение внезапности, как пишет в своих лекциях по военной истории профессор Военной академии имени М. В. Фрунзе генерал-майор Е. А. Разин: «При построении боевого порядка на льду Чудского озера хорошо использовалась местность (обрывистый берег, который помешал немецкому клину развить успех)» [10, с. 163]. Отметим, что реальное место Ледового побоища не обнаружено до сих пор, поэтому «обрывистый берег» явно взят автором из видеоряда фильма Эйзенштейна. «Только русская рать под командованием талантливого полководца могла осуществить тактическое окружение сильного, хорошо вооруженного противника» [Там же], – подытоживает Разин.

В мае 1949 года в журнале «Вопросы истории» появляется статья «О политике папской курии на Руси (XIII век)» [9], открывшая для советской историографии еще одну сторону дарований Александра Невского, на этот раз дипломатическую. Автор статьи В. Т. Пашуто с присущими данной эпохе акцентами критикует работу историка-иезуита А. М. Амманна, посвященную деятельности папской курии в начале XIII века. Определяя произведение оппонента как «образец профашистской, антиславянской католической пропаганды» [9, с. 54], Пашуто, дополняет образ князя-воина чертами выдающегося политика и дипломата. «Русская дипломатия в лице князя Александра Ярославича Невского... не позволила папской курии втянуть ослабленную татаро-монгольским нашествием Русь в новое столкновение с Ордой» [9, с. 76], «...надо поддерживать мир с золотоордынским ханом, бороться с которым было

невозможно...» [9, с. 57], – резюмирует автор. Кроме этого, в статье поднимается еще одна созвучная с эпохой тема – агрессия Западной Европы против Прибалтики и Северо-Западной Руси. «В XIII в. папская курия проводила политику наступления на русские и связанные с ними земли с целью их латинизации, призванной облегчить последующие завоевания крестоносцев», – отмечает автор, несмотря на то, что за десять лет до этого, давая анализ этой же проблеме, М. Н. Тихомиров отмечал: «... орден даже не в состоянии был поставить себе подобные задачи» [11, с. 92]. Однако тема крестового похода Запада против Востока по окончании Великой Отечественной войны стала настолько востребованной, что образ папской курии стал олицетворять собой совокупность всех идеологических диверсий Запада против СССР.

Статья В. Т. Пашуто, напечатанная в ведущем историческом журнале СССР, не была рядовой публикацией. Тезисы, оформленные в работе, легли в основу текста третьего тома «Очерков истории СССР», освещающего начальные этапы складывания древнерусского государства. На страницах этого издания Александр Невский именуется исключительно как «наш великий предок», «талантливый полководец», политик, начавший борьбу за выход к Балтийскому морю [3, с. 844–845]. Противостоит князю «пронемецкая группировка среди псковских бояр» [3, с. 845], ввергшая собственный народ в «ярмо немецкого феодального рабства» [3, с. 846].

Получает свое окончательное оформление и тема союза Александра с татарами, созданного для того, чтобы «поддерживать отношения с ханами Золотой орды, объединяя при этом все русские земли... и оказать решительный вооруженный отпор крестоносным захватчикам» [3, с. 863]. Этим планам противостоят дипломатические ухищрения римской курии [3, с. 866–867], русские князья, в числе которых и родной брат Андрей, непонимающие мудрости Александра [3, с. 867], боярская крамола новгородской знати [3, с. 869]. На страницах «Очерков...» складывается образ великого князя: воителя, дипломата, политического деятеля, основная заслуга которого в том, что он самоотверженно защищал Русь от врагов «и понимал решающую роль народа в этой защите» [3, с. 876].

Важнейшие положения, изложенные в «Очерках истории СССР», легли в основу дальнейших публикаций на эту тему, и прежде всего монографии В. Т. Пашуто «Героическая борьба русского народа за независимость в XIII веке» [8], вышедшей из печати в 1951 году, которая и задала стандарт в описании военно-политической ситуации на северо-западе Руси в начале XIII века. Оценивая роль Александра Невского, автор монографии решительно развивает вывод, сформировавший большинство последующих историографических суждений о месте князя в русской истории. «Князь Александр Ярославович, ведя

внешнюю политику, соответствующую интересам объединения Руси, сумел, опираясь на широкие слои служилых бояр и дворян, объединить в своих руках всю Северо-восточную и Северо-западную Русь. Эта политика оказалась настолько дальновидной, что... надолго легла в основу действий Ивана Калиты и его преемников на московском столе» [8, с. 212–213]. В том же году автор публикует уже научно-популярное сочинение «Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII веке» [6], где основные тезисы предыдущей публикации были практически дословно повторены.

Концепция отпора крестовому походу на Русь, сохранения выходов к Балтике находят свое отражение еще в одной работе В. Т. Пашуто «Внешняя политика Древней Руси» [7], вышедшей в свет в 1968 году. В 1974 году автор публикует в серии «Жизнь замечательных людей» работу, посвященную биографии Александра Невского [5], которая выдерживает пять переизданий. Под рукой исследователя как историческая, так и биографическая тема Александра Невского и его эпохи получила еще и художественное оформление. Можно утверждать, что авторитет В. Т. Пашуто как историка-медиевиста, его плодотворная работа над темой в течение тридцати лет сформировали историографическую традицию презентации образа князя Александра, что ввиду безальтернативности положений советской истории накрепко вписало созданный автором портрет Невского в эпоху первой половины XIII века. Кроме этого, в указанных работах ярко высветились черты сложившегося к 50–60-м годам советского патриотизма. Александр Невский и его военные и дипломатические инициативы рассматриваются в контексте вековой борьбы прибалтийских народов против угрозы, исходящей с Запада, а политика мирного сосуществования с Ордой создавала предпосылки для последующего объединения многочисленных восточных народов под эгидой русского государства. Получает свое обозначение и внутренняя идеологическая оппозиция, действующая в своих частных интересах и противостоящая сплочению общества. Тем самым тема многонационального советского патриотизма получила свою окончательную огранку. Оформилась органическая связь с советским интернационализмом, уважением к чаяниям других народов единого государства, бережным отношением к общему прошлому, признанием коллективного опыта, добытого в совместном историческом прошлом.

Подобная трактовка образа накрепко вписывает фигуру Александра Невского в концептуальные положения советской историографии, создавая на его примере одну из ярких картин подвига личности во имя великой цели. Тем самым реализуется духовно-патриотическая направленность воспитания, мысль о признании и сохранении великого духовного наследия России. Через верность героическому прошлому в лучших традициях его истории формируется

историко-патриотическое и государственно-патриотическое направление советской идеологии. Историческая рефлексия на вызовы середины XX века делает Александра Невского выдающимся воином, дипломатом и политиком. Формируется образ русского национального героя, защитившего Родину от посягательств Запада и мудро распорядившегося политическим потенциалом, предоставленным ему эпохой. Это и позволило вписать фигуру великого князя в комплексный процесс патриотического воспитания молодого поколения советских людей.

Литература:

1. Козаченко А. И. «Ледовое побоище» и Невская битва // Исторический журнал. 1937. № 3–4. С. 154–156.
2. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр., соч. М.: Изд-во политической литературы, 1973. Т. 24. С. 113–150.
3. Очерки истории СССР / Гл. ред. акад. Б. Д. Греков. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. Т. 3. 985 с.
4. Павленко П. А., Эйзенштейн С. М. Русь. Литературный сценарий // Знамя. 1937. № 12. С. 103–136.
5. Пашуто В. Т. Александр Невский. М.: «Молодая гвардия», 1995. 160 с.
6. Пашуто В. Т. Александр Невский и борьба русского народа за независимость. М.: Учебно-педагогическое издательство, 1951. 132 с.
7. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: «Наука», 1968. 473 с.
8. Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М.: Политическая литература, 1956. 279 с.
9. Пашуто В. Т. О политике папской курии на Руси (XIII век) // Вопросы истории. 1949. № 5 (май). С. 52–76.
10. Разин Е. А. История военного искусства. СПб.: Полигон, 2000. Т. 2. 653 с.
11. Тихомиров М. Н. Издевка над историей (о сценарии «Русь») // Историк-марксист. 1938. № 12 (67). С. 93–96.

УДК 930
ГРНТИ 03.09.23

**ИНСТИТУТ СЕМЬИ И ПРОБЛЕМА РАЗВОДА
В АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ**

И. А. Гвоздева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва

E-mail: innagvozdeva@mail.ru

В. О. Никишин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва

E-mail: cicero74@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу многовековой эволюции представлений о разводе в праве и повседневной жизни представителей античной средиземноморской цивилизации (разумеется, прежде всего речь идёт о греках и римлянах). В качестве источников авторы использовали данные античной традиции как из литературы, так и из области права. В процессе исследования были рассмотрены такие аспекты проблемы, как связь института брака в Античности с необходимостью поддерживать семейные и родовые культы, что требовало обеспечения преемственности в лице законных наследников; эволюция развода как правовой нормы от возникновения, когда он сопровождался не только моральным осуждением, но и множеством юридических ограничений, до финала, когда развод в греко-римском обществе стал настолько обыденным делом, что супругов совершенно перестали стеснять какие бы то ни было ограничения морального или правового характера; наконец, переход от практики развода языческой эпохи к реалиям раннехристианской цивилизации, когда за несколько столетий компромиссное отношение церкви к этой теме сменилось полным и категорическим неприятием.

Ключевые слова: брак *cum manu*, брак *sine manu*, развод, прелюбодеяние, семейный суд, приданое, домашние культы, семейно-брачное законодательство Августа.

INSTITUTE OF FAMILY AND THE PROBLEM OF DIVORCE IN ANCIENT TRADITION

Inna A. Gvozdeva

Lomonosov Moscow State University,
Moscow

E-mail: innagvozdeva@mail.ru

Vladimir O. Nikishin

Lomonosov Moscow State University,
Moscow

E-mail: cicero74@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the centuries-old evolution of ideas about divorce in the law and everyday life of the representatives of the ancient Mediterranean civilization (of course, we are primarily talking about the Greeks and Romans). As sources, the authors used data from the ancient tradition both in the field of literature and in the field of law. During the research, such aspects of the problem were considered as the direct connection of the institution of marriage in antiquity with the need to support family and ancestral cults, which made it necessary to acquire legal heirs and ensure continuity; the evolution of divorce as a legal norm from its origins, when it was accompanied not only by moral condemnation, but also by many legal restrictions, to the finale, when divorce in Greco-Roman society became so commonplace that spouses were completely no longer constrained by any restrictions of moral or legal nature; finally, the transition from the practice of divorce of the pagan era to the realities of early Christian civilization, when over several centuries the church's compromise attitude towards this topic was replaced by complete and categorical rejection.

Keywords: marriage cum manu, marriage sine manu, divorce, adultery, family court, dowry, domestic cults, family and marriage legislation of Augustus.

В античном полисном обществе гражданский коллектив всегда стоял на страже институтов семьи и брака по той простой причине, что продолжение рода имело сакральный смысл, поскольку было непосредственно связано с функционированием родовых и семейных культов. При этом ещё в архаические времена и в греческом, и в римском праве возникло понятие законного брака, в котором рождается законное потомство; лишь законный наследник мог совершать жертвоприношения богам-манам и другие положенные священнодействия

[17, с. 46 слл.]. Так, римская традиция относил разграничение понятий «законная жена» и «наложница» к эпохе легендарного царя Нумы Помпилия (Gell. IV. 3. 3). Уже тогда поведение наложницы (*paelex*) считалось порочным и подвергалось общественному порицанию (loc. cit. От законов Нумы Помпилия сохранились лишь незначительные отрывки: 9, с. 8 слл.). Отсутствие у главы семьи или рода законных наследников означало угрозу прекращения жертвоприношений и других культовых действий, являвшихся неотъемлемой прерогативой и священным долгом потомков по отношению к умершим предкам. Подобная ситуация не просто становилась трагедией для конкретной семьи или рода; косвенным образом она наносила вред всей общине, ибо небрежение домашними святынями крайне негативно сказывалось на формировавшихся веками общественных культах. Поэтому проблема продолжения рода в Античности напрямую касалась не только отдельных граждан, но и всего гражданского коллектива.

Так, в одной из речей афинского оратора IV в. до н. э. Исея читаем: «Ведь все перед предстоящей кончиной проявляют предусмотрительность относительно самих себя, чтобы не обезлюдить свой дом, но чтобы был кто-то, кто будет и приносить заупокойные жертвы, и совершать им установленные обряды, поэтому, даже если они скончаются бездетными, они, однако, оставляют после себя усыновлённых. И не только частным образом решают эти вопросы, но и государственным образом сообщество полиса так решило их: законом предписывает оно архонту заботу о домах, чтобы они не обезлюдели» (VII. 30. Пер. Г. А. Тароняна). В римской правовой традиции также существовал непреложный принцип: «частные священнодействия да пребудут вечно (*sacra privata perpetuo manento*)» (Cic. Leg. II. 9. Пер. В. О. Никишина. О том же см.: *ibid.* 19; 47). По сообщению Цицерона, понтифики на сей счёт постановили: «Священнодействия, дабы со смертью главы той или иной ветви рода память о них не уничтожалась, должны переходить к тем, кому после его смерти достанется имущество» (*ibid.* 48. Пер. В. О. Горенштейна). Насколько важна была судьба семейного культа, показывает сообщение Авла Геллия о том, что в ходе процедуры усыновления – аррогации – в калатных комициях (см.: [16, с. 167]) в обязательном порядке имел место акт отречения от семейных божеств (*detestatio sacrorum*), поскольку усыновлённый отныне принимал на себя обязанность отправлять семейный культ (*sacra privata*) своего приёмного отца (XV. 27. 3).

Таким образом, для всякого ответственного гражданина, грека или римлянина, исключительно важным был вопрос о наследнике, поскольку речь шла не только об имуществе, но и о священнодействиях, культе предков, семейных и родовых святынях. Недаром Эсхил в одном месте называет Ореста «спасителем рода царского» (Choeph. 235. Здесь и далее пер. С. К. Апта), а в другом характеризует его и Электру как «защитников отцовского родного очага»

(ibid. 263–264). В сложной ситуации, как уже было сказано, оказывались бездетные граждане, о чём свидетельствует пример афинянина Менекла, жившего в IV в. до н. э. Как говорит Исей, «спустя какое-то время Менекл начал размышлять, как бы ему положить конец своему бездетному положению и найти кого-то, кто позаботился бы о нём на склоне лет и похоронил бы его, когда он умрёт, а в дальнейшем совершил бы над ним все положенные по обычаю обряды» (II. 10. Пер. В. О. Никишина). Обзавестись законным наследником можно было лишь в законном браке: бастард (у греков – *vóthos*, у римлян – *spurius*) не мог быть законным наследником и, следовательно, не мог наследовать семейный культ. Если наследника не было в законном браке, его можно было усыновить. Например, афиняне при отсутствии сыновей нередко усыновляли кого-нибудь из кровных родственников – своих или жены (Isaeus. II. 10–12; XLI. 3). Усыновлённый становился законным наследником своего приёмного отца и после смерти последнего наследовал не только его движимое и недвижимое имущество, но и семейный культ. Если у приёмного отца была дочь, то усыновлённый, как правило, женился на ней (Isaeus. III. 12; XLI. 3). Вопросы, связанные с усыновлением (например, по завещанию: 25, р. 79–86, 160–168), были разработаны как в греческом (Isaeus. VII. 16; 30; Dem. XLIII. 51), так и в римском праве (Gai. Inst. I. 56; 67; 76; 97–107; II. 136–138; Gell. V. 19. 1–16).

В этой связи закономерно возникает тема безбрачия. В античном обществе оно не только порицалось (жизнь холостяка считалась ущербной: Plut. Quaest. Rom. 50), но и каралось по закону. К примеру, в Спарте холостяков наказывали поражением в правах (Plut. Lys. 15; Lys. 30; Pollux. III. 48). Аналогичные меры практиковались и в других греческих полисах (Pollux. III. 48). В Риме, как пишет Дионисий Галикарнасский, «старинный закон не только принуждал достигших соответствующего возраста вступать в брак, но и заставлял вскармливать всех родившихся детей» (Ant. Rom. IX. 22. 2. Пер. Н. Г. Майоровой). О том же говорит и Цицерон (Leg. III. 7). Дионисий приписывает Ромулу авторство следующего постановления: «Женщина, вступившая в брак по священному закону, разделяла с мужем обязанности в священнодействиях... Этот закон вынуждал замужних женщин жить, как бы не имея никакого другого выхода, не иначе как в браке, а мужьям – обладать жёнами как необходимой и неотчуждаемой собственностью. Соответственно, благоразумная и во всём повинующаяся супругу жена была наравне с мужем госпожой в доме, а после его смерти становилась наследницей части имущества, подобно дочери у отца. Если же он умирал бездетным и без завещания, жена становилась хозяйкой всего оставленного имущества, если же у них имелось потомство, она получала равную с детьми долю. А совершив прегрешение в чём-либо, она получала в его лице судью, который определял тяжесть наказания. И суд вершили родичи

вместе с мужем. К проступкам относились осквернение тела или если какую-нибудь женщину застанут выпившей вино, что у эллинов считалось наименьшим из прегрешений. И то и другое как крайние из женских преступлений Ромул согласился наказывать смертью, считая телесное осквернение началом безрассудства, а опьянение — пагубы. И в течение долгого времени оба эти проступка оставались у римлян предметом неумолимого гнева. Подтверждением же ревностного соблюдения закона о женщинах выступала сама долговременность его действия. Признано, что в течение пятисот двадцати лет в Риме не был расторгнут ни один брак» (Ant. Rom. II. 25. 2–7. Пер. И. Л. Маяк). Что касается последнего утверждения, то здесь Дионисий, без сомнения, ошибается [6, с. 173]. Тем не менее, как свидетельствует тот же Дионисий, в глазах римлян архаической эпохи второй брак сам по себе выглядел предосудительным (Ant. Rom. VIII. 56. 4. Ср.: Val. Max. II. 1. 3).

Безусловно, на деле норма, как всегда, расходилась с реальностью: «старинный закон», о котором упоминает Дионисий, по-видимому, нарушался, хотя речь идёт о том благословенном времени «бородачей», *barbati* (Cic. Mur. 26), когда «распутство было редкой диковиной, а не пороком» (*impudicitia monstrum erat, non vitium*: Hieronym. Contra Iovinian. I. 46. Пер. В. О. Никишина). О наказаниях, предусмотренных для холостяков, свидетельствует сообщение Валерия Максима, согласно которому в самом конце V в. до н. э. «цензоры Камилл и Постумий распорядились, чтобы те, кто до старости остался неженатым, в качестве штрафа внесли деньги в казну. И что они дважды достойны наказания, если только осмелились пожаловаться на столь справедливое распоряжение. Ведь их порицали в таком духе: “Природа предписывает вам закон не только рождаться, но и порождать. Растя вас, родители связали вас долгом воспитания внуков, если есть хоть какая-то совесть. Вдобавок к этому вы ещё получили от Фортуны длительную отсрочку в исполнении данной обязанности, а между тем ваши года растрчены, лишённые имени и мужа, и отца. Так что идите и заплатите оспариваемое пожертвование в пользу многочисленного потомства”» (II. 9. 1. Здесь и далее пер. А. М. Сморгкова). Можно предположить, что весьма распространённая в греческих полисах практика принуждения мужчин вступать в брак обусловила убеждение Дионисия в том, что и у римлян дела обстояли аналогичным образом. Как бы то ни было, создаётся впечатление, что римские писатели Поздней Республики и Ранней Империи относили начало нравственной деградации римского гражданского коллектива к рубежу III–II вв. до н. э. (Val. Max. IX. 1. 3; Plin. Nat. Hist. XVII. 244; Liv. XXXIV. 1. 2 – 8. 3; XXXIX. 8. 3 – 19. 7). Разумеется, пресловутое «падение нравов» не могло не сказаться на динамике прироста гражданского населения, так что уже в 131 г. до н. э. цензору Квинту Цецилию Метеллу Македонскому пришлось обратиться к согражданам

с речью о необходимости вступления в брак с целью обзавестись законным потомством (Liv. Per. 59; Suet. Aug. 89; Gell. I. 6. 1–8, где Метелл Македонский спутан с Метеллом Нумидийским).

Платон в «Пире» констатировал факт, что часть мужчин вообще не склонна к заключению брака, поскольку «природа не побуждает их жениться и производить детей; если бы не побуждал их к этому обычай, с них было бы достаточно жить друг с другом, оставаясь в безбрачии» (Plato. Symp. 192 b. Пер. С. А. Жебелёва) (о том, как виделись Платону отношения полов, см.: [18, с. 40 слл.]). Здесь важно отметить: в античном обществе брак заключался не для удовольствия, а ради обретения законного потомства, поэтому считалось, что в браке рассудительность должна преобладать над страстью, а чрезмерная чувственность и эмоциональность подвергались общественному порицанию (Hieronym. Contra Iovinian. I. 49; Plut. Coniug. praes. 29). О столь прагматичном подходе к браку, в частности, свидетельствуют такие выражения, как *ducere uxorem liberorum quaerendorum causa* (Gell. IV. 3. 2; Ulpian. Tit. III. 3) или *παίδων ἐπ' ἁρότα γυναικῶν* (Menander. fr. 185; Alciphron. I. 16; Aesch. Agam. 869–870; Plut. Sol. 20; Lyc. 15). Наконец, дети появлялись на свет не только для отправления родовых культов и почитания семейных святынь, но и для служения государству (*res publica*), отечеству (*patria*), гражданской общине (*civitas*).

К примеру, Цицерон в одной из «Веррин» порицает злостного коррупционера Корнелия Верреса за тот дурной пример, который он подавал собственному сыну своим распутным поведением на Сицилии: «В этом отношении, Веррес, ты сделал зло не только сыну, но и государству. Ты воспитывал своих детей не только для себя, но и для отечества (*susceperas... liberos non solum tibi, sed etiam patriae*), чтобы они могли не только радовать тебя, но быть со временем полезны и государству. Ты должен был воспитывать их в духе и нравах предков, а не в духе собственной испорченности и гадости; тогда у бесполезного, бесчестного и безнравственного отца мог бы быть деятельный, стыдливый и добрый сын, и государство могло бы быть хоть в некотором отношении обязано тебе. Теперь же ты вместо себя дал государству второго Верреса, может быть ещё худшего...» (Verr. II. 3. 161. Пер. В. А. Алексеева). Таким образом, заключение брака и создание семьи в Античности было делом общественной и государственной важности. Недаром у того же Авла Геллия мы читаем о том, что «государство не может быть здоровым без постоянного заключения браков (*civitatem salvam esse sine matrimoniorum frequentia non posse*)» (Gell. I. 6. 6. Пер. А. Б. Егорова). Соответственно, гражданская община была кровно заинтересована в прочности браков. Как писал Цицерон, «предки наши повелели, чтобы браки были прочны и нерушимы» (Rep. VI. 2. Пер. В. О. Горенштейна). Поэтому, чтобы развестись в архаическую эпоху, у мужа должна была быть

такая веская причина, которую сограждане сочли бы «справедливой» (Fest. s.v. Sonticum. P. 373).

Среди таких причин на первом месте стояло бесплодие. Поскольку брак заключался прежде всего с целью продолжения рода (Liv. I. 9. 14), в случае бесплодия жены уже обычное право предусматривало возможность и даже необходимость его расторжения. Так, Геродот упоминает о двух спартанских царях, которым пришлось развестись со своими жёнами из-за их бесплодия (Herodot. V. 39–41; VI. 61–63). Первым римлянином, который развёлся со своей женой по причине её бесплодия, в 234 г. до н. э. стал консул Спурий Карвилий Максим Руга (см.: [15, с. 45–46]). По сообщению Авла Геллия, «Сервий Сульпиций в книге, которую он назвал “О приданом”, написал, что гарантии относительно приданого впервые показались необходимыми тогда, когда знатный муж Спурий Карвилий по прозвищу Руга развёлся с женой, поскольку у неё из-за телесного изъяна не рождались дети... Передают также, что этот Карвилий сильно любил жену, с которой развёлся, и она была ему очень мила из-за её нрава, но святость клятвы он предпочёл душевной склонности и любви, поскольку был принуждён цензорами поклясться в том, что возьмёт себе жену ради рождения детей» (Gell. IV. 3. 2. Пер. А. Б. Егорова. См. также: Gell. XVII. 21. 44; Val. Max. II. 1. 4; Dionys. Ant. Rom. II. 25. 7; Plut. Rom. 35; Quaest. Rom. 14; 59). Если не жена, а муж был бесплоден, ради продолжения рода место мужа должен был занять его брат или какой-нибудь другой родственник, и жена не смела противиться этому; рождённый в результате ребёнок считался законным наследником бесплодного мужа и в дальнейшем мог отправлять семейный культ (Plut. Sol. 20; Lys. 15; Xen. Lac. pol. 1. 3–10). Бездетная вдова могла выйти замуж за ближайшего родственника покойного мужа. К примеру, у древних евреев был в обычае т. н. левиратный брак, т. е. брак между бездетной вдовой и братом её умершего мужа с целью продолжения рода; подобная практика описана в Библии (термин «левират» происходит от лат. *levir*, т. е. «деверь»).

Помимо бездетности, основанием для расторжения брака могло послужить аморальное поведение жены – например, употребление вина, которое в соответствии со старинным обычаем женщинам в Риме пить было вовсе запрещено (Gell. X. 23. 1–5; Serv. Ad Aen. I. 737; Cic. Rep. IV. 6; Val. Max. II. 1. 5; Dionys. Ant. Rom. II. 25. 6–7; Plin. Nat. Hist. XIV. 89–90; Polyb. VI. 2; Plut. Quaest. Rom. 6; Tert. Apol. VI. 4–6; Arnob. Ad. nat. II. 67. 3), совершённое преступление (например, убийство) или адюльтер. В последнем случае античное право отличалось исключительной суровостью. Так, в Афинах закон позволял обманутому мужу убить прелюбодея (Dem. XXIII. 53). В речи «Против Неэры» Демосфен цитирует закон, согласно которому гражданин, заставший жену с любовником и простивший её, подвергался атимии, т. е. поражению в правах, тогда как

прелюбодейке впредь запрещалось посещать публичные жертвоприношения под страхом тяжких кар, кроме смертной казни (LIX. 87). В архаическом Риме муж имел право прогнать неверную жену (Plut. Rom. 22; Plaut. Merc. 817–828). То же самое можно сказать и о более позднем времени: так, Лукулл и Катон Младший прогнали своих жён из-за их распутства (Plut. Cato Minor. 24). Здесь стоит отметить следующее: в том, что касается адюльтера, мужчина и женщина в правовом поле республиканского Рима заведомо находились в неравном положении, поскольку муж судил жену, словно цензор (Gell. X. 23. 4).

Возникает вопрос: имел ли право обманутый муж лично казнить прелюбодейку? Авл Геллий в «Аттических ночах» передаёт такие слова известного блюстителя *mores maiorum* («обычаев предков») и убеждённого традиционалиста, римлянина старой закалки Катона Старшего: *In adulterio uxorem tuam siprehendisses, sine iudicio impune necares: illa te, si adulterares sive tu adulterarere, digito non auderet contingere, neque ius est* («Если застанешь свою жену в прелюбодеянии, можешь без суда безнаказанно убить её. Она же тебя, прелюбодействуешь ли ты или позволяешь себя обольщать, пальцем пусть не смеет тронуть, и не имеет права») (X. 23. 5. Здесь и далее пер. А. П. Бехтер). Видимо, Катон выдавал желаемое за действительное: на самом деле муж не имел права убить на месте неверную жену. В «Дигестах» чётко и внятно сказано, что подобную расправу мог учинить лишь отец прелюбодейки, да и то лишь при наличии ряда условий. Во-первых, несчастная должна была состоять под его властью: «Отцу даётся право убить прелюбодея вместе с дочерью, которую он имеет под (своей) властью» (Dig. 48. 5. 21 (20). Здесь и далее пер. А. В. Щёголева). Таким образом, речь идёт исключительно о браке *sine manu*. Законодатель подчёркивает, что на момент совершения бессудной расправы дочь должна находиться под властью отца, а не мужа (Dig. 48. 5. 24. 1). Более того, отец лишался «права жизни и смерти» в отношении беспутной дочери, если сам он не был *persona sui iuris* (loc. cit. О том же см.: Dig. 48. 5. 22 (21)). Приёмный отец в этом случае имел такие же права, что и родной: Dig. 48. 5. 23 (22).

Во-вторых, отец не имел права покарать дочь смертью в том случае, если она на тот момент уже являлась вдовой (Dig. 48. 5. 23. 1). В-третьих, саму расправу можно было безнаказанно осуществить лишь в двух местах: либо в доме отца, либо в доме зятя (Dig. 48. 5. 23. 2; 48. 5. 24. 2). В таком случае родительское правосудие вершилось перед лицом поруганных пенатов и других домашних святынь, что, безусловно, имело символическое значение. О том, насколько это было важно, свидетельствует адресованный отцу запрет законодателя казнить дочь в том из своих домовладений, где он не проживает на постоянной основе (Dig. 48. 5. 24. 3). В-четвёртых, закон позволял отцу расправиться с виновниками адюльтера лишь в том случае, если он застигнет их на месте

преступления, что называется, с поличным, т. е. «схватит прелюбодея на дочери» (Dig. 48. 5. 24 (23)). Здесь римские законодатели апеллировали к авторитету прославленных афинских законодателей VII–VI вв. до н. э. Драконта и Солона (loc. cit.). В-пятых, казнь должна была совершиться на месте и немедленно, т. е. безо всяких отлагательств (Dig. 48. 5. 24. 4). В-шестых, чтобы остаться безнаказанным по закону, отец должен был убить обоих – и дочь, и её любовника (Dig. 48. 5. 33 (32)).

Что касается любовника, то его убивать было вовсе не обязательно: имевший безусловное право и, пожалуй, даже обязанный покарать свою беспутную дочь, оскорбившую семейные святыни и память предков, отец мог убить прелюбодея, а мог и пощадить его, нанеся ему любое на своё усмотрение оскорбление действием (Dig. 48. 5. 23. 3). Важно отметить следующее: обманутый муж не имел права убивать ни неверную жену, ни её любовника – здесь, правда, были исключения – на том основании, что, действуя в состоянии аффекта, он не смог бы принять взвешенное решение (Dig. 48. 5. 23. 4). Касательно упомянутых выше исключений: муж (подвластный или *persona sui iuris*, не имело значения) получал право убить любовника жены только в своём собственном доме непосредственно на месте преступления, причём лишь при условии, если виновный окажется рабом, вольноотпущенником (подчеркнём: членом *familia* мужа, жены либо их ближайших родственников) или гражданином, подвергнутым *infamia*, т. е. поражению в правах, включая двоеженцев, сводников, гладиаторов и актёров; после этого муж был обязан развестись с женой (Dig. 48. 5. 25 (24); 48. 5. 25. 1–2). Если прелюбодей оказывался патроном обманутого мужа, клиент не мог убить его безнаказанно (Dig. 48. 5. 39. 9). Напротив, если патрон заставлял своего клиента в объятиях неверной жены, он имел полное право его убить и не понести за это никакой ответственности (Dig. 48. 5. 43 (42)). В двух последних случаях законодатель, разумеется, не мог игнорировать принцип *fides* и *pietas* клиента по отношению к своему патрону.

При «хороших» императорах Антонине Пие (138–161 гг.) и Марке Аврелии (161–180 гг.) были изданы законы, в соответствии с которыми муж, убивший неверную жену в состоянии аффекта, освобождался от уголовного наказания (Dig. 48. 5. 39. 8). В своих умозаключениях на тему различных правовых нюансов, возникающих в связи с бессудной расправой над виновниками адюльтера, римские юристы пошли ещё дальше: «Сообразно с содержанием закона в отношении обоих (отца и мужа. – И. Г., В. Н.) спрашивается следующее: позволяется ли отцу убить магистрата? Также если дочь клеймена бесчестьем или жена вышла замуж вопреки законам, то обладают ли тем не менее отец или муж этим правом? И что, если отец или муж – сводник или запятнан каким-либо (другим) бесчестьем? И правильнее будет сказать, что право убить имеют те,

которые могут обвинять по праву отца или супруга» (Dig. 48. 5. 25. 3). Как бы то ни было, адюльтер не должен был остаться без последствий: с одной стороны, только муж решал, сохранится брак или нет; даже разведясь с женой, он мог передумать, простить изменницу и вновь вступить с ней в брак (Dig. 48. 5. 34. 1). С другой стороны, если обманутый муж не разводился с прелюбодейкой, он рисковал своей репутацией, поскольку его могли обвинить в сводничестве (Dig. 48. 5. 27 (26)). Кроме того, даже если муж отказался от обвинения жены в адюльтере, с таким обвинением мог выступить кто угодно из числа его сограждан (Dig. 48. 5. 27. 1). Проявлять великодушие и прощать неверную жену, равно как и отпускать без наказания прелюбодея, было себе дороже: «Закон наказал за сводничество мужа, который оставил у себя жену, застигнутую при совершении прелюбодеяния, и отпустил любовника: ведь он должен был также гневаться на жену, которая осквернила его брак. Но муж должен быть наказан в том случае, когда он не может оправдать своё неведение либо скрыть (свою) снисходительность под предлогом неверия. Ибо закон сказал так – “(кто) отпустил прелюбодея, застигнутого в доме” – потому, что он предписывал карать (такого) мужа, если он застиг (прелюбодея) непосредственно во время прелюбодеяния» (Dig. 48. 5. 30. 29. Ср.: Dig. 48. 5. 30. 3; 4).

Римским поборникам «обычаев предков» (*mores maiorum*), безусловно, хотелось думать, что власть мужа над женой беспредельна и он имеет полное право, что называется, «карать и миловать». Как говорил всё тот же Катон Старший, при разводе муж «судья жене вместо цензора, имеет фактически полную власть [над ней] (*vir, inquit, cum divortium fecit, mulieri iudex pro censore est, imperium, quod videtur, habet*)» (Gell. X. 23. 4). В этом вопросе, надо полагать, сходились во мнениях и римские, и греческие мужья. Так, в одной из комедий Плавта Лисимах, смешивая римские и греческие реалии, кричит: «Врагов я в доме нажил, пуще всех – жену. / Пойду на форум, Демифону там скажу – / Пусть от меня возьмёт её скорей, не то / Я за волосы вытащу на улицу» (Merc. 795–798. Пер. А. В. Артюшкова).

Однако не стоит полагать, что женщина в античном обществе по причине присущей ей «слабости пола» (*imbecillitas sexus*) (Dig. XVI. 1. 2. 2) всегда подвергалась сугубой дискриминации и была полностью лишена каких бы то ни было прав (о положении женщины в античном обществе см.: [7, с. 210 слл.]). Гиппарета, жена Алкивиада, устав от бесконечных измен мужа, который открыто сожительствовал с гетерами, бросила его и подала на развод (Plut. Alc. 8). Правда, когда Алкивиад силой вернул жену домой, никто из сограждан не осмелился вмешаться (loc. cit.); видимо, афиняне считали, что Алкивиад как супруг был в своём праве. Что касается римлян, то, как сообщает Плутарх, «Ромул издал также несколько законов, среди которых особой строгостью отличается

один, возбраняющий жене оставлять мужа, но дающий право мужу прогнать жену, уличённую в отравительстве, подмене детей или прелюбодеянии. Если же кто разведётся по какой-либо иной причине, того закон обязывает часть имущества отдать жене, а другую часть посвятить в дар Церере. А продавший жену должен быть принесён в жертву подземным богам» (Plut. Rom. 22. Пер. С. П. Маркиша). Что касается отравительства, то, по сведениям Тита Ливия, в 331 г. до н. э. в Риме гибель мужей от ядов, изготовленных их жёнами, приняла массовый характер (Liv. VIII. 18. 1–10. См. также: Val. Max. II. 5. 3; Aug. Civ. Dei. III. 17; Oros. Hist. III. 10. 2–3). Наказание за неправомерный развод лёгким не назовёшь: как мы видели, муж в этом случае должен был поплатиться половиной своего имущества в пользу бывшей супруги; Впрочем, неизвестно ни одного случая применения этой нормы на деле [6, с. 154]. Наконец, сюжет продажи жены оказался на редкость живучим в европейской традиции: так, в Англии с конца XVII в. вплоть до начала XX в. существовала практика продажи жён с публичных торгов [29, р. 404–466]. В то время как в Европе эпохи Просвещения женщины были лишены многих гражданских и политических прав, в Древнем Риме мать передавала свои гражданские права сыну, даже если он был бастардом – к примеру, сыном раба (CIL VI. 12776).

По сообщению Дионисия Галикарнасского, в самом начале V в. до н. э. сенат постановил, что «римлянки, состоящие в браке с латинами, или латинки, состоящие в браке с римлянами, будут в зависимости от своего желания самостоятельно решать, остаться ли со своими мужьями или вернуться на родину», после чего «почти все римлянки, проживавшие в латинских городах, оставили своих мужей и вернулись к отцам, и все латинки, состоявшие в браке с римлянами, за исключением двух, остались с мужьями» (Ant. Rom. VI. 1. 2–3. Пер. А. В. Щёголева). Когда Гай Титиний, разводясь с Фаннией, обвинил последнюю в прелюбодеянии, чтобы прибрать к рукам её приданое, римское правосудие в лице претора Гая Мария встало на сторону женщины, несмотря на сомнительную репутацию Фаннии, ибо корыстолюбие Титиния в этой истории было уж слишком очевидно для всех (Val. Max. VIII. 2. 3; Plut. Mar. 38). Жена – *mater familias*, οἰκοδέσποινις – была хранительницей домашнего очага (Cato. De agricultura. 143. 2), а также принимала участие в обрядах и таинствах (Dionys. Ant. Rom. II. 22. 1–2). Без жены домашний культ не мог считаться полноценным, поэтому для грека большим несчастьем была ситуация, когда «очаг остаётся без жены» (Хен. Лас. рол. 9. 5. Пер. Л. Г. Печатновой). Фламин Юпитера, овдовев, был обязан сложить с себя свои обязанности (Plut. Quaest. Rom. 50; Gell. X. 15. 22); развестись он не имел права, ведь его жена была жрицей – фламиникой (Fest. s.v. Flammeo. P. 79; Gell. X. 15. 23).

С одной стороны, римская женщина с древнейших времён находилась под властью отца, мужа или брата (Liv. XXXIV. 2. 11), поэтому, чтобы совершить какое-либо юридическое действие, ей было необходимо заручиться согласием опекуна (Cic. Mur. 27; Liv. XXXIX. 9. 7. Ср.: Ulpian. Tit. XI. 1). С другой – в эпоху Империи ситуация в этом плане существенно изменилась. Так, у Гая читаем: «Состояние же под опекой совершеннолетних женщин едва ли может быть подкреплено каким-либо веским основанием; ведь то, что обычно выдвигается – что они из-за легкомыслия зачастую подвергаются обману и потому было бы правильно, чтобы они управлялись решением опекунов, представляется скорее надуманным, чем верным: ведь женщины, достигшие зрелого возраста, сами заключают сделки в своих интересах, и в некоторых случаях опекун даёт своё одобрение лишь для виду; нередко же претор принуждает его дать одобрение, даже вопреки его воле» (Inst. I. 190. Пер. А. В. Марея).

В Риме право на развод было зафиксировано уже в Законах Двенадцати таблиц (Leg. XII tab. IV. 3). Насколько нам известно благодаря одному упоминанию у Цицерона, муж, пожелав расстаться с женой, просто изгонял её из дома, отобрав у неё ключи (loc. cit. См.: Cic. Phil. II. 69). Однако это было не всё: во-первых, своё решение муж был обязан подкрепить вердиктом домашнего совещания в кругу родственников и друзей; во-вторых, далее должен был последовать ряд действий религиозного и юридического характера (см. ниже). Наиболее ранний римский развод Дионисий Галикарнасский отнёс к 234 г. до н. э., Валерий Максим – к 306 г. до н. э.: «Ведь они (цензоры Марк Валерий Максим и Гай Юний Брут Бубульк, его прозвище означает «Волопас». – И. Г., В. Н.) исключили из сената Луция Антония за то, что он, не пригласив никого из друзей на совет (*nullo amicorum in consilio adhibito*), развёлся с той, которую девушкой взял в жёны» (Val. Max. II. 9. 2). Примечательно, что, согласно древнему обычаю, муж, прежде чем дать жене развод, был обязан созвать на совет друзей (*amici*) (loc. cit.) и / или близких родственников (*propinqui, necessarii, cognati*) (Dionys. Ant. Rom. II. 25. 6; Val. Max. VI. 1. 1; 3. 8; Liv. XXXIX. 18. 6; Tac. Ann. XIII. 32. 4; Suet. Tib. 35. 1). Участие друзей в разрешении внутрисемейных конфликтов (включая имущественные споры) засвидетельствовано и у греков (Dem. XLI. 1), и у римлян (Plut. Aem. Paul. 5). По решению семейного суда (*iudicium domesticum*) жену, подозреваемую в каких-либо неблагоприятных поступках, могли либо оправдать, как это было в случае с Помпонией Грециной, женой полководца Авла Плавтия (её, правда, обвиняли не в супружеской измене, а в приверженности какому-то «чужеземному суеверию», *superstitionis externae*: Tac. Ann. XIII. 32. 3–4), либо изгнать с позором и бесчестьем из дома, а то и казнить (loc. cit.). Чаще всего прелюбодеек в Риме «по примеру предков» (*exemplo maiorum*), как пишет Тацит, наказывали изгнанием (Ann. II. 50. 4–5).

См.: Liv. XXV. 2. 9) или штрафом (Liv. X. 31. 9). Кроме того, прелюбодейки осуждались на безбрачие (Dig. 48. 5. 30. 1).

Кстати сказать, прелюбодеи тоже не щадили; известны случаи, когда одного римского гражданина осудили лишь за преступное намерение (Val. Max. VI. 1. 8), а другого пытались осудить без достаточных на то оснований (Liv. VIII. 22. 2–4; Val. Max. VIII. 1. 7). Что же касается *iudicium domesticum*, то, как считал Л. Н. Казанцев, «собирает домашнее судилище муж и он же, по видимому, играет в нём главную роль; но неверно, что он один и решает вопрос, поставленный на обсуждение этого судилища; напротив, все члены его имели решающий, а не совещательный только голос» [6, с. 149]. В 153 г. до н. э. семейные суды приговорили к смерти Публицию и Лицинию, обвинённых в отравлении своих мужей (Val. Max. VI. 3. 8). Развод Луция Антония, который не стал советоваться ни с кем, обернулся скандалом и навлёк на Антония общественное порицание, чего нельзя сказать о разводе Карвилия Руги, последовавшем спустя несколько десятилетий. Таким образом, на протяжении нескольких веков римской истории развод оставался сугубо семейным делом, куда публичная власть старалась не вмешиваться; именно поэтому и в праве не были разработаны чёткие и внятные основания для развода. К концу республиканской эпохи, видимо, роль семейного суда в этом деле постепенно сошла на нет, и в скором времени публичная власть в лице принцепса и сената не вполне решительно, но всё же вмешалась в область семейных отношений римских граждан (имеется в виду семейно-брачное законодательство Августа, 18 г. до н. э. и 9 г. н. э.).

Важно отметить следующий правовой нюанс: когда в римском республиканском обществе заходила речь о расторжении брака, имело огромное значение то, каким образом был заключён этот брак. С незапамятных времён законный брак (*matrimonium iustum*) в Риме заключался *cum manu*, когда жена попадала под власть мужа и *de iure* занимала место дочери – *filiae locum obtinet* (Gai. Inst. I. 111). Находясь под властью мужа, она была лишена имущественных прав, а её приданое (*dos*) поступало в распоряжение мужа (Cic. Top. IV. 23; Gai. Inst. II. 98; III. 83; Serv. Ad Georg. I. 31). Разумеется, в случае развода приданое оставалось у него. Брак *cum manu* можно было заключить тремя способами: *confarreatio*, *coemptio*, *usus* (Gai. Inst. I. 111–113). В таком браке развод в общепринятом смысле слова был невозможен: прекратить брак *cum manu* можно было лишь по воле мужа и с соблюдением надлежащих религиозных и юридических процедур [5, с. 66]. Например, если брак был заключён посредством *confarreatio*, т. е. с совершением всех положенных в таком случае обрядов, ауспий и жертвоприношений (Cic. Div. I. 28; Val. Max. II. 1. 1), то в соответствии с древним правовым принципом *omnia quae iure contrahuntur, contrario iure pereunt* (Dig. 50. 17. 100) для его расторжения требовалось провести

процедуру *diffarreatio* (Fest. s.v. Diffareatio. P. 65). Кроме того, следовало осуществить реманципацию (*remancipatio*), чтобы вывести жену из-под власти мужа (Gai. Inst. I. 115; 118 a; 137). «*Remancipatio* совершалась посредством манципации жены мужем какому-нибудь другому лицу и *manumissio* со стороны этого последнего» [6, с. 158].

С течением времени подобные ситуации случались всё реже из-за распространения брака *sine manu*, т. е. без перехода жены под власть мужа (при этом муж всё равно руководил женой: Cic. Rep. VI. 2). Уже Законы Двенадцати таблиц предусматривали для женщины возможность избежать установления *manus* посредством *usus*, удалившись из дома мужа на три ночи – т. н. *usurpatio trinoctio* (Leg. XII tab. VI. 4). На каком-то этапе (когда точно, неизвестно; возможно, в V в. до н. э.) брак *sine manu* был признан римским правом в качестве *matrimonium iustum*. Как писал И. А. Покровский, «появление брака *sine manu* не уничтожило сразу брака *cum manu*; как мы уже видели много раз в истории римского права, и здесь новая форма сначала стоит только рядом со старой и лишь постепенно выступает на первый план, побеждая старую своей внутренней силой. Долгое время оба вида брака существуют рядом, но уже во второй половине республики брак *sine manu* делается преобладающим. Старые формы установления *manus* постепенно вымирают» [13, с. 452]. Брак *sine manu* расторгался по инициативе мужа или жены либо по взаимному согласию супругов, при этом совет друзей и семейный суд постепенно утратили своё прежнее значение. Л. Н. Казанцев полагал, что такая практика сложилась в Риме уже во 2-й пол. III в. до н. э. [6, с. 198]. С тех пор лишь отцы, под властью которых находились муж и/или жена, могли вмешаться и расторгнуть благополучный брак по собственному произволу; положить этому конец в середине II в. попытался император Антонин Пий (Paul. Sent. V. 6. 15).

Как свидетельствуют источники, во II в. до н. э. представители римской правящей элиты разводились, когда хотели, без особых на то причин (*sine causa*). Вот что пишет Плутарх в биографии Эмилия Павла, прославленного полководца, победителя македонского царя Персея и отца Сципиона Эмилиана: «Женат он был на Папирии, дочери бывшего консула Мазона, но после многих лет брака развёлся, хотя супруга родила ему замечательных детей – знаменитого Сципиона и Фабия Максима. Причина развода нам неизвестна...» (Aem. Paul. 5. Пер. С. П. Маркиша). Характерно, что все аргументы друзей в пользу сохранения брака Эмилий Павел решительно отверг как несостоятельные (loc. cit.). В «Наставлении супругам» Плутарх привёл такой анекдот: «Римлянин, которого друзья упрекали за то, что он развёлся с целомудренной, богатой и красивой женой, выставил вперёд ногу и сказал им: “На вид этот башмак тоже красив и ничуть не изношен, но никто не знает, где он мне

жмёт!»» (Coniug. praes. 22. Пер. Э. Г. Юнца). Как следствие, «развод превратился в средство избавиться от надоевшей жены; причины, которые приводились как основание для развода, смехотворны: у одного жена вышла на улицу с непокрытой головой; у другого жена остановилась поговорить с отпущенницей, о которой шла дурная слава; у третьего пошла в цирк, не спросив мужнего разрешения» [14, с. 197]; см. также: [30, р. 446–458]. Все перечисленные примеры взяты у Валерия Максима: «Гай Сульпиций Галл развёлся с женой, узнав, что она находилась вне дома с непокрытой головой» (VI. 3. 10). «Квинт Антистий Вет дал жене развод за то, что увидел, как на публике она беседует наедине с какой-то общедоступной вольноотпущенницей» (ibid. 11). «Публий Семпроний Соф, который навлёк на супругу позор развода только за то, что она осмелилась смотреть игры без его ведома» (ibid. 12. Ср.: Plut. Quaest. Rom. 14).

Марк Туллий Цицерон тоже не был образцом в плане семейных отношений. Как пишет Плутарх в биографии оратора, «во-первых, он развёлся со своей супругою Теренцией за то, что в войну она не проявляла ни малейшей заботы о муже. Он и покинул Италию без всяких средств, и, вернувшись, не встретил радушного приёма: сама Теренция вообще не приехала в Брундизий, где Цицерон прожил долгое время, а когда в такой дальний путь пустилась, несмотря на молодость, их дочь, не дала ей в достаточном количестве ни провожатых, ни денег на расходы, мало того — она совершенно опустошила дом в Риме, задолжав многим и помногу. Таковы самые благовидные причины этого развода. Теренция, впрочем, решительно их отвергала, а Цицерон ещё и подкрепил её оправдания скорой женитьбою на юной девушке. Теренция распускала слух, будто он просто-напросто влюбился в девчонку, но вольноотпущенник Цицерона Тирон пишет, что он хотел развязаться с долгами. Невеста была очень богата, а Цицерон управлял её имуществом на правах доверенного сонаследника; между тем он совершенно погряз в долгах, и тогда друзья вместе с родичами уговорили его жениться, — вопреки громадной разнице в возрасте, — и, воспользовавшись состоянием молодой женщины, покончить с жалобами заимодавцев. Об этом браке упоминает Антоний в своих возражениях на “Филиппики”. Он говорит, что Цицерон выгнал жену, подле которой состарился, и заодно едко высмеивает его домоседство — домоседство бездельника и труса, как он утверждает» (Cic. 41. Пер. С. П. Маркиша. О женитьбе Цицерона на Публилии см.: [4, с. 392–393]).

Так дело обстояло с разводами по инициативе мужа. О первом известном нам беспричинном разводе по инициативе жены в письме, датированном 50 г. до н. э., сообщает тот же Цицерон: «Павла Валерия, сестра Триария, без причины расторгла брак в тот день, когда муж должен был приехать из провинции. Она собирается выйти за Децима Брута; украшения она отослала» (Fam. VIII. 7. 2.

Пер. В. О. Горенштейна). Скорее всего, подобные случаи имели место и ранее. Всё это оказалось возможным благодаря изменениям в правовом поле, согласно которым жена «считается находящейся в мужней власти только в том, что относится к священным делам, а в том, что относится к прочим обстоятельствам, занимает такое же положение, как если бы в мужнюю власть не переходила. <Те же женщины, которые переходят в мужнюю власть посредством коэмпции,> освобождаются от родительской власти; не имеет значения, будут они в мужней власти у своего мужа или у постороннего, хотя только те занимают место дочери, которые находятся в мужней власти у мужа». И далее: такие матроны «перестают находиться в мужней власти и, если из этой манципации будут отпущены на свободу, оказываются самовластными». Наконец, итог: жена, ставшая *persona sui iuris*, «заявив о разводе, так же может принудить мужа, как если бы никогда не выходила за него замуж» (Gai. Inst. I. 136–137. Пер. М. В. Дурново). Получается, что жена в браке *sit tui* могла принудить мужа к *remancipatio*, послав ему разводное письмо [6, с. 202]. Таким образом, во времена Цицерона по большому счёту уже не имело значения, в какой форме был заключён брак, *sit tui* или *sine tui*: инициировать развод теперь могли оба супруга.

То, что порой вытворяли некоторые экстравагантные матроны, красочно описал всё тот же Цицерон в речи, произнесённой в 66 г. до н. э. и посвящённой защите Авла Клуенция Габита, чья сестра некогда вышла замуж за своего двоюродного брата Авла Аврия Мелина: «Это был весьма достойный брачный союз, и молодые жили в полном согласии. Но вот в одной распущенной женщине вдруг вспыхнула нечестивая страсть, которая не только навлекла на семью позор, но и привела к злодеянию. Ибо Сассия, мать этого вот Габита, да, мать... Итак, мать Габита, воспылав незаконной любовью к своему зятю, молодому Мелину, вначале, хотя и недолго, пыталась бороться с этой страстью, как только могла; но затем безумие так охватило её, так разбушевалось в ней пламя похоти, что ни совесть, ни стыдливость, ни долг матери, ни позор, грозящий семье, ни дурная молва, ни горе сына, ни отчаяние дочери – ничто не могло заглушить в ней её страсть. Она опутала неопытного и ещё не окрепшего духом юношу, пустив в ход все средства, которыми можно завлечь и прельстить человека его возраста. Её дочь не только была оскорблена, как бывает оскорблена каждая женщина подобным проступком мужа, но и не могла стерпеть нечестивого прелюбодеяния матери; даже жаловаться на это она сочла бы преступлением и хотела, чтобы никто не знал о её страшном несчастье; только на груди у нежно любящего брата она терзала себя, давая волю слезам. И вот происходит страшный развод; казалось, он принесёт избавление от всех бед. Клуенция оставляет дом Мелина; после таких тяжких оскорблений она делает это не против

своей воли, но расстаётся с мужем без радости. Тут уже эта мать, редкостная и достойная, стала открыто ликовать и справлять триумф, одержав победу над дочерью, но не над похотью. Она захотела положить конец всем глухим толкам, порочащим её имя; то самое брачное ложе, которое она два года назад постлала, выдавая замуж свою дочь, она велела приготовить и постлать для себя в том самом доме, откуда она выжила и выгнала свою дочь. И вот, в брак с зятем вступила тёща, без авспиций, без поручителей, при зловещих предзнаменованиях. О, преступление женщины, невероятное и никогда не слыханное на земле, кроме этого случая! О, разнузданная и неукротимая похоть! О, единственная в своём роде наглость! Неужели она не побоялась – если не гнева богов и людской молвы, то хотя бы той самой брачной ночи и её факелов, порога спальни, ложа своей дочери, наконец, самих стен, свидетельниц первого брака? Нет, она своей бешеной страстью разбила и опрокинула все преграды. Над совестью восторжествовала похоть, над страхом – преступная дерзость, над рассудком – безумие» (Cluent. 12–15. Здесь и далее пер. В. О. Горенштейна).

Под стать женщинам были и мужчины: задумавший жениться на Сассии, вернее, на её деньгах, Стаций Аббий Оппианик, по словам Цицерона, «собственноручно подделал официальные списки своего муниципия; переделал чужое завещание; с помощью подставного лица велел скрепить печатями подложное завещание, а того человека, от чьего имени оно было составлено, велел убить; своего шурина, бывшего в рабстве и в оковах, умертвил; своих земляков внёс в проскрипционные списки и казнил; на вдове убитого им человека женился; деньгами склонил женщину к вытравлению плода; умертвил и свою тещу, и своих жён, и жену своего брата вместе с ожидаемым ребёнком, а также самого брата и, наконец, своих собственных детей; был захвачен с поличным при попытке отравить своего пасынка; будучи привлечён к суду, после осуждения своих помощников и сообщников, дал деньги судье для подкупа других судей» (ibid. 125).

Оппианик был осуждён (ibid. 76), лишён гражданских прав, удален в изгнание и вскоре скоростижно умер (ibid. 169–175). Тогда его вдова, Сассия, решила обвинить в отравлении мужа собственного сына, Авла Клуенция Габита. Стремясь заручиться хоть какими-то уликами против сына, Сассия приказала жестоко пытать домашних рабов, но ничего этим не добилась (ibid. 176–177). Тема об отравлении вновь возникла спустя три года. По наущению Сассии в суд на Габита подал её пасынок, Оппианик Младший, женатый на дочери своей мачехи от брака с её собственным зятем, которого убил Оппианик Старший, причём и в этот раз Сассия пустила в ход все доступные ей средства: пытки рабов, подкуп свидетелей, подложные документы и даже магические обряды, лишь бы погубить ненавистного сына (ibid. 190–194). Несчастливого Габита

с блеском защищал Цицерон, добившийся оправдания своего подзащитного. Несомненно, неизгладимое впечатление на судей произвели такие слова оратора, произнесённые им в самом финале: «Вы видите её, ослеплённую жестокостью и преступностью, неспособную, потворствуя своим страстям, остановиться ни перед каким гнусным поступком, её, которая своей порочностью извратила все понятия о человеческом правосудии; ведь она настолько безумна, что никто не станет называть её человеком, настолько необузданна, что её нельзя назвать женщиной, и столь жестока, что матерью её тоже не назовёшь. Даже названия родственных отношений она исказила, не говоря уже о названиях и правах, данных ей природой: женой она стала зятю, мачехой – сыну, дочери – разлучницей; наконец, она дошла до того, что, кроме своей наружности, не сохранила никакого подобия человека» (ibid. 199). Дальнейшая судьба злощастной Сассии неизвестна.

В браке *sine manu* каждый из супругов оставался при своём имуществе, которое отнюдь не сливалось в единый массив, поэтому жена, если она была *persona sui iuris*, имела право распоряжаться приданым (*dos*) по своему усмотрению; если она находилась под властью отца, приданое принадлежало ей и отцу одновременно (Dig. 24. 3. 2. 1). Напротив, права мужа в этом плане были ограничены. К примеру, если бы ему вздумалось продать участок земли, входивший в состав приданого, он не смог бы этого сделать без согласия жены. И это несмотря на то, что по закону означенный участок находился в его собственности! (Gai. Inst. II. 63). В случае развода отец имел право истребовать приданое (*actio rei uxoriae*), заручившись согласием дочери (Dig. 24. 3. 2. 2). Так или иначе, римское право гарантировало сохранность приданого, которое в случае развода муж был обязан вернуть (т. н. *restitutio dotis*: Dig. 24. 3. 1–2). Яркий тому пример – история с возвратом приданого Лицинии, вдовы Гая Гракха (Dig. XXIV. 3. 66). В эпоху Республики, как пишет Л. Н. Казанцев, «не было ещё установлено определённого размера вычета из приданого, и в каждом отдельном случае предоставлялось определить этот размер разбиравшему дело судье. Точно так же не было ещё установленных сроков для возвращения приданого жене, какие были в классическом праве» [6, с. 218–219]. В классическом праве сроки были такими: «Нарушение добрых нравов мужем карается в отношении приданого так, что он должен вернуть его за год, причём в случае более серьёзного нарушения он должен отдать его сразу, при менее серьёзном – за шесть месяцев. Относительно того приданого, которое возвращается сразу, он должен столько вернуть из дохода, сколько вносится при возвращении приданого, выплачиваемого в течение трёх лет» (Ulpian. Tit. VI. 13. Здесь и далее пер. Е. М. Штаерман). В 45 г. до н. э. Цицерону пришлось взыскивать со своего бывшего зятя Публия Корнелия Долабеллы приданое дочери по частям

(Fam. VI. 18. 5). Оратор сообщает о первом взносе, который должны были уплатить прокураторы Долабеллы (loc. cit.). Следовательно, существовала какая-то договорённость о сроках возврата приданого.

Из письма Луция Сергия Катилины Квинту Лутацию Катулу следует, что жена погрязшего в долгах Катилины, Аврелия Орестилла, «из средств собственных и дочери» (*suis filiaeque copiis*) легко могла бы уплатить все долги своего беспутного мужа (Sall. Cat. 35. 3. Пер. В. О. Горенштейна). Между тем приданое могло быть не только «отцовским», но и «привнесённым» (Ulpian. Tit. VI. 3), когда в судьбе невесты принимал деятельное участие состоятельный и щедрый друг семьи, такой как Плиний Младший, подаривший дочери Квинтилиана перед свадьбой 50 тыс. сестерциев (Plin. Ep. VI. 32. 1–2). В результате развода «по-хорошему» жена, уходя, забирала с собой своё имущество, включая приданое (Dig. 24. 3. 2). В таких случаях муж говорил жене: «Забирай с собой своё добро» (*tuas res tibi habeto*) (Plaut. Trin. 267. Здесь и далее пер. В. О. Никишина), «прощай, забирай своё, а мне моё верни» (*valeas, tibi habeas res tuas, reddas meas*) (Plaut. Amph. 928. Ср.: Mart. X. 51. 16; Dig. 24. 2. 2. 1). После развода по вине жены часть приданого выделялась для обеспечения интересов их общих детей из расчёта одной шестой на каждого, но в целом не более трёх частей, т. е. $\frac{1}{2}$ от всего массива приданого (Ulpian. Tit. VI. 10). Так, в результате развода Цицерона с Теренцией принадлежавшие ей доходные дома на Авентине и Аргилете стали залогом безбедного существования их сына, Марка Туллия Цицерона-младшего (Cic. Att. XII. 32. 2; XV. 17. 1; 20. 4). Если брак расторгался по вине мужа, никаких средств на содержание детей жена не была обязана выделять, даже когда она сама инициировала развод (Cic. Top. IV. 19). Удержать часть приданого (т. н. *retentiones* как результат *actio de moribus*) муж мог лишь в том случае, если развод происходил по вине жены: «Из-за (дурных) нравов в более серьёзных случаях удерживается шестая часть (приданого), в более лёгких – восьмая. Более тяжёлый случай – прелюбодеяние; более лёгкие – все остальные» (Ulpian. Tit. VI. 12. Ср.: Plin. Nat. Hist. XIV. 90). Разумеется, на этой шаткой почве имели место и явные злоупотребления со стороны недобросовестных людей (Val. Max. VIII. 2. 3; Plut. Mar. 38). При взаимных финансовых претензиях супругов друг к другу имел место взаимозачёт (т. н. *compensatio*: Dig. 24. 3. 39). Случаи, когда супруги полностью доверяли друг другу и владели имуществом совместно, встречались в повседневной жизни сравнительно редко и были предметом искреннего восхищения современников (Mart. IV. 75).

Сулла, Цезарь, Помпей, Цицерон, Антоний, Октавиан Август... Они женились, разводились, снова женились и снова разводились. Мотивы были самые разные: политические, карьерные, финансовые и даже соображения перестраховки. Так, Марк Пупий Пизон, женившийся на Аннии, вдове погибшего

в 84 г. до н. э. лидера марианцев Луция Корнелия Цинны, после того, как Сулла победил в гражданской войне и стал диктатором (82 г. до н. э.), поспешил с Аннией развестись. Как пишет А. В. Короленков, «никаких выгод, насколько можно судить, Пизон от развода не имел... и остаётся предполагать, что Пизон оставил Аннию не ради каких-то благ, а просто во избежание возможных неприятностей» [8, с. 74]. Когда в 81 г. до н. э. Сулла предложил Помпею жениться на своей падчерице Эмилии, тот согласился; заметим: на тот момент и Эмилия была замужем за Манием Ацилием Глабрионом (она даже успела забеременеть), и Помпей был женат. Тем не менее Сулла развёл Эмилию с Глабрионом, Помпей же бросил свою жену Антистию и женился на Эмилии, которая, впрочем, вскоре умерла родами (Plut. Pomp. 9; Sulla. 33). В том же 81 г. до н. э. во время устроенных Суллой Геркулесовых игр тяжело заболела его жена Метелла. Когда она лежала при смерти, всесильный диктатор из суеверных соображений решил с ней развестись. Как пишет Плутарх, «Сулла, которому жрецы не разрешали ни подходить к умирающей, ни осквернять свой дом похоронами (Сулла был понтификом, и это жреческое звание налагало на него определённые ограничения. – И. Г., В. Н.), написал Метелле разводное письмо и велел, пока она ещё жива, перенести её в другой дом. Так из суеверного страха Сулла неукоснительно исполнил всё предусмотренное обычаями» (Sulla. 35. Пер. В. М. Смирин). Не менее легко – посредством разводных писем – расстались с очередными своими жёнами Помпей и Цезарь: первый – с Муцией, под предлогом её супружеской неверности (Plut. Pomp. 42), второй – с Помпеей, используя как предлог для развода печально известный скандал на празднике Доброй Богини (Plut. Caes. 10). Как пишет Светоний, «когда Публий Клодий, обольститель его жены Помпеи, был по этому поводу привлечён к суду за оскорбление святынь, то Цезарь, вызванный свидетелем, заявил, что ему ничего не известно, хотя мать его Аврелия и сестра Юлия уже рассказали всю правду перед теми же судьями. А на вопрос, почему же он тогда развёлся с женою, он ответил: “Потому что мои близкие, как я полагаю, должны быть чисты не только от вины, но и от подозрений”» (Suet. Iul. 74. 2. Здесь и далее пер. М. Л. Гаспарова).

Странная история приключилась с правнуком Катона Старшего, Катонем Младшим, который «уступил» жену своему другу, известному оратору Квинту Гортензию Горталу, о чём подробно рассказывает Плутарх (Cato Minor. 25). Первой женой Катона была Атилия, с которой он развёлся из-за её скандального поведения (ibid. 24). В первом браке Катон имел двух детей. Второй раз он женился на Марции, которая родила ему троих детей. К ней-то и посватался Гортензий, мотивировав свой, мягко говоря, странный поступок следующим «логическим» доводом: «Она ещё достаточно молода, чтобы рожать, а у Катона

уже и так много детей» (ibid. 25. Здесь и далее пер. С. П. Маркиша). Таким образом, Гортензий попросил у человека, которого он считал своим другом, руки его жены! На первый взгляд, ситуация более чем странная. К тому же следует учесть, что Гортензию к тому времени уже исполнилось 58 лет, Марции же было около 30 [19, р. 295]. Как известно, Катон ответил согласием, проявив воистину стоическое великодушие.

Впрочем, согласия мужа было мало: потребовалось ещё и согласие отца, Филиппа (Plut. Cato Minor. 25). Власть и авторитет отца в то время оставались непоколебимы; как пишет Л. Н. Казанцев, «для отца в этих отношениях не было никакого ограничения, кроме *nota censoria*. *Iudicium domesticum* был создан не для него. Таким образом, отец, по-видимому, мог взять свою дочь обратно по любой причине или даже без причины» [6, с. 189]. Традиция сохранила примеры того, как отец своей рукой казнил собственную дочь, дабы спасти от бесчестия доброе имя семьи, и для этого ему не надо было совещаться ни с друзьями, ни с родственниками (Val. Max. VI. 1. 2–3; 6; Diod. XII. 24. 2–4; Cic. Rep. II. 63; Fin. II. 66; V. 64; Liv. III. 48. 5; Dionys. Ant. Rom. XI. 37. 5–6; Ps.-Quint. Declam. Maior. III. 11; Dig. I. 2. 2. 24; Aur. Vict. De vir. ill. 21. 2–3). Произвол отца в отношении дочери ограничивался лишь возможным порицанием цензора (*nota censoris*, или *nota censoria*), да и то лишь в том случае, если цензор находил в действиях отца что-либо безнравственное [6, с. 190]. В греческом праве наблюдалась схожая картина: в одной из речей Демосфена говорится о том, как некто Полиевкт сперва выдал свою дочь за усыновлённого им Леократа, а затем, поссорившись с Леократом, отнял у него упомянутую дочь, чтобы выдать её за другого (XLI. 3–4). Ситуация стала меняться в эпоху Империи: Адриан (117–138 гг.) постановил, что «отеческая власть должна основываться на родственной любви, а не на жестокости» (Dig. 48. 9. 5. Пер. А. В. Щёголева), а его преемник Антонин Пий настоятельно рекомендовал отцам не вмешиваться в благополучные браки своих детей (Dig. 43. 30. 1. 5). Упорству отца в этом вопросе императорское законодательство противостояло не менее твёрдо (Cod. Iust. 5. 4. 11; 5. 17. 5. 2; Dig. 37. 12. 5).

Итак, примерно в 56 г. до н. э. Гортензий взял в жёны Марцию (по мнению Т. А. Бобровниковой, она сама этого желала. См.: [1, с. 290–291]), которая вскоре родила ему сына. Гортензий, человек весьма состоятельный, сделал жену своей наследницей. В 50 г. до н. э. он умер, а в следующем году, когда началась гражданская война, Катон вновь женился на Марции (Plut. Cato Maior. 52). Констатируем факт: женился на богатой вдове! Цезарь в своём «Антикатоне», написанном весной 45 г. до н. э. в лагере возле Мунды, обвинил к тому времени уже покойного Катона в корыстолюбии. Плутарх отверг это обвинение, резонно

рассудив, что «корить Катона низкой алчностью – всё равно, что Геракла называть трусом» (loc. cit.).

Насколько уступка Катон своей жены Гортензию соответствовала римским законам и обычаям? Об этой истории, кроме Плутарха, впоследствии вспоминали Страбон (XI. 9. 1), Лукан (II. 326–391) и Аппиан (Bell. Civil. II. 99). Страбон пишет в этой связи о каком-то «древнем обычае римлян» (XI. 9. 1. Пер. Г. А. Стратановского). Что это за обычай? Как уже говорилось, Плутарх в биографии Ромула упоминает о трёх случаях, когда римлянин мог развестись с женой: если её уличили в отравительстве, подмене детей или прелюбодеянии (Plut. Rom. 22). Забавно, но факт: если злосчастный Спурий Карвилий Руга, имя которого римляне запомнили только из-за его нашумевшего развода, оставил жену под предлогом её бесплодия, то в случае с Катон и Марцией мотивация развода была прямо противоположной! В этой связи уместно привести сообщение Плутарха: «Римлянин, полагавший, что у него достаточно детей, мог, вняв просьбам того, у кого детей не было вовсе, уступить ему свою жену, обладая правом снова выдать её замуж, и даже неоднократно» (Numa. 25. Пер. С. П. Маркиша).

Таким образом, получается, что поступок Катона ничуть не противоречил римским законам и обычаям. Тот же Плутарх в биографии легендарного спартанского реформатора Ликурга пишет о введённом им брачном законодательстве, в соответствии с которым «если честному человеку приходилась по сердцу чужая жена, плодovitая и целомудренная, он мог попросить её у мужа, дабы, словно совершив посев в тучной почве, дать жизнь добрым детям, которые будут кровными родичами добрых граждан» (Plut. Lyc. 15. Пер. С. П. Маркиша). Следовательно, Катон, уступая жену Гортензию, осознанно или нет, шёл по пути древних спартанцев. Сам Плутарх, для которого Катон был во многих отношениях образцом для подражания, не понимает и не одобряет историю с разводом, полагая идеальными только такие отношения между супругами, которые отмечены взаимной любовью и верностью до гроба. В этом плане он считает идеальным пример Гая Лелия: тот, по его словам, «не знал иной женщины, кроме той, которую взял в жёны с самого начала» (Cato Minor. 7). Примечательно, что ещё около 60 г. до н. э., т. е. примерно за четыре года до сватовства Гортензия, с Катон пытался породниться Помпей: он сватался то ли к дочерям, то ли к племянницам Катона, намереваясь на одной из них жениться самому, а вторую выдать замуж за сына; однако Катон ему отказал (ibid. 30).

Интересно сравнить эти два эпизода. Во-первых, желание Помпея было более естественным, чем странное предложение Гортензия; брачный союз с Помпеями (отцом и сыном) был выгоднее и престижнее, чем брак Марции с пожилым оратором (пусть даже таким богатым и влиятельным, как Гортензий).

Тем не менее Катон «грубо и высокомерно» отказал Помпею и ответил согласием Гортензию [19, р. 297]. В чём же причина столь странного и даже, на первый взгляд, абсурдного поведения Катона? Объяснение мы находим как в мировоззрении, так и в психологическом складе личности «последнего республиканца». Дело в том, что Катон стоически относился к браку, считая главной обязанностью супругов рождение и воспитание здоровых детей в интересах и на благо общества. В этом случае стоицизм Катона совпал с его убеждениями римского патриота и традиционалиста [19, р. 298–300]. Например, Лукан в «Фарсалии» пишет: «Таковы и нрав, и ученье Катона: / Меру хранить, предел соблюдать, идти за природой, / Родине жизнь отдавать; себя неуклонно считал он / Не для себя одного, но для целого мира рождённым. / Пир его – голод смирить; чертога великолепье – / Крышу иметь над собой в непогоду; богатое платье – / Грубую тогу надеть по обычаю римских квиритов. / Да и в утехах любви лишь одно продолжение рода / Он признавал. Был он Риму отцом, был Риму супругом: / Общего блага борец; ни в единый поступок Катона / Не проникало вовек, чтобы тешить себя, сластолюбье» (II. 380–391. Пер. Л. Е. Остроумова). Любил ли Катон Марцию? Ответить на этот вопрос едва ли возможно, поскольку для стоика эмоции отступали на второй план перед чувством долга (греки называли это ἀλάθεια). Вместе с тем Катон был до крайности привязан к друзьям и чрезвычайно чувствителен (Plut. Cato Minor. 3). Развод с Марцией стал для него «добровольной жертвой» [19, р. 300]. Будучи стоиком, Катон не опасался своим вызывающе демонстративным поведением шокировать сограждан: к тому времени он давно уже привык не обращать внимания на «предрасудки» (δόξα), свойственные толпе.

В истории с инициированием скоропалительных разводов от римлян не отставали римлянки, особенно в эпоху Империи (Iuv. VI. 229–230; Mart. VI. 7; Sen. Ben. III. 16. 2; Tert. Apol. VI. 6). В самом деле, брак sine manu расторгнуть было легко, и свободу разводов ничто не ограничивало. Развод по инициативе одного из супругов обозначался словом *repudium* в сочетании с глаголами *mittere*, *remittere*, *dicere*, *scribere*, *nuntiare*, *renuntiare*, вариант – *nuntium remittere*, досл. «послать извещение» (Fest. s.v. Repudium. P. 351). Латинские авторы использовали глаголы *exigere* и *ejicere* применительно к мужу, который изгонял жену из дома (греческий эквивалент – ἐκπέμπειν, ἐκβάλλειν), и *discedere* – по отношению к жене, которая оставляла мужа (греческий эквивалент – ἀπολείπειν). Процедура развода регулировалась посредством законодательных актов (Dig. 38. 11. 1. 1). Так, в соответствии с *lex Iulia de adulteriis* инициатор развода должен был в присутствии семи достойных свидетелей (не имело значения, лично или через посредника: Dig. 24. 2. 2. 3) объявить о своём желании прекратить брак и передать второму супругу уведомление о разводе (Dig. 24. 2. 9). Если

инициатор развода отправил разводное письмо (*libellus repudii*, *nuntium* или просто *repudium*: Suet. Tib. 11. 4; Cal. 36. 2), а затем вдруг передумал, судьба брака находилась в руках второго супруга, ибо в этом случае только он решал, сохранится брак или нет (Dig. 24. 2. 7).

Наконец, фиктивный развод, прекращавший столь же фиктивный брак, не имел законных материальных последствий (Dig. 24. 2. 5). Фиктивный брак, в частности, в конце республиканской эпохи помогал женщинам избавиться от необходимости обслуживать домашние культы (*sacra privata*). Как писал Цицерон, «предки наши повелели сохранять священнодействия неприкосновенными. Законоведы, в своей находчивости, с целью уничтожения священнодействий нашли стариков для коемпции» (Mur. 27. Пер. В. О. Горенштейна). Схема была такой: богатые римские дамы, желая избавиться от обязанности совершать наследственные обряды и жертвоприношения, заключали фиктивные браки со стариками, оставшимися без наследников, т. н. *senes coemptionatores* (подобные браки заключались путём *coemptio*, т. е. символической купли-продажи), в результате чего обязанность поддерживать культ переходила к мужу; последний, действуя, разумеется, по предварительному уговору, возвращал женщине свободу и состояние, сам же за определённое вознаграждение продолжал совершать обряды и жертвоприношения до самой своей смерти, когда они, в соответствии с обычаем, автоматически прекращались.

Развод по обоюдному согласию супругов (*sine ira*) назывался *divortium*. В «Дигестах» мы находим такую дефиницию Павла: *Divortium ex eo dictum est quod in diversas partes eunt, qui discedunt* («Понятие “развод” происходит оттого, что те, кто разводятся, расходятся в разные стороны») (Dig. 50. 16. 191. Пер. В. О. Никишина). Термин *divortium* появляется сравнительно поздно, а именно тогда, когда женщина в этой конфликтной ситуации приобретает право голоса наравне с мужчиной; так, слово *divortium* применительно к разводу употребляет Цицерон (De orat. III. 159). Развод без каких-либо штрафных санкций для супругов именовался *divortium bona gratia* (Dig. 24. 1. 32. 10). Его условия перечислены в «Дигестах» (Dig. 24. 1. 60. 1; 61; 62). Особыми условиями *divortium bona gratia* были безумие или ссылка одного из супругов (Dig. 24. 3. 22. 7; Cod. Iust. 5. 17. 1). Была и ещё одна правовая проблема: брак с гражданином, оказавшимся в плену. По мнению Л. Н. Казанцева, «жена пленного считается замужней постольку, поскольку не может безнаказанно выйти вторично замуж, но для возобновления брачного сожития по возвращении мужа из плена требуется её согласие. Это не вновь совершаемый брак, а продолжение брака приостановленного или не практиковавшегося. Такое неопределённое положение жена должна была терпеть 5 лет, а потом могла уже безнаказанно вступить в другое замужество» [6, с. 234]. Синонимом *divortium* был термин *discidium*

(оба существительных сочетались с глаголом *facere*). Со временем термины *repudium* и *divortium* стали взаимозаменяемыми (Dig. 50. 1. 101. 1). Впрочем, как отмечает тот же Л. Н. Казанцев, «русский термин “развод” не соответствует ни одному из терминов латинских; он указывает на участие в прекращении брака властей публичных, разводящих мужа и жену; римские термины, в особенности *repudium*, указывают на самовольные действия супругов или одного супруга, разрывающих брачный союз; власть публичная, по римскому праву, в совершении развода не участвует» [6, с. 139].

Растянувшаяся во времени агония сенатской Республики сопровождалась небывалым упадком нравственности (Тас. Ann. III. 28. 2). В области семейно-брачных отношений этот упадок проявился особенно наглядно, о чём свидетельствует римская поэзия той эпохи. Одним из наиболее одиозных в этом отношении поэтов был Овидий, позволявший себе довольно циничные высказывания на тему любви и верности. Так, в «Науке любви» Овидий, говоря о молодой женщине, которая недавно получила развод и тем самым обрела «свободу», употребляет юридический термин *vindicta* (Ars am. III. 615–616). Таким образом, замужнюю женщину поэт уподобляет рабыне, соответственно, придерживающийся суровых моральных норм муж уподобляется тюремщику. По сути дела, Овидий поощрял безнравственное поведение легкомысленных дам (Ars am. II. 538–590). В «Метаморфозах» звучит мысль о том, что на любовном фронте «можно всё» (*cuncta licere*), и это будто бы доказывает пример богов (Met. IX. 554–555). *Libertas* в любви у Овидия фактически означала то же самое, что и *licentia* [28, р. 50]. Так, одна из героинь Овидия, Библида, обезумев от страсти, бросила родину (*patria*), богов-пенатов (*penates*) и отправилась странствовать в поисках запретной любви (Met. IX. 639–640). Об очевидной нравственной деградации в современном ему обществе пишет Гораций (Carm. III. 6. 17–32). По словам поэта, «чего не портит пагубный бег времён? / Отцы, что были хуже, чем деды, – нас / Негодней вырастили; наше / Будет потомство ещё порочней» (ibid. 45–47. Здесь и далее пер. Н. С. Гинцбурга). Гораций противопоставляет безнравственности сограждан нравы «благородных дикарей», таких как скифы и геты: «Лучше жить, как равнинный скиф, / Чья повозка жильё тащит подвижное, / Или как непреклонный гет, / Где межою поля не разделённые / Хлеб родят на потребу всем; / Где не больше, чем год, заняты пашнею, / А затем утомлённого / Заменяет другой, с долею равною; / Там безвредная мачеха / Не изводит сирот-пасынков, падчериц; / Жён-приданниц там гнёта нет, / И не клонит жена слух к полюбовнику; / Там приданым для девушки / Служит доблесть отцов и целомудрие, / Что бежит от разлучника, / И грешить там нельзя: смерть за неверность ждёт!» (Carm. III. 24. 9–24). Вывод поэта однозначен:

«Надо страсть эту низкую / С корнем вырвать давно, и на суровый лад / Молодёжь, слишком нежную, / Воспитать...» (ibid. 51–54).

В этих условиях появляется семейно-брачное законодательство Августа; последний отказался от специальных полномочий (*cura legum et morum*), не желая нарушать сложившихся традиций, и сумел обставить дело так, что инициатива издания законов исходила от сената [10, с. 447]. Речь идёт прежде всего о двух законах, *lex Iulia de maritandis ordinibus* и *lex Iulia de adulteriis coercendis*, которые были изданы в 18 г. до н. э. [10, с. 448 слл.]. Оба закона были адресованы представителям сенаторского и всаднического сословий. Первый закон обязывал состоять в браке всех мужчин в возрасте от 25 до 60 лет и женщин в возрасте от 20 до 50 лет (Ulpian. Tit. XVI. 1). В случае смерти одного из супругов или после развода гражданам предписывалось вновь вступить в брак (Ulpian. Tit. XIV. 1). Сенаторам, равно как и их сыновьям, запрещалось жениться на дочерях вольноотпущенников и актрисах, всем остальным — на женщинах предосудительного рода занятий и с запятнанной репутацией (Ulpian. Tit. XIII. 1–2). Холостяки и бездетные серьёзно ущемлялись в правах наследования (Gai. Inst. II. 111; 150). В 9 г. н. э. эти законы были дополнены законом Папия — Поппея (*lex Papia — Poppaea*), в котором рестрикции прежних законов были существенно смягчены: Августу пришлось пойти на уступки представителям римской элиты, недовольным законами 18 г. до н. э. (Suet. Aug. 34. 1–2; Dio Cass. LIV. 16. 1–5). В частности, закон 18 г. до н. э. требовал вступления в новый брак уже через год после смерти одного из супругов и через полгода после развода, тогда как закон 9 г. увеличил этот срок до трёх лет. Характерно, что сами инициаторы закона, сенаторы Папий и Поппей, не имели ни жён, ни детей.

Второй закон сурово карал виновных в супружеской измене. Об этом сообщает Павел: «Во второй главе закона Юлия о прелюбодеяниях отцу, как приёмному, так и родному, дозволяется убить своею рукой дочь любого сословия, застигнутую при прелюбодеянии как в его доме, так и в доме его зятя. Согласно словам закона, отец, сам являющийся сыном, состоящим под властью отца, не имеет права убить дочь, если застигнет её при прелюбодеянии, однако и ему следует дозволить убить её... Муж захваченных при прелюбодеянии (любовников жены) может убить, только если это лица, лишённые чести, те, кто торгует своим телом, рабы или отпущенники как его и его жены, так и родителей и детей; жена (из этого права) исключается, её он убить не может. Муж, который, застигнув при прелюбодеянии жену, убьёт её вместе с любовником, поскольку он это сделал в порыве законного горя, должен караться мягче. Убив прелюбодея, муж должен сразу же отвергнуть жену и в ближайшие три дня засвидетельствовать, в каком месте и с каким любовником он застал жену. Если жена поймана при прелюбодеянии, муж только тогда может в гневе убить любовника,

когда застанет его у себя в доме. Того, кто пойманную при прелюбодеянии жену сразу же не отвергнет, следует привлечь в суд по обвинению в сводничестве... Женщин, уличённых в прелюбодеянии, следует карать лишением половины приданого и одной трети имущества и ссылкой на острова. У прелюбодеёв-мужчин равным образом после ссылки на острова отбирается половина имущества. Притом (виновных в прелюбодеянии) следует высылать на разные острова» (Paul. Sent. II. 26. 1–14. Пер. Е. М. Штаерман). Теперь уже не муж в компании друзей и родственников, а публичный суд карал виновную в измене жену. Впрочем, то же самое относилось и к мужчинам, чьё поведение выходило за рамки общепризнанной морали (яркий тому пример – процесс по делу Гая Визеллия Варрона, консула-суффекта 12 г.: Val. Max. VIII. 2. 2).

Однако, по мнению Корнелия Тацита, все эти меры не возымели того действия, на которое рассчитывал законодатель, ибо «супружества не стали от этого чаще, и детей рождалось не больше, чем прежде, так как против желания оставаться бездетными эта мера оказалась бессильной» (Ann. III. 25. 2. Здесь и далее пер. А. С. Бобовича). Марциал откровенно издевался над «Юлиевым законом», благодаря которому будто бы в семье вернулась супружеская добродетель, Pudicitia (Mart. VI. 7. 1–2). Недовольство представителей высших сословий привело к тому, что в 9 г. был издан новый закон – *lex Papia Poppaea*, в соответствии с которым жёсткие условия семейно-брачного законодательства Августа были несколько смягчены. «Например, если по Юлиевым законам вдове разрешалось не вступать в новый брак в течение года, а разведённой – 6 месяцев, то по закону Папия соответственно – два года и полтора» [10, с. 449].

Между тем сам законодатель порой нарушал свои же законы. Так, любвеобильный Август вступил в интимную связь с Теренцией, женой своего друга Гая Цильния Мецената (Dio Cass. LIV. 19. 3; 6; Suet. Aug. 69. 2; Sen. Prov. III. 10–11); в своих стихах Гораций называет её Ликимнией (Carm. II. 12. 13–28). Меценат, «достаточно мягкий и добросердечный человек» [2, с. 100], имел несчастье полюбить эту легкомысленную, капризную и своенравную женщину, которая доставляла ему одни огорчения (Sen. Prov. III. 9; Dio Cass. LV. 7. 5). Разрушить этот любовный треугольник, двумя «вершинами» которого были неверная жена и лукавый друг-император, Меценат в себе сил не нашёл. В 16 г. до н. э. дело дошло до публичного скандала, и ему пришлось развестись с женой; спустя какое-то время он затосковал и сделал ей дорогой подарок, чтобы она вернулась; в итоге Теренция вторично вышла замуж за Мецената, однако вскоре вновь последовал развод (Dig. 24. 1. 64). Как ядовито писал Сенека, Меценат «тысячу раз женился – и брал ту же самую жену» (Ep. CXIV. 6). В конечном счёте, чтобы снять стресс, Меценат «переключился» на чужих жён (Plut. Erot. 16).

Ряд любопытных примеров из области бракоразводной практики в античном Средиземноморье эпохи постэллинизма предоставляет нам история династии Иродиадов, которая реконструируется во многом благодаря трудам Иосифа Флавия. Иудея, войдя в состав Римской империи, стала частью огромного политического и культурного пространства, известного как античное Средиземноморье. Греческие и римские культурные и правовые традиции причудливым образом наложились здесь на формировавшийся веками конгломерат религиозных заповедей, правовых норм, обычаев и предрассудков. О том, что получилось в итоге, красноречиво свидетельствует история романа Ирода Антипы и Иродиады.

Оценки в историографии сына царя Иудеи Ирода I Великого, Ирода Антипы, тетрарха Галилеи и Перее в 4 г. до н. э. – 39 г. н. э., варьируют в диапазоне от успешного и дельного администратора, обеспечившего экономический подъём в Галилее, до флегматичного и трусливого деспота, слепо идущего на поводу у Иродиады. Очевидно, истина, как всегда, лежит где-то посередине [22, р. 8–11]. Не подлежит никакому сомнению то обстоятельство, что Антипа был лояльным клиентом Рима и при нём во вверенной ему тетрархии активно продолжался процесс эллинизации [27, р. 88–89]. Наконец, сама продолжительность его правления свидетельствует, во-первых, об относительной внутривосточной политической стабильности в тетрархии Антипы и, во-вторых, о том, что его римские патроны были им довольны [21, р. 57]. Первым браком Антипа был женат на одной из пяти дочерей набатейского царя Ареты IV Великого (9 г. до н. э. – 40 г. н. э.) (Ios. Ant. Iud. XVIII. 5. 1). Скорее всего, женой Антипы стала старшая дочь Ареты, Фазелис; время заключения брака неизвестно: возможно, это произошло ещё при жизни Ирода Великого. Брак Антипы с дочерью Ареты IV (будем называть её Фазелис) отличался продолжительностью, однако детей у супругов не было; по-видимому, тетрарх не питал к жене нежных чувств. В 35 г., как следует из обстоятельного рассказа Иосифа Флавия, этому браку пришёл конец.

Как повествует Флавий, «около этого времени (Иосиф даёт нам точный хронологический ориентир: это кончина тетрарха Филиппа, последовавшая «на двадцатом году правления Тиберия», т.е. в 34 г. (Ant. Iud. XVIII. 4. 6). – *И. Г., В. Н.*) царь каменистой Аравии Арета и тетрарх поссорились между собою по следующей причине: Ирод был давно уже женат на дочери Ареты. Во время одного путешествия в Рим он заехал к своему сводному брату Ироду, который родился от дочери первосвященника Симона (этот Ирод, сын Ирода Великого и Мариамны, дочери первосвященника Симона бен-Боэтуса, вошёл в историю как Ирод Боэт; неизвестно, носил ли он прозвище Боэт при жизни или оно закрепилось за ним только после смерти. В историографии сложилась традиция,

в соответствии с которой Ирода Боэта принято называть Иродом Филиппом I, а тетрарха Филиппа – Иродом Филиппом II [12; 20, р. 40; 21, р. 132–136; 23, р. 43–44; 24, S. 51–56;]. – *И. Г., В. Н.*). Влюбившись в жену брата, Иродиаду (она была дочерью их общего брата Аристобула и сестрою Агриппы Великого), он рискнул предложить ей выйти за него замуж. Иродиада согласилась и сговорила с ним войти в его дом, когда он возвратится из Рима. При этом было условлено, что Ирод прогонит дочь Ареты (очевидно, Иродиада не собиралась мириться с полигамией, ставшей обычным делом среди представителей династии Ирода Великого. – *И. Г., В. Н.*). После этого тетрарх отплыл в Рим, заключив вышеуказанный договор. Когда же он, по исполнению в Риме всего нужного, собирался вернуться домой, жена его, без его ведома успевшая разузнать всё о его условиях с Иродиадою, просила разрешения уехать в Махерон, находящийся как раз на границе владений Ареты и Ирода, причём никому не сказала о цели этой своей поездки. Ирод согласился, не предполагая, что жене его что-либо известно. Последняя между тем заранее послала в Махерон к начальнику, поставленному там её отцом, просьбу приготовить всё к дальнейшему путешествию. Затем она явилась сама и поехала тотчас же в Аравию, причём арабские князья последовательно сопровождали её, пока она (довольно скоро) не приехала к отцу своему. Ему она рассказала о намерении Ирода. Арета на основании этого решил начать войну со своим зятем, именно на границах Гамалитиды. Собрав войска, обе стороны вступили в борьбу, причём вместо Ареты и Ирода сражались их военачальники. В происшедшей тут битве всё войско Ирода было уничтожено, благодаря измене нескольких перебежчиков, которые примкнули к Ироду, принадлежа собственно к числу подданных тетрарха Филиппа. Ирод отписал об этом Тиберию. Император разгневался на образ действий Ареты, послал Вителлию (Луций Вителлий, наместник Сирии в 35–39 гг. – *И. Г., В. Н.*) приказ объявить ему войну и представить ему Арету либо живым в оковах, либо прислать ему его голову» (*Ant. Iud. XVIII. 5. 1.* Здесь и далее пер. Г. Г. Генкеля). Война Ареты IV с Иродом Антипой (36–37 гг.) вскоре завершилась без решительного результата ни для одной из сторон вследствие смерти Тиберия (*ibid. 2–3*).

Закон Моисеев запрещает мужчине брать в жёны супругу брата (Лев. 18:16; 20:21), единственное исключение – левиратный брак (Втор. 25:5. Ср.: Мк. 12:19). Поскольку брак Антипы и Иродиады был заключён в 35 г., видимо, ещё при жизни Ирода Боэта (Ирода Филиппа I), левиратным он считаться никак не мог; к тому же у Иродиады была дочь от первого брака. В соответствии с законом Моисеевым развод мог дать муж жене, а не наоборот; соответственно, женщина могла вновь выйти замуж, лишь получив развод от бывшего мужа (*Ios. Ant. Iud. XV. 7. 10*). Разумеется, в жизни случалось всякое. Так, Саломея,

сестра Ирода Великого, в 28/27 г. до н. э. сама послала разводное письмо своему мужу Костобару, таким образом, инициировав развод (loc. cit.). Племянницы Иродиады (Ios. Ant. Iud. XX. 7. 2–3) последовали примеру злосчастной тётки и даже хуже: «В то время как Друзилла вышла замуж за необрезанного язычника, две её сестры, Мариамна и Береника, самовольно оставили своих супругов, Юлия Архелая и Марка Антония Полемона, и вступили в новые браки с такой вольностью, которую евреи, подобные Иосифу, допускали только для мужчин» [3, с. 198]. Как бы то ни было, в глазах иудейских ортодоксов Иродиада была виновна в том, что нарушила закон, Ирод Антипа – в том, что он «увёл» жену у брата. Обличение Иоанном Крестителем брака Антипы и Иродиады как незаконного и кровосмесительного, видимо, стало той последней каплей, которая переполнила чашу терпения галилейского тетрарха; он давно уже опасался влияния проповеди Иоанна на умы своих подданных, что и привело к казни пророка в Махероне [21, р. 145].

Вообще вся эта история в высшей степени характерна для Ирода Антипы, который, прожив немало лет в Риме, можно сказать, с молодых ногтей проникся не только эллинской культурой, но и римским образом жизни. Став тетрархом, он, с одной стороны, чтобы лишний раз не раздражать подданных, старался чисто внешне соблюдать иудейские традиции и закон Моисеев, о чём свидетельствуют и его монетная чеканка (см.: [11, с. 54]). Интересные наблюдения о монетной чеканке Ирода Антипы см.: [23, р. 26–30]. В частности, М. Йенсен констатирует, что за 43 года своего правления Антипа выпустил не более пяти серий монет (начиная с 19/20 г.). Все они, в соответствии с религиозным запретом, были лишены портретных изображений. О монетах Ирода Антипы см. также: [26, р. 81–84], и отдельные эпизоды из истории его отношений с римскими властями (Ios. Ant. Iud. XVIII. 5. 3; Philo. Leg. Gai. 38); с другой стороны, в своей частной жизни Антипа не отличался особым благочестием и соблюдением закона: так, известно, что Тивериада была им основана на месте старого кладбища, которое он приказал снести (Ios. Ant. Iud. XVIII. 2. 3), а его резиденция была украшена скульптурами (Ios. Vita. 65), что, разумеется, шло вразрез с предписаниями иудаизма. Как бы то ни было, довольно скоро, а именно в 39 г., одиозный тандем постигло фиаско: запутавшись в собственных интригах, Антипа и Иродиада впали в немилость у Калигулы и по его приказу были сосланы в галльский город Лугдун Конвенарум (Ios. Ant. Iud. XVIII. 7. 1–2), где, вероятно, и окончили свои дни (когда именно и при каких обстоятельствах, неизвестно).

В эпоху Империи от пресловутой строгости нравов, присущей временам суровых «бородачей» (*barbati*), которые безмерно идеализировались римскими писателями-моралистами вроде Катона Старшего или Саллюстия, остались одни лишь воспоминания. Разводы стали житейской обыденностью и давно уже

никого не шокировали, даже моралистов, которые превратились в стоиков и довольно меланхолично, в перерывах между занятиями текущей политикой или коммерческими операциями, как, например, Сенека Младший, констатировали нравственную деградацию современного им римского общества (разумеется, речь, как и прежде, идёт о представителях высших сословий). Так, Сенека в трактате «О благодеяниях» пишет: «Разве какая-нибудь женщина станет краснеть от развода, после того как некоторые знатные и благородные женщины считают свои годы не по числу консулов, а по числу мужей и разводятся, чтобы выйти замуж, а выходят замуж, чтобы развестись? Этого порока боялись, пока он редко встречался. А так как теперь не бывает ни одного судебного заседания без того, чтобы на нём не разбиралось дело о разводе, то и научились делать то самое, о чём часто слышали. Разве теперь ещё сколько-нибудь стыдятся прелюбодеяния, когда дело дошло уже до того, что ни одна женщина не имеет мужа для чего-либо иного, как только для возбуждения любовника? Целомудрие теперь служит доказательством безобразия. Найдёшь ли ты до такой степени жалкую и худородную женщину, что довольствовалась бы одной парой любовников; такую, что не разделила бы часы каждому (из них) поодиночке? (У неё) для всех не хватает и дня, если у одного она не побывала в носилках на прогулке, а у другого не осталась ночевать. Глупа и наивна та, которая не знает, что одно прелюбодеяние называется браком» (III. 16. 2–3. Пер. П. Н. Краснова). Сенека верно заметил, что в эпоху циничного релятивизма и нравственной деградации общества понятия «брак» и «адюльтер», т. е. ценности и антиценности, *de facto* поменялись местами.

В свойственной ему гротескной манере Сенеке вторит Марциал: «С той поры как закон возродился Юлиев снова / И водворилась, Фаустин, в семьях стыдливость опять, / И тридцати-то ещё не минуло полностью суток, / А Телесина пошла замуж в десятый уж раз. / Замуж идти столько раз не брак, а блуд, по закону. / Меньше б я был оскорблён, будь она шлюхой, как есть» (Mart. VI. 7. 1–6. Пер. Ф. А. Петровского). А вот о чём бесстрастно сообщает Тацит в «Анналах»: «В том же году (в 19 г. – И. Г., В. Н.) были изданы строгие указы сената против распутного поведения женщин и строжайше воспрещено промышлять своим телом тем, чьи деды, отцы или мужья были римскими всадниками. Поводом было то, что Вистилия, дочь претора, объявила эдилам, что занимается проституцией, – поступила же она так в соответствии с принятым у наших предков обыкновением, согласно которому достаточной карою для продажных женщин почиталось их собственное признание в своём позоре. Были потребованы и от Титидия Лабеоны, мужа Вистилии, объяснения, почему он не наказал, согласно закону, свою избличённую в непотребстве жену. И так как в своё оправдание он сослался на то, что предоставленные ему по закону шестьдесят

дней на обдумывание ещё не прошли, сочли достаточным принять постановление против Вистилии, и она была сослана на остров Сериф» (II. 85. 1–4. Ср.: Suet. Tib. 35. 2). О том, что при Тиберии были приняты кое-какие меры для оздоровления общественной нравственности, пишет Светоний: «Развратных матрон, на которых не находилось общественного обвинителя, он велел по обычаю предков судить близким родственникам. Римского всадника, который дал когда-то клятву никогда не разводиться с женой, а потом застал её в прелюбодеянии с зятем, он освободил от клятвы» (Tib. 35. 1). В дальнейшем в императорском законодательстве появились нормы, сурово каравшие за сводничество (Dig. 48. 5. 9 (8); 48. 5. 9. 1; 48. 5. 10 (9); 48. 5. 10. 1–2). Как справедливо отмечает М. Е. Сергеенко, «от всех этих заявлений нельзя отмахнуться: в них отражается подлинная и жестокая правда. Мне хочется только напомнить умную русскую пословицу о доброй славе, которая лежит под камнем, и о худой, которая бежит по дорожке. Преступная мать, сделавшая сына своим любовником, женщина, сменившая пусть не десять, а хотя бы троих мужей, преступница, которая хладнокровно подносит отравленный кубок невинной жертве, – все эти фигуры давали и для светской болтовни, и для злой эпиграммы, и для сатирического вопля материал гораздо более благодарный, чем какая-то тихая женщина, о которой только и можно было сказать, что она “сидела дома и пряла шерсть”» [14, с. 197–198].

Наследники Августа и Тиберия (последний сам в своё время пострадал от циничной династической политики, которую проводил его приёмный отец: Suet. Tib. 7. 2–3) время от времени издавали суровые постановления с целью хоть как-то обуздать ту безнравственность, которая распространилась тогда в среде римской элиты (Suet. Cal. 16. 2; Dom. 8. 3), однако своим собственным отрицательным примером сводили на нет эти паллиативные меры. Прав был Плиний Младший, когда писал в «Панегирике императору Траяну»: «Ведь жизнь принцепса – та же цензура и притом непрерывная: по ней мы равняемся, она нас ведёт, и мы не столько нуждаемся в применении власти, сколько в примере» (Paneg. 45. Пер. В. С. Соколова). В этом отношении «хорошие» императоры были, разумеется, на высоте (так, Адриан отправил в ссылку на три года гражданина, который привёл в свой дом чужую жену и от своего имени послал её мужу разводное письмо: Dig. 24. 2. 8); однако «плохих» всё равно было больше... Согласно постановлению императоров Диоклетиана и Максимиана Геркулия (294 г.), для развода теперь было достаточно обдуманного решения одного из супругов (Cod. Iust. 5. 17. 6).

Появление на исторической сцене христианства взорвало изнутри весь античный миропорядок – в социальном, культурном и метафизическом плане. Сведя на нет прежние сословные и классовые границы, правовые нормы, этнические предрассудки и бытовые стереотипы, новая религия поставила в центр

мироздания Бога, Который есть Любовь. Призвание христианской церкви заключалось в том, чтобы гармонизировать отношения супругов. Между тем для ранних христиан брак был не целью, не даром Божиим, а средством, способом решить проблему неукротимого полового влечения: «Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1 Кор. 7: 9). Для христианина, который в идеале должен был стремиться к воздержанию и целомудрию, брак носил характер компромисса, ибо в браке нельзя полноценно служить Богу: «Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене» (1 Кор. 7: 32–33). Впрочем, в другом послании апостол Павел говорит: «Мужья, любите своих жён, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за неё... Так должны мужья любить своих жён, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя» (Еф. 5: 25–28).

Со времён Константина I Великого (306–337 гг.) правила брачной жизни для всех граждан Римской империи стали определять христианские императоры. Христианская церковь и императорская власть в этом вопросе поначалу пришли к компромиссу: брак рассматривается как частное дело, человеческое, понимаемое как форма отношений между людьми, но освящаемое церковью, развод не одобряется, но возможен по ряду уважительных причин, среди которых супружеская неверность, государственная измена, семейное насилие, обвинение одного из супругов в убийстве или отравительстве. Тот, кто хотел полноценной христианской жизни, т. е. общения с Богом в целомудрии и воздержании, со временем получил возможность уйти в монастырь. Однако начиная с V в., со времён Иеронима Стридонского и Аврелия Августина, позиция церкви в отношении развода радикально изменилась. Ключевым здесь стало одно место из Евангелия от Матфея: «И приступили к Нему фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею? Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает. Они говорят Ему: как же Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с нею? Он говорит им: Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с жёнами вашими, а сначала не было так; но Я говорю вам: кто разведётся с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведённой прелюбодействует» (Мф. 19: 3–9). В итоге западные Отцы Церкви постулировали понимание брака как нерасторжимой духовной связи между супругами, которая здесь, на земле, приготавливает их к жизни вечной. Таков был финал длительного процесса эволюции

античного, т. е. языческого отношения к браку и разводу: на наш взгляд, глубоко символично, что последнюю точку в этом процессе поставила христианская церковь, победившая языческую древность и открывшая новую страницу в истории цивилизаций Средиземноморья.

Литература:

1. Бобровникова Т. А. Цицерон: интеллигент в дни революции. М.: Молодая гвардия, 2006. 532 с. (Жизнь замечательных людей. Вып. 1019).
2. Бондаренко М. Е. Меценат. М.: Молодая гвардия, 2016. 285 с. (Жизнь замечательных людей: Малая серия: сер. биогр.; вып. 99).
3. Григер М. В. Социальный аспект взаимодействия Восток – Запад в римской Иудее (37 г. до н. э. – 135 г. н. э.) // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 149 (4). 2007. С. 193–202.
4. Грималь П. Цицерон. М.: Молодая гвардия, 1991. 544 с. (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.; Вып. 717).
5. Гуревич Д., Рапсат-Шарлье М. Т. Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме. М.: Молодая гвардия; Палимпсест, 2006. 259 с.
6. Казанцев Л. Н. О разводе по римскому праву в связи с историческими формами римского брака. Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, В.И. Завадского, 1892. 245 с.
7. Кокин И. А. Положение женщины в греко-римском мире // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 210–219.
8. Короленков А. В. Разводы во времена господства Суллы // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Вып. XXXVI. Родственные и квазиродственные связи в экономической, политической, конфессиональной и культурной жизни / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М.: ИВИ РАН, 2024. С. 73–77.
9. Кофанов Л. Л. (отв. ред.). Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. М.: Наука, 2001. 328 с.
10. Межерицкий Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 992 с.
11. Неклюдов К. В. Период правления тетрарха Ирода Антипы по данным археологии // Христианское чтение. 2011. № 5 (40). С. 31–59.
12. Неклюдов К. В., Ткаченко А. А. Иродиада // Православная энциклопедия / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. XXVI. М.: Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2011. С. 651–654.

13. Покровский И. А. История римского права. СПб.: Летний сад, 1998. 560 с.
14. Сергеенко М. Е. Жизнь древнего Рима. СПб.: Летний сад, 2000. 368 с.
15. Сморгачев А. М. Женские нравы в сочинениях Авла Геллия (по исследованиям И. Л. Маяк) и Валерия Максима // *Nuntia vetustatis*. Памяти Ии Леонидовны Маяк. Сборник научных статей / Труды исторического факультета МГУ. Вып. 189. Сер. II: Исторические исследования, 124 / Отв. ред. Н. В. Бугаева. СПб.: Алетейя, 2021. С. 41–50.
16. Сморгачев А. М. Политическая и сакральная власть в римской цивилизации: механизмы взаимодействия // *Античный мир и археология*. 2009. Вып. 13. С. 159–175.
17. Фюстель де Куланж Н.-Д. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. 414 с.
18. Хитрук Е. Б. «Женский вопрос» в философии Платона // *Идеи и идеалы*. 2016. Т. 8. № 2 (28). Ч. 1. С. 40–52.
19. Flacelière R. Caton d'Utique et les femmes // *L'Italie préromaine et la Rome républicaine. Mélanges offerts à J. Heurgon* / Collection de l'Ecole française de Rome. Vol. 27. Rome, 1976. P. 293–302.
20. Gillman F. M. Herodias: At Home in That Fox's Den. Collegeville; Liturgical Press, 2003. 136 p.
21. Hoehner H. W. Herod Antipas / Coll. Society for New Testament Studies. Monograph Series. Vol. 17. Cambridge, 1972. 437 p.
22. Jensen M. H. Herod Antipas in Galilee: Friend or Foe of the Historical Jesus? // *JSHJ*. 2007. Vol. 5 (1). P. 7–32.
23. Jensen M. H. Herod Antipas in Galilee: The Literary and Archaeological Sources on the Reign of Herod Antipas and its Socio-Economic Impact on Galilee. Tübingen: Mohr Siebeck, 2006. 316 p.
24. Krieger K.-S. Geschichtsschreibung als Apologetik bei Flavius Josephus / *TANZ*. Bd. 9. Tübingen und Basel: Francke, 1994. 366 S.
25. Lindsay H. Adoption in the Roman World. Cambridge, 2009. 242 p.
26. Meshorer Y. A Treasury of Jewish Coins: From the Persian Period to Bar Kokhba. Jerusalem: Yad ben-Zvi Press; Nyack, N.Y.: Amphora, 2001. 356 p.
27. Smith M. J. The Political Context of the Gospels // M. Harding and A. M. Nobbs (eds.). *The Content and Setting of the Gospel Tradition*. Grand Rapids, MI; Cambridge, 2010. P. 79–104.
28. Smith R. A. Books in Search of a Library: Ovid's "Response" to Augustan "Libertas" // *Vergilius*. 2006. Vol. 52. P. 45–54.

29. Thompson E. P. Customs in Common. L.: New Press, Distributed by W.W. Norton, 1991. 547 p.

30. Treggiari S. Roman marriage. Justi coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian. Oxford, 1991. 578 p.

Список сокращений

JSHJ – Journal for the Study of the Historical Jesus.

TANZ – Texte und Arbeiten zum neutestamentlichen Zeitalter / Hrsg. von K. Berger (Universität Heidelberg), M. Klinghardt (Universität Dresden), G. Röhser (Universität Bonn), S. Schreiber (Universität Augsburg), M. Vogel (Universität Jena).

УДК 929

ГРНТИ 03.23.55

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВОИН ВАДИМ ЗЛОБИН

Е. П. Гурина

Московский государственный технический
университет им. Н. Э. Баумана,
Москва

E-mail: bestengteacher@yandex.ru

Аннотация. В статье приводится история очень короткой, но наполненной глубоким смыслом жизни девятнадцатилетнего юноши Вадима Злобина – воина-христианина, который погиб на СВО 14 февраля 2025 г., закрыв собой товарищей. Боец вел страничку в мессенджере «Телеграм». Некоторые записи, сделанные в нем, он пересылал своим приемным родителям. Они сохранились и стали объектом исследования. Анализ этих личных документов позволил выявить многие детали пребывания бойцов на СВО, понять особенности их морального состояния. Материалы воспоминаний родных, друзей, знакомых Вадима Злобина, а также монахов Соловецкого монастыря, полученные в результате общения по телефону или через цифровые средства передачи информации, помогли проследить путь духовного становления этого православного защитника нашего Отечества, дали возможность оценить роль семьи, школы, церкви, русской истории в процессе воспитания православного воина, готового положить жизнь свою «за други своя».

Ключевые слова: православный, воин-христианин, воцерковленный, подвиг, личные документы, защитник Отечества, СВО, воспоминания, Соловецкий монастырь, «Телеграм».

ORTHODOX WARRIOR VADIM ZLOBIN

Elena P. Gurina

Bauman State Technical University,
Moscow

E-mail:bestengteacher@yandex.ru

Abstract. The article presents the story of an extremely short but not useless life of a nineteen-year-old young man Vadim Zlobin, a Christian warrior who died during the Special military operation on February 14, 2025, having covered his comrades with his body. The fighter had a page in the Telegram messenger. He sent some of the entries in it to his adoptive parents. They have been preserved and became the object of research. The analysis of these personal documents made it possible to identify many details of the fighters' presence in the SMO, to study the their moral state. The memories of Vadim Zlobin's relatives, friends, acquaintances, as well as the monks of the Solovetsky monastery were obtained via personal telephone communication or digital data transmission devices. They helped to trace the path of spiritual development of this Orthodox defender of the Fatherland, and made it possible to assess the role of his family, school, the Orthodox church, Russian history in the process of raising an Orthodox warrior ready "to lay down his life give for his friends".

Keyword: Orthodox, Christian warrior, church-going, feat, personal documents, defender of the Fatherland, SMO, memories, the Solovetsky Monastery, "Telegram".

Иеромонах Роман (Матюшин) написал стихотворение «Русский солдат», начинающееся со слов: «Если б не был монахом – // Стал бы Русским Солдатом» [9], еще тогда, когда о специальной военной операции никто и подумать не мог, но именно эти строки появились в мессенджере «Вконтакте» после того, как 18 февраля 2025 г. на Соловки пришла первая похоронка с СВО. 2025 год – это и год 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, и Год защитника Отечества, в том числе и тех русских бойцов, кто сегодня находится на СВО. В настоящее время публикуются статьи, посвященные медицинской, психологической, социальной реабилитации участников СВО, их подвигам и методике патриотического воспитания молодежи на их примере, но в них не рассматривается вопрос о духовном возрастании воина-христианина, отдавшего

жизнь «за други своя». Во время Великой Отечественной войны люди писали друг другу письма, и сегодня они представляют немалый исторический интерес. В наши дни все, в том числе и бойцы на СВО, отправляют друг другу сообщения в мессенджерах. Некоторые ведут странички и блоги. К сожалению, если человек погибает, то доступ к этим записям может быть закрыт и важная для историков информация пропадает. Именно так произошло со страницей бойца Вадима Злобина в телеграм-канале, поэтому сведения о том, как он «в удивительно короткое время собрал... совершенство добродетелей» и смог «в юном возрасте стать старцем духовным» [19], приходится черпать из отрывочных воспоминаний и немногих сохранившихся сообщений, отправленных родным, близким, друзьям и знакомым. Одно письмо было написано Вадимом на бумаге незадолго до гибели, но было доставлено адресату уже после смерти бойца.

Господь сказал своим ученикам: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, якоже возлюбих вы. Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин 15:12–15). Хотя архиепископ Крымский Лука считал, что это призыв ко всем нам «отречься от себя... от своих стремлений к богатству, к наслаждениям, к чести и славе... от всего того, чего требует плоть наша... целью своей жизни поставить служение ближним своим» [20], но чаще эта заповедь ассоциируется с воинским долгом. Сегодня среди тех военнослужащих, кто сражается на СВО, немало православных. Для них монахи Соловецкой обители составили «Памятку воину-христианину», где напоминают об этой заповеди: «Воин-христианин побеждает страх смерти через понимание, что, положив душу за друзей своих, он исполняет заповедь Христову» [17]. Как и в годы Великой Отечественной войны, в России по-прежнему есть те, кто способен рисковать жизнью ради ближнего. Бойцы часто делают это «на автомате», не задумываясь о том, что могут погибнуть. Солдат ВС РФ с позывным «Каспер» своим напашником прикрыл щель в окопе и этим спас сослуживцев от осколков снарядов. Он вспоминает: «...прям машинально. Просто взял, сделал. Ни о чем не думал. <...> Дым белый. Всё толком рассеяться не успело, я оглянулся по сторонам, смотрю, ребята все целы, все живы» [4]. Алексей Кошелев, заместитель командира бригады по военно-политической работе, вместе с товарищем прикрыли собой «друзей, которые были без бронежилетов». Он объясняет свой поступок очень просто: «Потому что ну, мало ли, где что прилетит, куда полетят осколки» [16].

Прикрыл своим телом боевых товарищей и командир отделения с позывным «Ворон» Вадим Злобин. «На <его> страничке в Телеграм-канале <был> такой стрелковый девиз: “Помни, что твой дух – это последний рубеж обороны, пока он не сломлен, бой не закончится”» [11].

Вадим Константинович Злобин родился 11 июля 2005 г. в г. Онеге на Белом море в неблагополучной семье. Его отец пропал, а мать сильно пила, поэтому в месячном возрасте мальчика забрали в дом малютки, а в пять месяцев передали в дом ребенка в Архангельске. Через год супруги Татьяна Ивановна и Павел Васильевич Вороновы (медсестра-лаборант в больнице на Большом Соловецком острове и столяр-реставратор) обратились туда с просьбой помочь им взять ребенка для усыновления. Социальный работник указала на Вадима и сказала: «Вот ваш». Маленький Вадик был очень похож и на Павла, и на родного сына Вороновых: такой же светловолосый и голубоглазый. На тот момент супруги уже вырастили двоих собственных детей и хотели взять приемного. Вадиму было полтора года, когда они забрали его из Архангельска на Соловки в свою православную семью. Впоследствии они взяли на воспитание еще двоих: сначала четырехлетнего Александра Пискунова, которому сейчас семнадцать лет, и недавно семилетнюю Екатерину Костенко из Астрахани, которой сегодня уже восемь.

Татьяна Воронова рассказала, что на СВО «у Вадима была своя страничка в Телеграме, и время от времени < он > записывал туда свои мысли и, когда была связь, отправлял мне» [5]. Благодаря этим записям удалось узнать, что происходило с бойцом, и о том, как он на это реагировал. Но прежде всего необходимо подчеркнуть, что этот молодой человек в своих письмах благодарил приемных родителей за то, что они для него сделали, и просил беречь младших детей: «Я очень горд, что у меня мама и папа очень терпеливые люди, они терпели меня с подросткового возраста, я бы поставил им памятник, они у меня Великие люди. Меня мама поднимала на ноги. Теперь по исходу событий я вошёл в самостоятельную тяжёлую жизнь, и мама поставила задачу себе, чтобы довести Катю и Саню до конца, чтобы у них все было хорошо. Я отдаю должное своим родителям! Очень хочется увидеть своих родителей поскорее... очень сердце к ним рвется» [2]. Еще перед первой отправкой на СВО Вадим написал песню в стиле *sad beat type* «Мама, спасибо за всё» и отправил ее Татьяне Вороновой. Через соловецкую знакомую Дарью Салеховну Губанову он передал ей письмо, написанное на его старом командировочном удостоверении на СВО, оформленном в один конец. В нем молодой человек благодарит своих близких за молитвенную поддержку, за звонки, «батю» за нож, который «от смерти спасал» (им он срезал пластины с бронежилетов врагов, чтобы починить собственный). Он просит беречь сестру Катю, вразумляет брата Александра, передает привет учителям и обращается к Татьяне: «Дорогая мама, пишет тебе участник специальной военной операции, твой сын. Я хочу сказать большое спасибо за всю твою под<д>ержку, которую ты оказывала, пока я был на передовой. Все тяготы переношу вашими молитвами, очень по вам скучаю... победа будет

за нами. С молитвой, с Богом мы все сможем одолеть» [6]. В этом письме Вадим благодарит маму: «Спасибо, что познакомила с Дарьей. Очень выручает!» [6]. Дарья – это учительница начальных классов в п. Малаховке, которая каждые каникулы привозит в ДНР вещи и подарки, собранные для бойцов СВО. Она взяла кредит и купила машину побольше, чтобы в нее можно было поместить много посылок. Даша три раза приезжала к Вадиму на полигон в п. Минеральное в ДНР. В декабре 2024 г. она привезла ему и его сослуживцам еловые веточки «для встречи Нового года» [13] и подарки от школьников г. Люберцы. Именно по ее просьбе Вадим написал письмо родным на бумаге. Дарья Салеховна должна была лично доставить его на Соловки перед началом Великого поста. В середине февраля женщина опять приехала в п. Минеральное, чтобы поздравить его и других бойцов с наступающим Днем защитника Отечества, но Вадима уже не было в живых.

Записи, которые Вадим оставил в «Телеграме», искренние, мудрые и настоящие: «Каждый день живем как последний, очень страшно, очень хочется уйти от этого кошмара и прийти в мирный угол своей жизни, в котором мы все когда-то пребывали. Но мы сделали свой выбор...» [8]. В своих публикациях Вадим часто обращался к Богу, вспоминая строчку из Евангелия: «Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мф. 13:9). Эта отсылка усиливает исповедный и, в определенной мере, наставительный характер его разговора с нами: «За этот год многое понял, а тем более повидал того, что многие не видели. И кто знает, что дальше будет, ведь это не первая моя боевая задача, а их будет немало. Кто-то будет меня осуждать, осуждайте, но я вас не слушаю и не слышу. У кого есть уши слышать, те слышат» [8]. Вадим понимал, что после всего, что ему довелось пережить, он стал другим человеком, что ему нелегко будет вписаться в мирную жизнь, но надеялся, что сможет это сделать. Он, как любой приемный ребенок, мечтал, что у него появится жена, дети, когда он «вернется». Вадим был уверен, что из него «выйдет хороший отец» [8].

На Соловках Вадим Злобин прожил счастливых 16 лет. После 9-го класса он поехал учиться на судомеханика в Архангельск, но в большом городе слишком много соблазнов, поэтому мама вскоре забрала его домой, где в 2023 г. он окончил среднюю школу имени Соловецких юнг ВМФ. В ней же учатся его брат и сестра. Вадим упоминает об этой школе в своих записях на СВО: «...был я ведь выпускником Соловецкой школы имени Соловецких Юнг в 2023 году. А теперь 2024 год, и я уже как год в армии» [8]. У школы, в которой учился Вадим, богатая история.

В 1860 г. на Соловках было организовано училище для «безбрадных трудников» [12]. В 1939 г. была построена новая школа, в 80-е гг. XX века получившая название «Соловецкая средняя школа имени Соловецких юнг ВМФ». Юнги

учились в другой, специальной, школе, созданной в годы войны на Большом Соловецком острове и располагавшейся на территории монастыря, в бывшей монастырской гостинице и в Савватьевском скиту, где «были выкопаны землянки <...> в этих землянках жили» [23] будущие моряки. Их готовили в очень суровых условиях, но школу смогли окончить 4111 человек в период с 1942 по 1944 г. Более тысячи из них не вернулось с войны, «шестеро из них стали Героями Советского Союза» [15]. Среди них был самый юный Герой Советского Союза Тихоокеанского флота – 19-летний Владимир Моисеенко, который 15 августа 1945 г., участвуя в боях за г. Сейсин, подорвал японский склад боеприпасов и подавил два дзота. Оказавшись в окружении, он не собирался сдаваться врагу живым и написал об этом на клочке бумаги, впоследствии найденном его боевыми товарищами. Он готовился умереть, но чудом остался жив в том бою. В. Моисеенко был из первого выпуска школы юнг (1942–1943 гг.), а Василий Михайлович Воронов, отец Павла Воронова, окончил ее в 1945 г. Он был из третьего выпуска, но тоже успел повоевать, на Дунае, и демобилизовался только в 1947 г. Татьяна Воронова объяснила: «Вадим очень гордился, что его названный дедушка – юнга, и по его стопам он хотел стать моряком и служить пошел на Северный флот» [5].

Вадим был православным и в школьные годы занимался в школе ремесел. Его преподаватель Елизавета Базилевских пишет: «Помню, как на занятиях мы вместе готовились к Пасхе, Рождеству Христову, Благовещению, делали подарки. Помню, как он лепил жаворонков из теста, расписывал пасхальные яйца, делал рождественские пряники. Потом ходили по поселку, поздравлять бабушек с праздниками, пели праздничные тропари, Вадим читал стихи, ходил с иконой Праздника» [1]. О Вадиме Е. Базилевских отзывается как о «глубоком человеке с тонкой, чуткой душой», на которого «можно было положиться» [1]. Впоследствии она поступила в Московскую духовную академию на иконописное отделение и мечтала о том, чтобы и Вадим мог учиться там же.

Близкие отмечают, что Вадим был разносторонне одаренной личностью. Он писал стихи, которые потом накладывал музыку. Его мама вспоминает: «Песен, к сожалению, не сохранилось. Только одна, которая посвящена мне. Раньше, когда Вадиму было 11–13 лет, писал на православные темы, как будто проповеди, чтобы мы не боялись смерти (я запретила ему писать на эти темы, и он удалил все записи)» [5]. У Вадима был хороший музыкальный слух, он мог легко подобрать любую мелодию, был звонарем. Монах Соловецкого монастыря Маркелл рассказывает: «С Вадимом мы начали общаться в 2016 году. Я тогда был трудником в монастыре, а он с мамой по воскресным и праздничным дням в храм приходил. Помогал мне за подсвечниками смотреть, свечи убирать догоревшие. Потом Вадик стал на колокольню подниматься, научился звонить красным звоном.

У него абсолютный музыкальный слух был. Энергично звонил, радостно, разные композиции на ходу сочинял. В старших классах школы реже стал приходить в храм, но всё равно старался. Мы всегда его просили на колокольную подняться и позвонить во все колокола, как только его встречали. Он добрый был, безотказный» [14]. У Вадима был особый, пасхальный, звон, благодаря которому легко можно было понять, что звонит именно он. На праздник Преображения Господня 19 августа 2023 г. Вадим получил благословение идти по этой стезе от самого Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. «На колокольне ему равных не было, у него же врождённый музыкальный слух, с ходу мог любую вариацию исполнить. Часто звонил “во вся” во время летних крестных ходов» [10].

Вадим был, безусловно, талантливой личностью, но в первую очередь он «был воцерковленным человеком, знал церковную культуру <...> поэтому с ним было легко», как отмечает Е. Базилевских [1]. Его к православию тянуло с детства. С первых дней на Соловках этот ребенок полюбил храм. Если Татьяна и Павел не брали его с собой на литургию, он плакал, а во время службы всегда стоял, не хотел даже ненадолго присесть. Монах Маркелл вспоминает, что Вадим «с детства был к четкам приучен, наши отцы его благословили по четкам молиться. Господа любил по-настоящему, молился» [14]. Е. Базилевских рассказывает, что Вадим «на каникулах с особым воодушевлением ходил на послушание в монастырь вместе с братией. Трудился вместе с другом в Савватьевском скиту» [1]. Вадим тонко все чувствовал, и, по наблюдениям Е. Базилевских, «друзья через него тянулись к свету и добру» [1]. «Он всех жалел», – пишет о нем его соседка, учительница на пенсии София Александровна Кузьмина. Она переехала на Соловки из Москвы и много лет, как и Вадим, помогала в храме. Восьмилетним мальчишкой он однажды заставил ее устыдиться своего поступка: женщина выгнала из своей квартиры на мороз забежавшего к ней чужого кота. Она вспоминает: «Видели бы вы, как удивился Вадик: “Как выгнали? Бездомного котика?” Никак не мог понять, как это я, бабушка, могла себе такое позволить. Такой вот урок получила от ребенка. Потом на исповеди каялась» [13]. Мама Вадима рассказывает: «<Он> любил кошек (т. к. у нас дома есть кот), но он их в то же время боялся и никогда не обижал. На СВО даже кота выбрал такого же окраса, как наш, и называл так же, Мася» [5]. На одной из фотографий Вадим держит этого серого кота, и его шерсть сливается с камуфляжем.

До 8-го класса Вадим мечтал стать священником на корабле. Учеба давалась нелегко, приемная мама не раз просила С. А. Кузьмину позаниматься с мальчиком математикой. Та вспоминает: «Задачи на движение у него не получались. Сколько слез вместе пролили с этой математикой» [13]. Родные Вадима боялись, что он не сможет поступить в семинарию, поэтому он решил сначала просто пойти служить на флот. И хотя он «переживал, что по здоровью не сможет» [5]

стать моряком, но Татьяна Воронова договорилась с частью, и в октябре 2023 г. его призвали в армию – в войсковую часть 10544 БКР (Второго дивизиона берегового ракетного комплекса) в н. п. Оленья Губа в Мурманской области, но в ней ему пришлось служить на берегу, а не на корабле. 1 ноября 2023 г. Вадим Злобин подписал контракт и в мае 2024 г. оказался на СВО. Перед отправкой туда Вадим получил отпуск с 23.03.24 по 23.04.24 и приезжал на Соловки, где встретился и долго беседовал со своим учителем истории К. Глушковым, но ничего не рассказал ему о контракте.

С 13 мая по 12 июня 2024 г. Вадим (в свои 18 лет) был в первый раз откомандирован на СВО. Уже в первую ночь на линии соприкосновения с противником Вадим спас своих товарищей. Ночью, разговаривая с Татьяной по мобильному телефону, он слышал звук приближающегося вражеского танка и успел за несколько секунд пробежать сто метров до блиндажа, чтобы предупредить товарищей о надвигающейся опасности. Вадим очень близко к сердцу принимал все происходящее на войне. Как верующий человек, просил благочинного Соловецкого монастыря архимандрита Ианнуария молиться о прощении ему греха человекоубийства, несмотря на то что в Библии сказано, что «не вменяется в вину, когда: убивают врага на войне. Числ. 31, 7–8.» [22]. Уже во втором бою Вадим был тяжело контужен. Взрывной волной его подбросило, и от удара головой о бревна блиндажа у него был сломан нос. Посчитали, что он мертв, и положили среди трупов, где он пролежал без сознания минут сорок. Когда Вадим очнулся, то не мог понять, где находится. Его отправили в госпиталь, где он пробыл неделю и учился заново ходить. После этой контузии юноша начал прихрамывать. Через неделю ребята вернулись в часть в Мурманскую область.

После контузии Вадим сначала не планировал возвращаться на СВО, но потом понял, что не может жить спокойно, когда его товарищи там. Приказ о его отправке в командировку на СВО был подписан командиром части подполковником П. Галицким 11 июля 2024 года, в день девятнадцатилетия Вадима. Об этом он написал маме: «Конца нету. А так, мам, я уже в раю» [7]. После трехмесячной подготовки в конце августа 2024 г. их отправили на пункт временной дислокации, а затем на передовую в д. Журавка, в его записях упоминаются еще деревни Новогородовка, Гродовка, Сергиевка.

В конце сентября 2024 года он написал, что нашел Евангелие, как архимандрит Кирилл (Павлов) в Сталинграде: «К слову, нашел я в одном из разрушенных домов Новый Завет и Псалтырь, каждый день читаю и вспоминаю многое, чему меня учили, когда я был маленьким». Юноша благодарит всех людей (своих приемных родителей, монахов Соловецкого монастыря, педагогов), «которые наставили <его> на путь праведный, познакомили <...> с Богом». По словам Вадима, они с Ним «стали большими друзьями». Этот воин-христианин

отмечает, что он мысленно беседует в Богом, задает вопросы, а потом открывает «Псалтирь и Новый Завет, и находи <т> все ответы на <...> вопросы и просьбы» [8]. Вадим жил на СВО с мыслью: «Для Бога нет ничего невозможного» [8], поэтому он и его боевые товарищи постоянно молились и «... благодарили Всевышнего за то, что <...> проснулись живыми» [8]. Вадим вспоминает евангельские строки: «...я каждыми днями обдумываю наш день и понимаю, что мы не прожили бы и секунды, если бы Бог оставил нас. Как в Евангелие написано: “Просите и будет вам”. Поэтому я рад, что все так получается, что нас не оставляют в беде. И все с той же надеждой мы верим, что нас отсюда выведут. Так же, как в Евангелии написано: “Все будет вам по вере вашей”» [8].

Еще дома, на Соловках, Вадим освоил мопед. Этот навык пригодился ему на передовой. На нем он вывез многих раненых ребят с поля боя, за что был награжден медалью «За храбрость» II степени, учрежденной указом президента Российской Федерации от 23 марта 2023 года [21].

В ноябре 2024 г. Вадим получил осколочное ранение в спину и попал на три недели в госпиталь. Там он вспомнил, какое это счастье – спать на кровати с подушкой, на чистом белье и есть досыта. Во время выполнения боевой задачи ребята иногда оставались без еды и воды, из-за обстрелов не всегда могли даже «по нужде» выйти из укрытия (лисьих нор). Им приходилось пить воду с горьким привкусом, но Вадим был уверен: «...главное, вода есть, какая она на вкус это не волновало на тот момент» [7]. Однажды бойцы 20 раз брали населенный пункт, в награду там нашли воду – повезло, потому что бывало так, что они проводили по два дня без воды и еды, как-то раз думали, что наступает обезвоживание, и в такие моменты только молились. Вадим писал: «По еде... а что по еде говорить, без воды совсем не хотелось кушать, мы чаще предавались молитве эти дни. И Господь нас не оставил, Он услышал наши просьбы и послал спустя два дня к нам человека, который принес десять литров воды и уставной паек, на тот момент я не мог не радоваться и еще больше стал молиться, теперь чтобы продержаться этот месяц, и в конце, чтобы Всевышний вывел нас без потерь» [8].

После госпиталя Вадим возвратился на передовую. 1 декабря его, рядового матроса, назначили на офицерскую должность командира взвода, где после ежедневных штурмов осталось только шесть человек. Ему пришлось отдавать приказы людям, которые были значительно старше него. Однако Вадима очень сильно укрепляла вера. Он постоянно обращался с молитвой к Богу, и Господь не оставлял его, посылал душевное спокойствие и самообладание, без чего невозможно здраво оценивать ситуацию и принимать правильное решение. Монах Маркелл отмечал, что в мирной жизни все, даже те, кто был старше, воспринимали Вадима всерьез: «...в школе его все уважали, даже ребята постарше его. Он умел постоять за себя, за брата младшего заступался, за девочек. Не боялся

никого» [14]. Если кто-то от него получал, то «за дело», как говорит С. А. Кузьмина [13], поэтому неудивительно, что довольно быстро, уже осенью 2024 г., под Сергиевкой он становится опорой для других бойцов.

Вадим на своей страничке в телеграм-канале, которая стала своеобразным историческим документом, описывал будни бойцов на СВО. Он рассказывал, что бойцы «тут привыкли спать под обстрелами минометов, артиллерий», что «самое страшное в этой войне – это дроны (мавики, камикадзе, фипиви, бабки ежки (хомерс)) – самая страшная машина для убийств». По словам Вадима, Латвия «делает достаточно большие поставки беспилотных летательных аппаратов» и «на каждого человека в<ы>ходит от пяти до десяти дронов!!!» [8]. Обстановка на передовой была сложная, но все равно ребята находили возможность хоть немного отдохнуть: посмотреть кино или сделать, как Вадим, запись на страничке в соцсетях. Этот вчерашний школьник честно признавался, что «время от времени очень дурные мысли закрадывались в голову». Но Господь воинов «не оставлял, придавал сил, смирения, терпения», поэтому они «не пада<ли> духом, так сказать, привыкли мальчика, обстроились» [8]. Бойцы на передовой радовались, словно дети, сладостям и самым обычным вещам: чаю с вареньем, сгущенке, томатному соку, офицерскому и воздушному шоколаду.

Несмотря на сложную обстановку на СВО, Вадим мечтал о том, чтобы приехать в отпуск на Соловки к своим близким хотя бы в мае 2025 г., но после назначения взводным надежда угасла. Из-за острой нехватки младших командиров в отпуск их не отправляют. Сравнивая ситуацию на фронте во время Великой Отечественной войны и сегодня на СВО, военный аналитик описывает ситуацию, похожую на ситуацию с Вадимом: «Одна из проблем – в боевых частях не хватает младших офицеров. Ротами командуют младшие лейтенанты и лейтенанты, ставшие офицерами из сержантов и рядовых контрактников... Очень хорошо, когда сержант может заменить офицера в бою, таким людям просто сам бог велел присваивать звание офицера. По опыту, в годы Великой Отечественной войны командир взвода на передовой жил в среднем неделю. В годы той войны погибло около 600 тыс. командиров взводов и рот» [3].

В сентябре (28.09.2024) Вадим с горечью писал в своем ТГ-канале, что «самое страшное в этой войне, когда при тебе умирает твой боец, с которым ты заходил на задачу живым и здоровым, а теперь ты видишь, как он с нейтральным лицом, в котором ты видишь, что он надеется, что сейчас мне помогут, подлетят... а ты просто ничего не можешь сделать, и никак ему уже не помочь... молча провожаешь его в последний путь. Так скончался на моих глазах Артем Лембей (позывной Щука), ему было всего 21 год...» [8]. Вадим не знал тогда, что позже, командуя взводом, он будет звонить матерям семерых погибших своих бойцов

и в разговоре с ними не сможет сдержать слез. Неведомо было ему, что и после его гибели люди будут с ужасом говорить, что ему было всего 19 лет.

1 января во взвод, наконец, прислали офицера, и Вадима назначили командиром отделения в 10 человек. Планировалось наградить его медалью Суворова, но этого так и не произошло. Вадим болел душой за каждого своего подчиненного. С. А. Кузьмина пишет про него: «Почему-то на ум приходят строчки из “Бородина” Лермонтова “Слуга царю, отец солдатам”. Действительно отец. Заботливый, таких бы командиров побольше», хотя он был самый молодой из всех» [13]. Вадим постоянно учил своих бойцов, и был результат. Когда четверых его подчиненных послали на задание, ребята смогли его выполнить и остаться в живых. Перед самой своей гибелью Вадим Злобин получил приказ от командира – преодолеть открытую местность и закрепиться в лесополосе. Это попытался сделать один боец из отделения, которым командовал Вадим, но был замечен и убит. Второго постигла та же участь. На следующее утро 14 февраля в 6.45 Вадим с двумя бойцами попытались на машине быстро проскочить опасное место. Когда над ними внезапно появился дрон, Вадим прикрыл своим телом товарищей. Его буквально изрешетило осколками, а товарищей он спас, и они задачу выполнили» [2].

К сожалению, один из воинов с позывным «Болтун», который был ранен, впоследствии скончался в госпитале, но другой остался цел и невредим. Коллеги рассказали, что Вадим спас этого парня, приняв на себя все осколки. Они пробили каску, посекали все лицо. Один застрял в маленькой иконе Христа Спасителя и в 90-м псалме. Вадим скончался от потери крови. Он не пожалел себя, «положил душу свою за други своя», за своего боевого товарища, хотя очень хотел жить и часто повторял: «Нам бы выжить», благодарил Господа за каждый прожитый день: «Господи, благодарю тебя, что ты дал нам возможность сегодня проснуться живыми, здоровыми и полными сил» [8].

Вадим всегда готов был всем помочь: и в мирной жизни, и на СВО. Помогал деньгами и вещами тем бойцам, у которых все сгорело, своей учительнице, которая когда-то вела у него уроки химии и биологии из Архангельска. Он переслал ей деньги на ремонт автомобиля, без которого у нее не было возможности передвигаться по городу.

Когда Вадим погиб, при нем были все его документы. Татьяна Воронова молилась святителю Спиридону Тримифунтскому, и, как она полагает, благодаря его заступничеству гроб с телом Вадима смогли доставить на Соловки меньше чем за две недели, чему удивились даже сами военные (родные погибших воинов часто не могут похоронить их останки несколько месяцев).

27 февраля 2025 г. самолет с грузом 200 прибыл на Соловки. Его встречали все: и жители острова, и монахи монастыря. В среду и пятницу Сырной седмицы

литургия не служится, поэтому гроб с телом Вадима поставили в Троицком соборе и три дня читали Псалтырь и молитвы. В пятницу, 28 февраля, произошло еще одно знаменательное для соловчан событие – на острове приземлились семь самолетов с представителями администрации Архангельской области во главе с заместителем председателя Правительства Российской Федерации Д. Н. Чернышенко для обсуждения вопросов празднования 600-летия Соловецкой обители, которое будет отмечаться в 2025 году. 1 марта они присутствовали на отпевании воина Вадима, которое совершил наместник и игумен Соловецкого монастыря епископ Порфирий, и выразили семье погибшего глубокое соболезнование. Татьяна Воронова говорит, что Вадим всех их собрал на Соловках. С. А. Кузьмина, которая знала Вадима с восьми лет, так описала эти похороны: «Встречала и провожала его в последний путь уже здесь на Соловках только вот не я, а весь монастырь Соловецкий и все жители поселка. Это были особые проводы. Такого я за свои 74 года еще не видела. Одна душа. Один дух. Светлое чувство. Особое. Словами не передать. Он возвратился к себе домой. Он с нами. Навсегда. В кухне на столе две фотографии: воин Вадим и воин Вадим с Дашей. Расставания нет и, надеюсь, не будет» [13].

Поступок Вадима, прикрывшего своим телом товарищей, конечно, не может сравниться с военной точки зрения с захватом в плен офицеров командного пункта противника, за который бойцы справедливо были награждены орденом Мужества. Но с духовной – это настоящий христианский подвиг православного воина, проявление истинной любви к Богу и ближнему. Вадим за семь месяцев на СВО достиг того уровня святости, которого, как отмечали в своих проповедях во время встречи гроба с телом воина Вадима и отпевания благочинный Соловецкой обители архимандрит Ианнуарий и настоятель монастыря епископ Порфирий, которого монахи достигают лишь в глубокой старости: «Вадим вернулся домой. Вернулся молодым 19-летним человеком, который сделал уже в жизни все дела, для которых другим людям, подвизающимся в христианском подвиге, нужно и до 90 лет для того, чтобы прийти в ту меру, чтобы соединиться с Богом. Из нашего общения в последнее время было видно, какой величины, христианской, православной, жертвенной, нравственной, достиг этот человек, небоязненно и очень осознано вошедший в настоящий подвиг. Мы знали его и раньше: это верующий человек. Близкий к монастырю, прихожанин, даже трудник. То, что мы сейчас о нем узнаем, позволяет верить, что Вадим присоединится к шести векам Соловецкой святости» [18].

Литература:

1. Базилевских Е. Мой светлый друг Вадим // Соловецкий монастырь: официальный сайт. 9.04.2025. URL: <https://solovki-monastyr.ru/news/1413/> (дата обращения: 14.04.2025).
2. В Соловецком монастыре почтили память воина Вадима Воронова // Соловецкий монастырь. 25.03.2025. URL: <https://solovki-monastyr.ru/news/1415/> (дата обращения: 14.04.2025).
3. Вадим Ш. Нехватка младших офицеров звена «взвод/рота» – одна из главных проблем СВО. 11 марта 2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZeuzRbRY0mrgHPml?sid=6765120180777117>, (дата обращения: 14.04.2025).
4. Военнослужащий ВС РФ закрыл собой товарищей от вражеского ударного дрона // Известия, 7 сентября 2023. URL: <https://iz.ru/1570260/2023-09-07/voennosluzhashchii-vs-rf-zakryl-soboi-tovarishchei-ot-vrazheskogo-udarnogo-drona> (дата обращения: 14.04.2025).
5. Воронова Т. Письмо, 2025.
6. Злобин В. Письмо на бумаге, 2025.
7. Злобин В. Сообщение Татьяне Вороновой, 2025.
8. Злобин В. Телеграм-канал*.
9. Иеромонах Роман (Матюшин). Русский солдат // Вконтакте: Священник Нашего Времени. 5 июля 2021. URL: https://vk.com/wall-76137996_3477111?ysclid=m91osilv6e66580952 (дата обращения: 14.04.2025).
10. Из отзывов нашей братии о войне Вадиме // ВКонтakte: Соловецкий монастырь. 18.02.2025. URL: https://vk.com/wall-104739330_10906?w=wall-195526000_42789 (дата обращения: 14.04.2025).
11. Из отзывов нашей братии о войне Вадиме // Телеграм: Соловецкий морской музей. URL: https://t.me/sol_mor_museum/2069 (дата обращения: 14 апреля 2025).
12. Историческая справка // Соловецкая средняя школа имени Соловецких юнг ВМФ. URL: <http://solovkischool.ru/index.php?id=%22main/007/0-name.txt%22> (дата обращения: 14.04.2025).
13. Кузьмина С. А. Письмо, 2025.
14. Маркелл (монах). Письмо, 2025.
15. Павлов В. «Мальчики с бантиками» Соловецкая школа юнг // История РФ. 25.05.2019. URL: <https://histrf.ru/read/articles/malchiki-s-bantikami-solovietskaia-shkola-iungh> (дата обращения: 14.04.2025).

* Канал в настоящее время не существует, однако автор Е. П. Гурина в период подготовки текста статьи имела доступ к этому источнику.

16. Пешкова Е., Николаев В. Потомственный военный закрыл товарищей собой // РТК «Забайкалье». 8.05.2024. URL: https://zrtk.ru/posts/12308-potomstvennyu_voennyu_zakryl_tovarishchey_soboy (дата обращения: 14.04.2025).

17. Прокопий (Пашенко), иеромонах. Памятка воину-христианину // Соловецкий монастырь. 12.09.2023. URL: <https://solovki-monastyr.ru/news/1413/> (дата обращения: 14.04.2025).

18. Слово благочинного Соловецкого монастыря архимандрита Ианнуария на литии во время принесения на Соловки новопреставленного Воина Вадима // ВКонтакте: Соловецкий монастырь. 28.02.2025. URL: https://vk.com/wall-201190697_1132555?ysclid=m91jo9qvw6840603855 (дата обращения: 14.04.2025).

19. Слово наместника на отпевании воина Вадима // ВКонтакте: Соловецкий монастырь. 1.03.2025. URL: https://vk.com/wall-201190697_1133399?ysclid=m91jpibin6345427151&z=video-195526000_456240437%2Ff968a70d0817870ed0%2Fpl_post_-201190697_1133399 (дата обращения: 14.04.2025).

20. Толкование на Евангелие от Иоанна 15:13. URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?Jn.15:13&c> (дата обращения: 14.04.2025).

21. Указ Президента Российской Федерации от 23 марта 2023 года № 185 «О некоторых вопросах совершенствования государственной наградной системы Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49062> (дата обращения: 14.04.2025).

22. Человекоубийство // Библейский словарь. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/biblejskij-slovar-gese/668> (дата обращения: 14.04.2025).

23. Школа юнг Северного флота. Самое высокое звание – юнга. 25.12.2014. URL: <https://solovki-monastyr.ru/abbey/soviet-period/seaboys/1312/> (дата обращения: 14.04.2025).

УДК 140.8
ГРНТИ 02.41.51

КОНЦЕПЦИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ В ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЕ ЕВРАЗИЙЦЕВ

А. А. Романов

Тульский государственный университет,
Тула

E-mail: arnobius@rambler.ru

Аннотация. В статье евразийство исследуется как органичное звено в развитии российской историософии на определенном ее этапе и раскрывается взаимосвязь историософской концепции евразийства с дореволюционной. Автор рассматривает взгляд на концепцию «Запад – Восток – Россия» в евразийской интерпретации, указывая на ее положительные и негативные моменты.

Ключевые слова: евразийство, Восток, Запад, русская философия, философия, историософия, история.

THE CONCEPT OF RUSSIAN HISTORY IN THE PHILOSOPHICAL SYSTEM OF EURASIANS

Aleksandr A. Romanov

Tula State University,
Tula

E-mail: arnobius@rambler.ru

Abstract. The article examines eurasianism as an organic link in the development of Russian historiosophy at a certain stage and reveals the relationship between the historiosophical concept of eurasianism and the pre-revolutionary one. The author examines the view of the concept of “West – East – Russia” in the eurasian interpretation, pointing out its positive and negative aspects.

Keywords: eurasianism, East, West, Russian philosophy, philosophy, historiosophy, history.

Сегодня Россия находится в ситуации, потребовавшей осознанного цивилизационного самоопределения. Отсюда и наблюдаемый всплеск интереса к историческому прошлому и философскому наследию страны. Одним из ярких направлений русской религиозно-философской мысли явилось евразийство, особенно благодаря пониманию ключевой для русского исторического мышления проблемы «Запад – Восток – Россия».

Евразийство обратило на себя внимание уже с выходом первого сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921 г.). Он был написан людьми широкого спектра гуманитарного знания. У истоков евразийства стояли лингвист и этнограф Н. С. Трубецкой, экономист П. Н. Савицкий, искусствовед П. П. Сувчинский, философ и богослов Г. Ф. Флоровский.

Возникшее как итог событий Первой мировой войны и русской революции, евразийство оформилось в самостоятельное идейное течение. Оно представляло попытку осмысления русской интеллигенцией исторических реалий и судеб страны в новом историко-культурном контексте.

Современная периодизация истории евразийства выглядит следующим образом:

- 1921–1925 гг. – разработка культурно-исторических аспектов мировоззрения;
- 1926–1929 гг. – попытка выработки единой идеологической базы (как известно, не увенчавшейся успехом: произошел раскол движения);
- 1930–1939 гг. – конкретно-научные исследования, направленные на обоснование единства России – Евразии (однако проблемы чисто идеологического характера, связанные с поисками постбольшевистской идеологии, и на этом этапе не выходят из поля зрения евразийцев).

Данная периодизация привлекает стремлением развести два плана евразийства: «когнитивное» и «аксиологическое». Евразийцам удалось сберечь научно-теоретический план исследований от идеологической его «инфильтрации»: общемировоззренческая, евразийская окрашенность исторических, лингвистических, экономических положений явилась результатом научного осмысления, но не априорно заданным руслом теоретических поисков.

В настоящей статье евразийство исследуется как органичное звено в развитии российской историософии на определенном ее этапе и раскрывается взаимосвязь историософской концепции евразийства с дореволюционной.

Особенности трактовки русской истории евразийскими авторами включали в себя ряд исходных положений:

- 1) обоснование существования особого континента Евразии, характеризующегося специфическими природными условиями, климатом и ландшафтом;

2) месторазвитие народа – это категория, отражающая синтез социально-исторической среды и территории, которую он заселяет;

3) месторазвитие народа вызывает к жизни определенный тип его менталитета и нравственности;

4) специфические условия жизни и определенный менталитет порождают особую социально-политическую организацию общества на территории Евразии.

Евразийцы по сравнению с дореволюционными русскими историками расширяют хронологические рамки отечественной истории, начиная анализ социальных форм жизни, предшествовавших расселению древних славянских племен на территории Евразии. Они увеличивают начальный период русской истории, включая в него и дославянские народности. В статье Н. С. Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре» сказано, что восточнославянские племена первоначально занимали только речные бассейны, составляющие незначительную часть Евразии, остальная, большая часть территории России была заселена туранскими племенами, которые и объединили страну в единое государство. Также он считал, что совершенно неправильно мыслить Россию славянской страной, в его понимании Россия как великое государство была заложена не на Днепре племенами славян или варягов, а монголами.

Евразийцы П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский разделяли этот взгляд, говоря, что Киевская Русь была небольшой по территории группой княжеств, управляемой князьями варяжской династии: «...не составляла и двадцатой доли площади России» [8, с. 33]. Именно поэтому Киевская Русь, находясь вблизи рек, не смогла расширить свою территорию, увеличивать мощь т. к. не владела степью и всегда оставалась под угрозой набегов кочевников. Соответственно, единственным решением было дробление на мелкие княжества, которые постоянно воевали друг против друга. После Владимира Мономаха и Мстислава Великого «дробнодержавие» преобладало, выражалось оно и в отсутствии взаимопомощи и сплоченности. Например, Юрий Всеволодович, великий князь Владимирский, отказал в помощи Рязани при подходе к ней монголов. По мнению П. Н. Савицкого, данная историческая ситуация имела два возможных исхода: «...или иноземное завоевание, или порядки вроде Германских после Тридцатилетней войны» [6, с. 209]. Иноземное завоевание Руси воспринималось как благо в мировоззрении евразийцев: «Великое счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, а не кому другому» [7, с. 124]. П. Н. Савицкий объясняет: «Татары – “нейтральная” культурная среда, принимавшая “всяческих богов” и терпевшая “любые культуры”, пала на Русь, как наказание Божие, но не замутила чистоты национального творчества» [7, с. 124]. Русские были спасены

от истребления и культурного порабощения Запада включением в монгольский улус. Русь стала платить дань в казну Сарайских ханов, за что имела торговый флот на Волге, религиозную резиденцию в Сарае, освобождение Русской православной церкви от всех видов налогов. С другой стороны, Русь в лице митрополии имела духовную и военную поддержку в многочисленных войнах на своих северо-западных и западных границах. Галицкая Русь и ряд княжеств, отказавшись от союза с Ордой, попали под гнет католической Европы, объявившей крестовый поход против русских и татар.

Отсутствие пространственных перегородок между отдельными народами создавало возможность «сверхнациональности», общей для всей Евразии. Культуры славянских, тюркских, финно-угорских, монгольских и других народов Евразии длительное время формировались и развивались, будучи заключенными в единую систему связей. Единство целей, сходство жизненного уклада и менталитета часто приводили, по мнению евразийцев, эти народы к объединению в государство. Политическое и культурное развитие евразийских народов, сроднившихся в течение веков совместного проживания, обеспечивало им процветание в рамках единого Российского государства – полагали евразийцы. Поэтому, как писал Н. С. Трубецкой, «национальным субстратом» русского государства, которое впоследствии «называлось Российской Империей, а теперь СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация...» [7, с. 95]. Следовательно, евразийская концепция истории впервые в российской историографии подняла проблему полинационального государства.

Евразийские авторы активно опровергали распространенное мнение о том, что, оказавшись в составе Орды, Русь остановилась в своем развитии. Русская самобытная государственность, согласно взглядам евразийцев, возникла под внешним влиянием монгольской государственности. В результате татарского нашествия «агрегат самостоятельных враждовавших славянских народов оказался включенным в организм великой Монгольской державы, для того, чтобы выйти из нее совершенно обновленной этнографически и политически силой и самому, в свою очередь, сделаться центром евразийского всеединства» – писал в «Евразийской хронике» В. Н. Ильин [3, с. 14]. А евразиец Г. В. Вернадский утверждал, что образование русского государства произошло под воздействием монгольского владычества. Оно явилось элементом, из которого впоследствии развилось российское самодержавие [2, с. 53].

Ослабление боярской и мелкокняжеской власти, явившееся результатом монгольского нашествия, было лишь временным процессом. Через два столетия русский народ создал единое государство, границы которого практически соответствовали границам Золотой Орды.

Евразийцы утверждали, что монгольская государственная система стала прообразом российской государственности. Это проявилось в установлении авторитарной традиции правления, в жестко централизованной общественной системе, дисциплине в военном деле и веротерпимости.

Также среди последствий монгольского ига они обозначали подъем религиозной жизни. «Татарщина была для древней Руси прежде всего религиозной эпохой» [8, с. 43]. Напряженная религиозная обстановка в духовной сфере привела к созданию шедевров, особенно в иконописи и религиозной литературе.

Уникальность евразийской системы в сравнении с предшествовавшими складывалась из многократной рефлексии над проблемой многонациональности и ролью восточных кочевых народов в истории России. Евразийцы не просто включили восточный, туранский мир в историю нашей страны, но посмотрели на саму историю не с Запада, глазами европейцев, а как бы из другого мира – степного, азиатского.

Стоит отметить, что, к сожалению, евразийцы, говоря о масштабных процессах, практически отказались от социально-психологического фактора, тем самым, не рассматривали в своих трудах весь ужас и страдания народа, которые принесло иго.

С момента распада монгольской державы в русских землях начинается борьба за политическое лидерство между Москвой, Тверью и Великим Новгородом. Г. В. Вернадский не ставил под сомнение причины возвышения Москвы, считая одной из основных ее выгодное географическое расположение. Н. С. Трубецкой помимо географических причин уделяет внимание социальным факторам. Дальновидные московские князья, служа ордынскому хану, втянувшись в работу по сбору дани для монгольского государства, пользовались полным покровительством Орды, что позволяло им, преследуя свои цели, объединять русские земли под своей властью.

Евразийцы высоко оценивали роль Московского царства в истории России как наследницы Византии в истинной христианской вере. «Монгольское наследство – евразийское государство. Византийское наследство – православная государственность» [1, с. 20]. Основанием всей духовной жизни общества была религия, «православная вера», которая прочно входила в быт всех сословий, а быт, в свою очередь, был неотделим от веры (исполнение нравственных предписаний церкви, совершение установленных обрядовых действий, посещение богослужений и т. п.). Все это сливалось воедино, в целостную систему «бытового исповедничества». «Органическую часть этого бытового исповедничества составляла и государственная идеология» [8, с. 53].

Евразийцы проводили четкое разграничение между Московской Русью и императорской Россией. Петровская империя, считали они, являлась

непосредственной преемницей Московского царства и тем не менее резко отличалась от него в правовой, социальной, политической и духовной сферах.

До евразийцев уже существовали оценки преобразований Петра I, например западническая и славянофильская. Западники ставили в заслугу Петру реформирование России. Славянофилы считала, что Петровские реформы нанесли огромный вред России. Евразийцы, соглашаясь с идеей славянофилов, считали, что вся послепетровская история России определялась не следованием по естественному историческому пути, а исторически неоправданным уклонением в сторону, в угоду ложным представлениям об исторической миссии России [8, с. 61–62].

Строительство всероссийской империи являлось, согласно концепции Г. В. Вернадского, основной русской организационной идеей XVIII–XIX вв. Евразийцы негативно относились к Петровской эпохе и периоду, последовавшему после петровских преобразований. «Провозглашая своим лозунгом национальную русскую культуру, евразийство идейно отталкивается от всего послепетровского, Санкт-Петербургского, императорско-оберпрокурорского периода русской истории» [5, с. 71].

К резкому осуждению XVII–XIX вв. евразийцы приходят, потому что именно этот период уничтожения всего самобытно-национального, замененного насильственной европеизацией. Итогом таких перемен становится революция 1917 г. Она запускает процесс культурного расщепления в народе: «Разделение “интеллигенции” и “народа”, как двух культурно-бытовых, внутреннезамкнутых и взаимно-ограниченных сфер, есть основной парадокс русской жизни, порожденный именно петровской реформой» [9, с. 270].

Отношение представителей евразийства к революции 1917 г. логически вытекало из их общей исторической концепции в целом и оценки императорского периода в частности. «Осмысление русской революции есть осмысление русской истории и обратно: уясняя смысл революции, мы уясняем смысл истории» [4, с. 51]. Революция – не государственный переворот, а закономерный этап истории, реакция на два предшествующих столетия.

Анализируя российский исторический процесс, Г. В. Вернадский составил схему периодической ритмичности государствообразующего процесса, объясняющую причины возникновения и гибели государств, которая была принята всем евразийским течением. Суть ее заключается в цикличности государствообразующих процессов. Для России Г. В. Вернадский выделил четыре таких цикла.

1. Начальные попытки единой государственности – образование «скифской державы» (около V в. до н. э.) – сменились системой государственных образований сарматов и готов.

2. Создание единого государства – гуннской империи (IV–V вв.), которая распалась на большое количество отдельных государств: аваров, хазар, камских болгар, печенегов, половцев и Русское государство.

3. Монгольская империя, которая возрождает единую государственность на огромной евразийской территории, и ее распад.

4. Создание единой государственности завершилось. Единое государство – Российская империя – к середине XIX в. занимало почти всю территорию Евразии. СССР являлся продолжением единой государственности и, «потеряв много коренных русских земель на западе – удержал русские владения на востоке и даже отчасти продвинул евразийское государственное объединение к востоку» [1, с. 17].

Таким образом, евразийская концепция истории включает в себя прежде всего саму постановку вопроса «Россия – Евразия», объяснение предназначения России быть Евразией, анализ объективных корней и исторического опыта евразийской общности. Евразия, считали евразийцы, не может быть ни Европой, ни Азией в силу всей совокупности факторов ее географического, этнического, культурного и политического развития.

В заключение отметим, достоинством евразийской концепции истории было отрицание преобладающего в общественной мысли мнения о том, что Россия – это отсталая европейская страна. Евразийцы смогли указать на важнейший исторический аспект: Россия отличается от Запада, но она и не Азия. Евразийцы, в отличие от предшественников, привлекали внимание к проблемам взаимодействия монголо-татар и русских, но одновременно монголо-татарское иго в исторической концепции евразийцев рассматривается не как национальная трагедия, а как период, выведший Русь «на великую, всемирно-политическую арену», период, превратившийся «для Руси в великую монголо-татарскую “школу”» [6, с. 209]. Европеизация России, насильственно принятая с Петровской эпохи, нашла отклик главным образом в высших слоях общества, при этом не сделав Россию европейской страной, а медленно приводя ее к событиям революции и социальному расслоению.

Литература:

1. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М.: Алгоритм, 2008. 331 с.
2. Вернадский Г. В. О движении русских на Восток к (из вступительной лекции, читанной в Санкт-Петербургском университете 2 ноября 1913 г.) // Научный исторический журнал, издаваемый под ред. проф. Н. И. Кареева. 1913. № 1. С. 45–54.

3. Ильин В. Н. О евразийском патриотизме // Евразийская хроника. Вып. VIII. Париж, 1927. С. 11–15.
4. Карсавин Л. П. Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж; Берлин: Евразийское книгоизд-во, 1926. 77 с.
5. На путях. Утверждение евразийцев. Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. 445 с.
6. Письма П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву // Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. СПб.: СЗКЭО; М.: Изд. дом «Кристалл», 2003. С. 209–242.
7. Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. 368 с.
8. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2007. 732 с.
9. Флоровский Г. В. О патриотизме праведном и греховном // На путях. Утверждение евразийцев. Кн. № 2. Москва; Берлин: Геликон, 1922. С. 130–293.

УДК 140.8

ГРНТИ 02.41.51

ИДЕИ Л. А. ТИХОМИРОВА В ОТНОШЕНИИ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ МОНАРХИЧЕСКОГО ПРАВЛЕНИЯ: САМОДЕРЖАВИЯ, АБСОЛЮТИЗМА И ДЕСПОТИИ

П. В. Седаев

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород
E-mail: PVSedaev@mail.ru

У. В. Пиголицина

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова
Нижний Новгород
E-mail: uvpigolicina@lunn.ru

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды русского консервативного мыслителя Л. Тихомирова на монархический способ правления. Авторы проводят анализ идей Л. Тихомирова в отношении различных форм монархической

государственности, а именно: самодержавия, деспотии и абсолютизма. На основе проведенного анализа делается вывод о самобытности русского самодержавия как уникального явления в мировой истории.

Ключевые слова: монархия, самодержавие, деспотия, абсолютизм, духовно-нравственные основы общества, принцип правления.

L. A. TIKHOMIROV'S IDEAS ON VARIOUS FORMS OF MONARCHICAL GOVERNMENT: AUTOCRACY, ABSOLUTISM AND DESPOTISM

Pavel V. Sedaev

Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod
E-mail: PVSedaev@mail.ru

Ulyana V. Pigolitsina

Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod
E-mail: uvpigolicina@lunn.ru

Abstract. The article examines the ideas of the Russian conservative thinker L. Tikhomirov on the problem of the monarchical way of government. The authors analyze L. Tikhomirov's views on various forms of monarchic statehood, namely autocracy, despotism and absolutism. Based on the analysis, a conclusion is drawn about the uniqueness and originality of the Russian autocracy as a unique phenomenon in world history.

Keywords: the monarchy, the autocracy, despotism, absolutism, spiritual and moral foundations of society, the principle of government.

Лев Александрович Тихомиров (1852–1923), наверное, один из самых значимых представителей русской консервативной мысли. Его биография заслуживает отдельного исследования. В молодости Л. Тихомиров увлекался революционными идеями, был членом исполнительного комитета партии «Народная воля», которая подготовила и осуществила покушение на императора Александра II. После этого он вынужден был покинуть Россию и уехать в Европу. Насмотревшись на западноевропейские порядки, пишет прошение о возвращение на родину на высочайшее имя и получает это право. Вернувшись, Тихомиров становится одним из главных идеологов русского консерватизма и самодержавного принципа правления как особенного и необходимого для России.

Он является автором большого количества научных и публицистических работ, главная из которых – «Монархическая государственность». Умер Л. Тихомиров в Сергиевом Посаде в 1923 г., уже при советской власти.

В данной статье мы попытаемся проанализировать основные идеи Тихомирова в части особенностей построения монархической системы управления в России. Свои идеи об устройстве русской политической системы в виде самодержавной монархии Тихомиров выстрадал. Как уже было сказано, в молодости он был приверженцем либеральных и даже революционных идей. Но после своего отъезда в Европу, сначала в Швейцарию, а затем во Францию, полностью пересматривает свои взгляды. По его мнению, любые западноевропейские политические идеи слишком теоретизированы и не имеют ничего общего с особенностями русской национальной жизни, следовательно, не могут быть применены на практике. «Настоящая причина бессилия наших политических программ состоит в том, что они слишком теоретичны, слишком мало национальны, слишком мало сообразованы с условиями нашей страны. Неокрепшая культура нашего отечества еще не имела времени накопить достаточное количество политических и социальных наблюдений, почерпнутых из жизни самой страны» [4, с. 25–26.] – пишет Тихомиров. Таким образом, он приходит к выводу о том, что любая система политической власти в государстве должна основываться на истории, на особенностях развития общества с учетом различных факторов, а не на заимствованных социально-политических построениях, которые зачастую не имеют ничего общего с действительностью.

Именно такой уникальной системой политической власти для России является самодержавная монархия. Необходимо отметить, что, рассматривая самодержавный принцип правления как нечто уникальное для России, Л. Тихомиров не был единственным представителем русской консервативной мысли, который отстаивал такую точку зрения. Схожие идеи предлагали и другие мыслители охранительного направления. В частности, Василий Данилович Катков (1867 – после 1917) писал, что «идея самодержавия не есть какая-то архаическая идея, обреченная на гибель с ростом просвещения и потребности в индивидуальной свободе. Это вечная и универсальная идея, теряющая свою силу над умами при благоприятном стечении обстоятельств и просыпающаяся с новою силою там, где опасности ставят на карту самое политическое бытие народа. Это героическое лекарство, даваемое большому политическому организму, не утратившему еще жизнеспособности» [1, с. 19.]. Таким образом, самодержавный принцип правления, по мнению представителей русского консерватизма, является вполне естественным способом правления, присущим России. Однако наиболее фундаментальной работой по теории самодержавного принципа правления, на наш взгляд, является работа Л. Тихомирова «Монархическая

государственность». Данный труд вышел в 1905 г., в разгар первой русской революции, и поэтому остался незамеченным. Потом в русском обществе стали преобладать либеральные настроения, которые в итоге завершились революционными событиями 1917 г. В советский период времени идеи Л. Тихомирова также были неинтересны по понятным причинам. И только сегодня идеи, сформулированные в «Монархической государственности», стали актуальными в среде консервативно настроенных ученых.

Более того, по мнению того же Л. Тихомирова, самодержавие – это не есть прошлое, а наоборот, это та форма правления, которая будет востребована в будущем в России. В своей работе автор подробно разбирает все формы монархического правления, а именно – деспотию, абсолютизм и самодержавие. Первые две Л. Тихомиров считает неправильными, и только самодержавие является правильной формой правления. При самодержавной форме правления, по мнению Л. Тихомирова, воля монарха не является безграничной, как при абсолютизме и диктатуре, а подчинена высшей, божественной силе. Таким образом, основа самодержавия – это духовно-нравственный принцип, который «имеет своим руководством Божественное учение, нравственный идеал, ясный долг, и все это существует не только как учение, но и как реальное содержание народной души, с которой прибывает сам Бог» [3, с. 103], – пишет Л. Тихомиров.

В основе деспотической и абсолютной монархий лежат совсем другие принципы. Так, абсолютизм как принцип монархического правления строится на том, что он никем не создан, ни от чего не зависит и не несет ответственности ни перед кем. При таком способе правления верховная власть не признает выше себя никого и ничего: «... никакой власти выше собственной массовой силы – абсолютной по природе. Если все, имеющиеся в государстве средства действия и управления, передаются одному лицу, то это лицо становится обладателем власти абсолютной, суммой всех государственных властей» [3, с. 104]. Причем абсолютистская власть присуща в первую очередь демократии, которая, по мнению Л. Тихомирова, вырождается в абсолютизм. Так, в своей работе «Единоличная власть как принцип государственного строения» он пишет: «...по духу своему абсолютизм свойственен по преимуществу демократии. Государство представляется обладающим абсолютной властью тогда, когда оно сливается с массой, не признающей по нравственному состоянию своему никакой над собой власти выше собственной массовой силы» [2, с. 105].

Что касается деспотического способа правления, то в основе него, по мнению Л. Тихомирова, лежит также идея о том, что высшей управительной силой в государстве является божественная сила. Однако при деспотическом способе правления происходит обожествление личности самого монарха, что не соответствует принципу самодержавия. «Но есть монархии, которых личная

Верховная власть основана на ложных религиозных концепциях, и они тогда порождают из этой личной власти произвольную, то есть деспотическую. Зависит это от того, что эти ложные религиозные концепции связаны или с личным обожествлением монарха, или с божеством, осознаваемым только как некоторая огромная сила, без нравственного содержания...» [3, с. 103]. Таким образом, по мнению Л. Тихомирова, истинной монархической властью может быть только монархия самодержавная. В ней на первое место ставится нравственный идеал, который выражает божественное начало.

Теперь необходимо проанализировать, что является основой для самодержавного принципа правления. Как было сказано выше, по Л. Тихомирову, в основе самодержавного принципа правления лежит духовно-нравственный идеал. Самое главное, считал мыслитель, то, что в монархе народ видит правление не просто какой-то личности, а правление религиозно-нравственного идеала, который и выражен в лице самодержавного монарха. Таким образом при самодержавном принципе правления, по мнению Л. Тихомирова, происходит соединение народа, нации и высшей божественной силы. Это подразумевает следующие составляющие:

Во-первых, самодержавный принцип правления основывается на том, что в политической системе верховенство принадлежит религиозно-нравственному идеалу, который разделяется всем обществом. Именно при таком понимании верховной власти как власти духовно-нравственной народ отдает себя в управление высшей силе, растворяет себя в этой силе и служит ей. При таком понимании государственного устройства верховный правитель в лице самодержавного монарха и его подданные находятся в духовном единстве и неотделимы друг от друга. Здесь происходит своего рода мистическое единение монарха и народа.

Таким образом, по мнению Л. Тихомирова, самодержавная монархия – это единый организм, в котором сливается народ с царем в поисках правды и Бога как нравственного идеала жизни. При деспотическом способе правления такое единение просто немыслимо, власть правителя основывается на страхе народа перед своим правителем, идеал размывается и на первый план выходит власть силы. Естественно, связь народа и деспота немыслима. Народ подчинен деспоту только лишь из страха, а не по зову собственной совести. Тихомиров по этому поводу указывает: «Монархия деспотическая, или Самовластие, отличается от истинной монархии тем, что в ней воля монарха не имеет объективного руководства. В монархии истинной воля монарха подчинена Богу. Она имеет своим руководством Божественное учение, нравственный идеал, ясный долг» [3, с. 104].

Во-вторых, самодержавная монархия, хотя и не имеет ограничений в юридическом смысле этого слова, но не может быть никем не контролируемой

и ни пред кем не ответственной. Самодержавный монарх отвечает за свои дела перед высшей силой, перед Богом. Никакая другая форма монархического правления: ни абсолютизм, ни деспотия – не имеют такой ответственности. Истинный монарх несет прямую ответственность за судьбы вверенного народа перед Богом. Л. Тихомиров указывает на это различие таким образом: «Монархия истинная, то есть представляющая Верховную власть нравственного идеала, неограниченна, но не абсолютна. Она имеет свои обязательные для нее начала нравственно-религиозного характера, во имя которых только и получает свою законно-ограниченную власть» [3, с. 101].

Ну и наконец, в-третьих, истинная самодержавная монархия определяется особенностями национального характера, национального мировоззрения. Поэтому на ее становление и развитие влияют религиозные, социальные, культурные особенности народа, которые складывались на протяжении всего исторического пути его развития. Поэтому, по мнению Л. Тихомирова, не может быть единого, универсального пути устройства верховной власти. Каждому народу, каждому государству присущи собственные уникальные особенности построения верховной власти. Так, ментальность и исторические условия развития нации обеспечили верховенство самодержавного принципа правления сначала в Византийской империи, а затем были перенесены в Россию.

Подводя итог, необходимо констатировать, что Л. Тихомиров был первым мыслителем, который проанализировал основные формы монархического правления. На основе проведенного анализа им была обоснована идея истинного способа монархического правления в форме самодержавия. В дальнейшем данную идею развивали другие представители русской консервативной социально-политической мысли: П. Е. Казанский, М. В. Зызыкин, Н. А. Захаров, И. Л. Солоневич. И. А. Ильин и др. Сегодня идея о том, что государственное устройство любой страны должно основываться на истории и ценностях и не может быть заимствовано извне, которую отстаивал Л. Тихомиров, является по-прежнему важной и актуальной.

Литература:

1. Катков В. Д. О русском самодержавии. Харьков, 1906.
2. Тихомиров Л. А. Единоличная власть как принцип государственного строения // Руководящие идеи русской жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 9–167.
3. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. 672 с.
4. Тихомиров Л. А. Почему я перестал быть революционером // Критика демократии. М.: Москва, 1997. С. 168–270.

**ОПЫТ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ В ОСМЫСЛЕНИИ
ПРОБЛЕМЫ ПОЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТРУДОВ
ИВАНА ИЛЬИНА И НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА)**

О. Н. Багаева

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород
E-mail: olga_bagaeva1@yahoo.com

Аннотация. В статье анализируются основные понятия, смыслы русской философии, которые раскрывают метафизический смысл феномена познания. Проведен анализ взглядов русских философов на проблему познания, подчеркивается, что Иван Ильин и Николай Бердяев сформулировали многие положения, ставшие впоследствии аспектами концепции цельного знания. Эти взгляды сформировались под влиянием немецкой философии и русской святоотеческой традиции. Русские мыслители уделяли значительное внимание теории бытия. Они признавали важную роль в жизни людей мотивов к познанию и деланию суждений. Также они призывали к созиданию самобытной русской философии как соединения всех наук и духовного опыта русского народа. Русская философская мысль XIX–XX вв. представляла собой широкий спектр самых различных направлений, течений, школ и т. д., где вопросы познания занимали определенное место.

Ключевые слова: русская философия, Иван Ильин, Николай Бердяев, проблема познания.

**THE EXPERIENCE OF RUSSIAN PHILOSOPHY IN UNDERSTANDING
THE PROBLEM OF KNOWLEDGE
(BASED ON THE WORKS OF IVAN ILYIN AND NIKOLAI BERDYAEV)**

Olga N. Bagaeva

Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod
E-mail: olga_bagaeva1@yahoo.com

Abstract. This article analyzes the basic concepts and meanings of Russian philosophy that reveal the metaphysical meaning of the phenomenon of knowledge, and analyzes

the views of Russian philosophers on the problem of knowledge. The article emphasizes that Ivan Ilyin and Nikolai Berdyaev formulated many provisions that later became aspects of the concept of integral knowledge. These views were formed under the influence of German philosophy and the Russian patristic tradition. Russian thinkers paid considerable attention to the theory of being. They recognized the important role of motives for knowledge and judgment in people's lives. They also called for the creation of an original Russian philosophy as a combination of all sciences and the spiritual experience of the Russian people. Russian philosophical thought of the 19th-20th centuries represented a wide range of various trends, movements, schools, etc., where questions of knowledge occupied a certain place.

Keywords: Russian philosophy, Ivan Ilyin, Nikolai Berdyaev, the problem of knowledge.

Н. А. Бердяев задается вопросом о роли познания в процессе объективации. Можно ли предположить, вопрошает философ, что объективированное познание ущербно и греховно, поскольку познается вещь и объект? Но, продолжает он свою мысль, источник дефектности познания следует искать не в нем, а в объективированном бытии. Познание познает «падшее бытие под знаком падшего» [1, с. 60]. Познание, которое мыслится как объективация, для которого закрыто внутреннее существование и духовный мир, является все-таки познанием в чистом виде, так как в процессе познания что-то открывается и делается известным, хотя лишь в определенной степени. Следовательно, познание нашего падшего мира возможно. Мыслитель выделяет несколько ступеней познания. Познание с помощью физико-математических наук, открывающее законы природы, Бердяев называет самым объективированным, поскольку объект существует в разрыве, полной оторванности от субъекта. В то же время нельзя не признавать ценности такого вида познания, так как в нем отражается лик могущественного Логоса, но оно все же находится в стальных тисках объективации, закрывающей внутреннюю тайну бытия. Вторая ступень познания – познание мира социального. Этот вид познания стоит под знаком общества, этим и отличается от познания под знаком общения. Данный тип познания – другая ступень объективации, но с нее «может проливаться свет на весь процесс объективации» [1, с. 61], что, по мнению философа, является сутью неизбежной социализации. В любом случае пусть к истине «лежит через гнозис» [7, с. 98].

Все вышеперечисленные виды познания являются объективированными, так как не открывают экзистенциального субъекта, его тайны, наоборот, закрывают его. Что касается философского познания – оно может содержать в себе элементы объективации, но все же стремиться преодолеть ее, иначе было бы

неспособно искать внутренний глубинный смысл бытия. Предназначение философской мысли Бердяев видел в «любви к истине и дерзновению мысли» [4, с. 16]. Объективацией философского познания в наибольшей степени мыслитель называл натуралистическую метафизику, которая более всего чужда внутреннему человеку и его существованию.

Познание во многих случаях отождествляется с рационализацией. Мыслитель утверждает, что это не одно и то же. Рационализация имеет место в процессе познания. Всякая рационализация не является только объективацией, то есть отчуждением и разобщением, но есть также достижение власти общего, то есть отсутствие приобщения и общения. Таинство индивидуального от рационального познания ускользает, не желая ему открываться. Познание имеет свойство упираться в проблему существования иррационального. С особой остротой встает вопрос о возможности рационального познания иррациональности бытия. «На иррациональную тайну, – пишет мыслитель, – должен быть брошен свет разума» [2, с. 112], поскольку в разуме есть не только *ratio*, но и Логос. В процессе познания при встрече на границе рациональности и противоречивости бытия обнаруживается двойственная природа познания.

Выясняется, что в познании неизбежно присутствует не только имманентный, но и трансцендентный элемент. Бердяев пишет о том, что существует два типа познания: 1) познание, понимаемое как объективация и рационализация, где разум оказывается неспособным трансцендировать, перейти через свои собственные границы, возвыситься над собой; 2) познание как бытие и существование, где разум пытается «дотянуться» до иррационального и индивидуального и раскрывает его в качестве общения и приобщения. Следовательно, познание, продолжает философ, может рассматриваться в двух различных перспективах: 1) в перспективе общества, где довлеет общее и происходит «процесс самосковывания» [5, с. 442] и 2) в перспективе общения, где возможно приобщение к глубинному существованию, погружение в индивидуальное.

Познание в перспективе общества знает лишь универсальное и общеобязательное, но ему незнакомо внутреннее. Познание в перспективе общения не обладает обязательностью, но приобщено к тайне бытия, к духу. По мнению Н. А. Бердяева, истины философского познания предполагают гораздо большую степень духовной общности, чем, например, истины физико-математические. Религиозные же истины предполагают максимальную степень духовной общности, согласно философским воззрениям философа. Но так случилось в истории человечества, что истины религиозного характера были объективированы и социализированы, иными словами «поставлены под знаком общества» [2, с. 116].

Религиозные сообщения между людьми устанавливались без настоящей общности людей, служили не общению, а естественному сообщению между

ними. Достижение механической общности в условиях нашего падшего мира связано с объективацией и социализацией. Но эта универсальная общность характерна для мира «сего», находящегося в состоянии греховной разобщенности. Условие падшести и греховной разобщенности личностей находится не в объективации различных видов познания, а в самом состоянии бытия, утверждает философ. Познание же со своей объективацией есть все-таки положительная ценность. В познании социальном достигается меньшая общеобязательность, чем в познании естественно-научном. Это определяется тем, что социальное познание связано с социальным положением людей, их принадлежностью к той или иной социальной группе с ее определенной психологической настроенностью. Характер социального познания зависит от состояния социальных групп. Социология познания может проливать свет на религиозное познание. Церковь – категория социологическая, поэтому, по Бердяеву, возможна церковная гносеология. Но вся теория объективации и социализации возможна лишь в свете философии существования, экзистенциального субъекта, который обладает «огненностью субъективного личного духа» [1, с. 84], а не в перспективе вещного, предметного объекта. Раскрытие тайны существования как тайны активного духа является угасанием и умиранием объективированного, «уплотненного и отяжелевшего» [1, с. 88], общеобязательного мира.

С точки зрения Ивана Ильина, на протяжении всей своей жизни любой человек слагает, делает суждения, применяя их в повседневной жизнедеятельности. Индивид выносит суждения сознательно или бессознательно, делая это громогласно или совершая молчаливые поступки, задавая вопросы или отвечая на них. Индивид использует суждения, сделанные на основе логико-речевых, коммуникативных навыков, в любой сфере жизнедеятельности: в сфере политики, искусства, учительства и в обыденной жизни. Ильин полагает, что за каждым жизненным решением, поступком скрывается целый спектр суждений (иногда ярких, иногда едва очевидных, лишь помысленных и т. д.).

На протяжении всего своего пути человек должен воспитывать в себе умение слагать суждение и укреплять в себе этот навык. Он обязан упорядочивать, организовывать свой внутренний мир и окружающую его внешнюю среду. Человеку просто необходимо понимание, осмысление и применение на практическом уровне таких понятий, как «порядок», «строй». «Приводить в порядок», «упорядочивать» [3, с. 7], по мнению философа, значит вдумчиво вмешиваться в хаотически-случайный поток жизненных событий, содержаний и разбирать, устанавливать сущностно, качественно новые связи, «новую сопринадлежность вещей» [6, с. 62]. «Упорядочивать», «организовывать», по мнению философа, значит отличать существенное от несущественного и наделять «существенное» определенным смыслом и весом, то есть создавать целостный «организм». Этим

организмом может быть отдельно взятое хозяйство, государственная структура, семья, школа, коммерческая компания и т. д. В основе всего, по Ильину, лежит процесс слагания суждения.

Способность делать суждение не является привилегией лишь образованного человека, «отвлеченного мыслителя». Слагает суждение любой индивид, он выделяет важное, организовывает, оценивает, творит на рабочем месте, за компьютером, на кухне, в гараже, в торговом центре, в парламенте, в учебном заведении и т. д. «И это искусство – во всем схватывать существенное, все связывать существенно принадлежностью и согласно этому «строить жизнь» – есть искусство суждения» [6, с. 63]. Именно поэтому каждая человеческая личность призвана воспитывать в самой себе, в своих коллегах, подчиненных, воспитанниках, родственниках умение слагать суждение, так как это свойство лежит, по мнению Ильина, в основе всей человеческой культуры. Далее философ формулирует следующий вывод: этот навык слагать суждение есть работа над собой, стремление к самосовершенствованию, самовоспитание и возможен через аскезу. Путь аскезы возможен не только через воздержание, но и через упражнение, то есть активное делание. Суть аскезы, по Ильину, заключается в формировании чувства ответственности: «Аскеза есть школа, ведущая к лучшему; дисциплинирование и сосредоточение силы...» [6, с. 63]. Там, где происходит воздержание, работа над собой, формирование дисциплинированности внутреннего мира, «там бережется и укрепляется сила национальной мысли, “мозг” страны, творческая энергия знания...» [6, с. 63].

Литература:

1. Бердяев Н. А. Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. Москва: Директ-Медиа, 2019. 204 с.
2. Бердяев Н. А. Я и мир объектов: опыт философии одиночества и общения. Москва: Директ-Медиа, 2019. 187 с.
3. Верховодько А. С., Рупова Р. М. Свет России грядущей: человек и общество в «русской идее» Ивана Ильина. Санкт-Петербург: Алетейя, 2015. 104 с.
4. Вехи. Интеллигенция в России: Сб. статей 1909–1910 / Сост., коммент. Н. Казаковой; предисл. В. Шелухаева. М.: Мол. Гвардия, 1991. 461 с.
5. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 томах. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. Том 2. 570 с.
6. Ильин И. А. Путь к очевидности / Под ред. Л. М. Сурис. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 194 с.
7. Шестов Л. И. Умозрение и Апокалипсис: религиозная философия Вл. Соловьева; Николай Бердяев: гнозис и экзистенциальная философия: Сборник научных трудов. Москва: Директ-Медиа, 2012. 143 с.

А. Н. Лушин

Дважды лауреат и дипломант литературного конкурса
«Доброе слово» МВД России,
Союзом писателей России награжден медалью И. А. Бунина

К 80-летию Великой Победы

Когда свою я вспоминаю жизнь,
Перебираю в памяти события и даты,
Себе порой командую:
– Держись!
Ты сын солдата и отец солдата.
Пусть не всегда легко бывает жить,
Ведь жизнь подчас сюрпризами богата,
Но я обязан памяти служить
Как сын солдата и отец солдата.
Мы все умеем Родину любить,
Нам это чувство от рожденья свято,
И жизнь свою готов я положить
Как сын солдата и отец солдата.
Но если кто осмелится забыть
И отойти в сторонку виновато,
С того посмею грозно я спросить
Как сын солдата и отец солдата.
В висках моих серебряная нить,
Погоны с честью я носил когда-то,
И памяти клянусь не изменить
Как сын солдата и отец солдата.

Оловянный солдатик из детства
От отца мне достался в наследство.
Только с ним мой отец не играл,
Он его на войне подобрал
На пороге разбитого дома.
Мне история с детства знакома.
Он в кармане лежал гимнастерки,
Весь в щербинах и сильно потертый:
Он в атаке, поднявшейся рано,
Как отец, получил свои раны.
Но, пройдя через грозы и беды,
Он с отцом возвратился с Победой!
Был других он солдатиков строже
И от этого – много дороже.
Оловянный солдатик из детства,
Он останется внуку в наследство.

Мотора отставив ремонт,
Солдаты умчались купаться:
Фотограф приехал на фронт
И чистыми надо сниматься.
А фото в конверт положить,
Чтоб почтой военной отправить,
И надпись в углу не забыть
Красивую: «Маме на память».
И на гимнастерку медаль,
Чтобы выглядеть строже и старше...
С утра в предрассветную даль
Усталые роты на марше
Ушли за степной горизонт
Великой Победе навстречу.
Фотограф приехал на фронт,
Чтоб каждого увековечить!

Я верю: мы жили в великой стране
И не было лучше на свете!
И пела душа на особой струне:
Ведь, послевоенные дети,
Так радостно жили и счастливо мы,
Войны не познавшие беды.
Но знали: четыре суровых зимы
К подножью Великой Победы
Дорогой тяжелою с честью прошли
И нам подарили в наследство
Отцы, что в сердцах наших детских нашли
Свое повзрослевшее детство!

Осколок

Дождик землю щедро окропил,
И она намного мягче стала.
Тракторист осколок зацепил,
Из кабины выпрыгнул устало.
В этом вовсе не его вина –
Поле сотни раз перепахали,
Просто здесь когда-то шла война
И разрывы грозно грохотали.
Кто-то здесь и голову сложил –
Обелиск поставлен на опушке.
Он в карман осколок положил,
И хлебнул воды из старой кружки.
Влез в кабину сельский человек,
Уезжать с работы было рано,
И подумал: «Двадцать первый век,
А земля таит такие раны!»
На весу осколок покачал,
Сморщился, как от внезапной боли,
А потом до вечера молчал,
Бережно взрыхляя это поле.

Кусочек небольшой свинца...
А столько зла и столько боли.
Запомнил я рассказ отца
О долгой госпитальной доле.
Ему хотелось сгоряча
Бежать с постылой теплой койки,
Он уговаривал врача,
Что не болит нигде нисколько.
Пусть госпитальный вещевик
Ему вернет мешок и скатку,
В попутный прыгнет грузовик
И с батальоном снова в схватку.
А врач талдычит горячо:
— Тебе выписываться рано,
Еще не зажило плечо,
Еще не затянулась рана.
Отцу ночами снился бой
И взвод родной. И мама снилась.
Письмо дошло, что он живой,
Ведь за него она молилась.
Врач руку, наконец, пожал,
Вернули вещмешок и скатку.
Он не пошел, а побежал —
И снова в бой и снова в схватку!
Кусочек небольшой свинца....
А столько бед и столько боли.
Запомнил я слова отца,
Что нет сильнее солдатской воли!

О. Н. Сеньюткина

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород
E-mail: senutkina@mail.ru

**ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА СНЕГИРЕВА (1915–2012):
ЛИЧНОСТЬ В НАУКЕ, ОБРАЗОВАНИИ, СЛУЖЕНИИ РОДИНЕ**

В 1966 году в Горьковский государственный педагогический институт иностранных языков им. Н. А. Добролюбова (ГГПИИЯ) (ныне Нижегородский государственный лингвистический университет) была принята по конкурсу Татьяна Александровна Снегирева. Её вхождение в коллектив иняза произошло в тот год, когда ей исполнилось 50 лет. За плечами большой опыт преподавания английского языка: 20 лет в Хабаровском педагогическом институте (с 1946 по 1966 гг.). Её труд был отмечен в 1962 году знаком «Отличник народного просвещения».

Педагогическую работу Татьяна Александровна успешно совмещала с научной деятельностью. Значимым результатом её научных исследований было присуждение в 1963 году ученой степени кандидата филологических наук за диссертационное исследование «Порядок слов как средство связи между предложениями в древнеанглийском языке». Защита прошла в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена, а сама работа вызвала большой интерес у специалистов.

Т. А. Снегирева пришла работать в ГГПИИЯ, ректором которого был в те годы Анатолий Иванович Домашнев. Будучи первым ректором-лингвистом Горьковского иняза, молодой и энергичный организатор А. И. Домашнев большое внимание уделял работе с кадрами. Именно он пригласил в иняз в 1965 году ученого Юрия Максимовича Скребнева, хорошо известного в стране лингвиста,

по учебнику которого постигали разговорную английскую речь советские студенты разных вузов. На кафедру английской филологии, которую возглавил Ю. М. Скребнев, вскоре, в 1966 году, пришла работать героиня нашего очерка Т. А. Снегирева, получившая в 1965 году звание доцента. Сложился замечательный тандем в лице двух ученых и преподавателей (Скребнев – Снегирева), значительно поднявших уровень качества научно-педагогической работы коллектива иняза в целом. На кафедре английской филологии Т. А. Снегирева полно и ярко проявила свои незаурядные научно-педагогические, учебно-методические и организаторские способности.

Снегирева влилась в коллектив кафедры как сложившийся ученый и опытный педагог и на протяжении всего времени работы до ухода на пенсию (в 70 лет) пользовалась большим уважением коллег, студентов и авторитетом в глазах взыскательного и необычайно компетентного ученого – руководителя подразделения профессора Ю. М. Скребнева.

В круг учебных поручений Т. А. Снегиревой входило чтение лекций по лексикологии, стилистике и истории английского языка, а также сравнительной типологии английского и русского языков. Она вела семинарские занятия по целому ряду теоретических дисциплин и привнесла в учебный процесс значимый элемент практической целесообразности, что позволило сделать более продуктивным преподавание истории английского языка, лингвистической интерпретации текста, сравнительной типологии. Ей кафедра обязана становлением традиции разработки емких учебно-методических комплексов.

В течение ряда лет Т. А. Снегирева успешно работала на курсах повышения квалификации преподавателей вузов страны, функционировавших при Горьковском инязе.

Работая на кафедре английской филологии ГГПИИЯ в городе Горьком, Татьяна Александровна во многом повлияла на своего коллегу Феликса Сергеевича Гришкуна, который увлекся японским языком и стал основателем Японского культурного центра в НГЛУ.

Татьяна Александровна была скромным человеком, и её жизненный путь далеко не сразу стал известен даже коллегам.

Родилась Т. А. Снегирева 29 декабря 1915 года (11 января 1916 года по новому стилю) в Днепропетровске в семье ветеринарного врача и учительницы русского языка и литературы. Её детство мало чем отличалось от жизни сверстников из семьи интеллигентов того времени. Талантливая девушка в 1930 году по окончании семилетней школы поступила в Днепропетровский техникум иностранных языков, который окончила с отличием в 1933 году по специальности «Преподаватель английского языка», что дало ей возможность без экзаменов стать студенткой 2-го курса Ленинградского института филологии, литературы

и истории (ЛИФЛИ, впоследствии филологический факультет ЛГУ). Как вспоминала сама Татьяна, весной 1934 года группу третьекурсников с английского отделения ЛИФЛИ, на котором она училась, вызвали в Васильеостровский райком партии и предложили в полном составе перейти в особый японский сектор. Предложение было принято с большим энтузиазмом. Преподавателями японского языка были лучшие в то время востоковеды страны и японцы из Коминтерна. Направление подготовки обучающихся резко изменилось, что в дальнейшем оказало большое влияние на судьбу юной Татьяны: в 20 лет она оказалась в Токио и приступила к работе при аппарате военного атташе полпредства СССР в качестве переводчика. Основанием послужило то, что зачисленная на 3-м курсе в группу изучающих японский язык в особом японском секторе при ЛИФЛИ Татьяна имела с 1935 года специальность «Переводчик с японского языка».

Следующие годы (1935–1938) Татьяна Снегирева практиковала по специальности сначала в Главном разведывательном управлении Красной Армии в Москве, а затем в аппарате военного атташе при полпредстве СССР (Япония, Токио). Разумеется, решение о создании сектора ЛИФЛИ с ускоренной подготовкой знатоков японского языка и назначение для работы в Японию было неслучайным и определялось геополитической ситуацией в мире.

С 1939 года по возвращении в Советский Союз Т. А. Снегирева преподавала английский язык в Днепропетровском институте иностранных языков, в Туркменском педагогическом институте в Ашхабаде, в Военно-политической академии им. В. И. Ленина в Москве.

Только в 1970-е гг. из прессы стало известно, как жила и работала Татьяна Александровна в годы Великой Отечественной войны. Она никогда не придавала этой информации статус публичности, предпочитая умалчивать о своих доблестях и перенесенных испытаниях военного времени.

В музее НГЛУ хранится текст статьи, набранной на пишущей машинке, о перелете советского авиадесанта в Мукден, крупный центр японской военной промышленности на юге марионеточного государства Маньчжоу-Го. В составе этого десанта оказалась и Т. А. Снегирева. В считанные дни после начала войны СССР с Японией, 18 августа 1945 года, Снегирева получила назначение переводчицей особоуполномоченного Военного совета Забайкальского фронта генерала-майора Александра Тимофеевича Притулы. К этому времени она экстерном окончила Московский институт востоковедения в 1941 г и была направлена на воинскую службу в распоряжение 7-го отдела Политуправления 17-й армии Забайкальского фронта. Там в течение года, а затем на территории Монгольской Народной Республики и в г. Чойболсан (Китай) служила инструктором-литератором до 1945 г. Кстати, рукопись рассказа А. Т. Притулы об авиадесанте в Мукден хранится в музее НГЛУ.

В августе-сентябре 1945 года Т. А. Снегирева принимала участие в военных действиях против Японии на территории Китая в городах Чанчунь, Мукден, Харбин. За участие в десантной операции по взятию Мукдена награждена Орденом Отечественной войны I степени и медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией». В марте 1946 года удостоена медали Монгольской Народной Республики «За победу над Японией».

Конкретные факты из военной биографии Татьяны Александровны многим стали известны только из публикаций в прессе, в частности статьи в газете «Ленинская смена (1978)» и статьи «Капитуляцию японцам объявила женщина», опубликованной под рубрикой «Рассекречено» в «Российской газете» от 19 марта 2004 года. Копии газетных материалов также имеются в фондах музея НГЛУ.

Описание подвига Татьяны Александровны Снегиревой имеется в документах Минобороны СССР:

Капитан т. Снегирева Т. А. за время работы в 7-м отделе Политуправления Забфронта показала себя как исключительно добросовестный работник. Хорошо знает японский и английский языки, проделала большую работу по подготовке кадров переводчиков для Забфронта. Во время советско-японской войны проделала большую работу по написанию листовок для войск и населения противника. Т. Снегирева была направлена с представителями нашего фронта в г. Мукден в качестве переводчика при переговорах с японским командованием о капитуляции. Награждена орденом Отечественной войны I степени. Т. А. Снегирева была демобилизована в 1946 году в звании капитана административной службы.

В памяти преподавателей и студентов ГГПИИЯ / НГЛУ Т. А. Снегирева предстает человеком незаурядной осведомленности в области филологии, включая литературу, обладающим лингвистическим чутьем, обширными фоновыми знаниями, приобретенными благодаря способности глубоко мыслить и широте интересов. Конечно, эти качества были притягательными как для коллег, так и для студентов. Т. А. Снегиреву отличали профессиональная требовательность, принципиальность и добросовестность, а также самозабвенность в служении делу и скромность. Стойкость характера, необычайная дисциплинированность, готовность прийти на помощь позволили Татьяне Александровне преодолеть тяготы не только войны, но и пятидесяти лет трудовых будней с достоинством, присущим истинному патриоту.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАГАЕВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА (Нижний Новгород), кандидат философских наук, доцент кафедры философии, общественных коммуникаций и туризма Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

ГАЙКОВИЧ ЕКАТЕРИНА КОНСТАНТИНОВНА (Нижний Новгород), доктор политических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

ГВОЗДЕВА ИННА АНДРЕЕВНА (Москва), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

ГУРИНА ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (Москва), старший преподаватель кафедры Л-2 «Английский язык для приборостроительных специальностей» факультета лингвистики Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана

КОЛБАСОВ МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ (Нижний Новгород), магистрант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

КРАСНОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (Арзамас), директор средней школы № 58 г. Арзамаса

ЛУШИН АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ (Нижний Новгород), кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

НИКИТИН АЛЕКСАНДР ВСЕВОЛОДОВИЧ (Нижний Новгород), кандидат юридических наук, доцент кафедры философии, общественных коммуникаций и туризма Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

НИКИШИН ВЛАДИМИР ОЛЕГОВИЧ (Москва), кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

ПИГОЛИЦЫНА УЛЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА (Нижний Новгород), ассистент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

ПОЛЯКОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА (Нижний Новгород), старший преподаватель кафедры музыкального театра Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки

РОМАНОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (Тула), иерей, ассистент кафедры теологии Тульского государственного университета

САМОЙЛОВА МАРИЯ ПАВЛОВНА (Нижний Новгород), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и мировой политики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

СЕНЮТКИНА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА (Нижний Новгород), доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и мировой политики, начальник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Историческая компаративистика, регионоведение и развитие восточно-азиатских территорий» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

СЕДАЕВ ПАВЕЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ (Нижний Новгород), кандидат философских наук, доцент кафедры философии, общественных коммуникаций и туризма Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

СИВКИНА НАТАЛИЯ ЮРЬЕВНА (Нижний Новгород), доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира и Средних веков Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

СТЕСИКОВА СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА (Арзамас), учитель средней школы № 58 города Арзамаса

СОЛНЦЕВ НИКОЛАЙ ИГОРЕВИЧ (Нижний Новгород), доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

ЧУДЕЦКАЯ КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА (Нижний Новгород), кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД РФ

АЛЬМАНАХ

Славяно-греко-латинского кабинета
Приволжского федерального округа

Thesaurus scientiarum et virtutum.
Сокровищница знаний и добродетелей

Выпуск 8

Редактор-составитель Самойлова Мария Павловна

Редакторы: Н. С. Чистякова
В. М. Цымбалова
Компьютерная верстка Л. В. Медведева

Дата выхода в свет 25.12.2025. Свободная цена.
Формат 60×84/8. Печать трафаретная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 19,25.
Тираж 300 экз. Заказ № 11772.

Адрес редакции, издателя, типографии:
603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а